

Y P O B O P O K

L A N O

Annotation

Иногда судьба не спрашивает вашего мнения и поступает как самовлюбленная стерва. Но я благодарен ей за шанс новой жизни. Даже если она окончится, не успев начаться... ведь на дворе девятый век!

Какая глупая смерть...

Жаль, что я не смог выбрать другую. Страх и паника окутали лица спящих вокруг меня людей; кто-то снимает на камеру мобильного телефона, кто-то вызывает скорую. Гул большого города затихает, как и его серые краски.

Меня сбила машина. Да, так просто. Я никогда не торопился жить, но посчитал, что ожидание зеленого света слишком утомительно, чтобы тратить на него время. Откуда мне было знать, что водитель белого фургона будет настолько поспешен. Удар, полет, снова удар... Боли не было, не было и образов прошлого, хотя какие там образы...

Дело в том, что меня оставили у дверей детдома без записки и каких-либо вещей. Лето только вступило в силу, оставив позади весну, сотрудники детского дома прикинули мой возраст и коллективно придумали имя. С этого времени началась история Константина Алексеевича Смирнова. Мальчиков редко забирают новые родители, тем более с такой заурядной внешностью и посредственной тягой к знаниям как у меня. Учился я откровенно так себе, и никаких увлечений кроме спорта не имел. Тренировки по самбо стали единственной отдушиной в то время, поэтому и конфликтов с другими детьми не случалось, а друзей среди них мне так и не удалось найти. К восемнадцати годам я покинул приютившие меня стены и отправился в вольное плавание. Этот период моей жизни был совсем непрост.

Государство было обязано выделить мне жилье, однако не я один претендовал на него, ожидая в длинной очереди. Поэтому первые пару лет я жил у знакомого по спортивной секции. Слава (так звали моего друга) помог мне со всем: помог с работой и полезными знакомствами. Он был увлеченным ролевиком и в свободное время устраивал а-ля средневековые баталии с единомышленниками. Началось всё с деревянных палок, эльфийских ушей и луков и дошло до турниров и посещения масштабных фестивалей. На одном из которых он мне и сказал:

— Костян, тут ребятам кузнец нужен, не хочешь поработать? Деньги платить будут, не большие, конечно, но точно не обидят! — сказал он, опрокидывая в горло пинту медовухи.

— Кузнец? Из меня? — с недоверием спросил я.

— Ну да, сначала будешь там подсобку делать, потом, если понравится ковать научишься!

— Ну да, можно, так хоть какую-то пользу принесу, — вздохнул я. — Может и правда получится что-то.

Так я начал работать в кузнице, где мои коллеги занимались реконструкцией военного вооружения. Если коротко, то они делали все: от мечей до кирас. Через лет пять я мог изготовить любые заказы, правды ради, они не были произведением искусства, но качество имели неплохое. Шло время, и к сорока годам я добился признания и стал одним из лучших кузнецов моего направления, по крайней мере в России. Славка стал неплохим предпринимателем и организатором различных фестивалей. Мы работали с ним сообща. Удивительно как наша дружба сохранилась и пронеслась сквозь года. Я никогда не чувствовал, что лишен семьи, ведь у меня был такой друг. Но ни жены, ни детей завести не успел, хотя и желания не было.

Итак... последние секунды я проводил в мыслях о том, что жизнь моя в целом была

напрасной. Появился из ниоткуда и уйду в никуда, не оставив после себя ничего кроме кузницы. Воздух в последний раз покинул мою грудь, я закрываю глаза...

...и открываю от яркого света! Мелькание цветов как в калейдоскопе, в ушах звон...я чувствую, как мое тело что-то держит в воздухе, не могу сфокусироваться...

— Af hverju er hann ekki að gráta?[1]

Среди шума мой мозг вычленил какую-то фразу на незнакомом языке. Я и подумать не мог, что в наших неотложках работают иностранцы. Приложило меня знатно, судя по тому, что кроме цветных бликов видеть ничего не могу. Может наркоз вкололи, и это его действие?

— Brjóstagjöf, frú.[2]

Да, точно наркоз, надели маску и что-то вливают. Сознание начало мутнеть, глаза закрываются...Может еще поживу?

Это похоже на какую-то шутку. Младенец?! Это невозможно! Я могу понять, когда человек считает себя Наполеоном, но грудным ребенком? Не знаю, что со мной сделали, но и знать не хочу. Где мое тело, где я нахожусь?!

Ох... Не знаю, сколько прошло времени, с тех пор как я оказался здесь. Большую его часть я проводил во сне. Вскоре зрение прояснилось. Надо мной свисали какие-то корешки, таблички с узорами и пучки трав. Выше был бревенчатый потолок. Приглушенный свет исходил от тлеющих лучин и тускло мерцающих свеч, а воздух давил тяжестью закрытого помещения. Очень часто я слышал гвалт извне и разговоры на том же неизвестном языке. Некоторые слова я разбирал, будучи кузнецом и любителем ролевых баталий. Я знал некоторые фразы на датском, норвежском и исландском, но этот язык был немного другим.

Когда я проснулся в очередной раз, над колыбелью стояла... Даже не знаю, ведьма? Она не походила на страшных киношных «баб-яг», но при этом тяжелый взгляд этих зеленых глаз, которые смотрели будто сквозь меня, немного пугал. Сложно назвать ее возраст, но ее волосы были седые, хотя лицо выглядело молодо. На ней было зеленое платье, обрамленное вышитыми узорами, в которых я увидел скандинавские руны (да я и сам такие наносил на мечи и доспехи), тонкую шею охватывали бусы и оберег с руной Беркана[3]. А у ее ног терлась огромная пушистая кошка. Целительница-повитуха? И что это означает?

Меня сбила машина, просыпаюсь младенцем в обществе скандинавской знахарки? Если это сон, то мне пора уже проснуться...Она подняла меня на руки, и я увидел, где нахожусь. Моя колыбель стояла справа от большой кровати, к резным стенам были прикреплены различное вооружение и пестрые ткани, а перед кроватью находилась деревянная ширма, через которую я увидел все остальное пространство. Мы зашли за ширму, туда, откуда слышались голоса. И оказались в большом помещении с пылающей по центру жаровней, выложенной из дикого камня, слева и справа от которой стояли длинные столы и лавки вдоль комнаты. А дальше, ближе к стенам, ютились узенькие шхонки. Неужто «медовый зал»[4]? За лавками сидело несколько десятков сплошь бородатых мужчин. Все разговоры умолкли, как только повитуха вошла в зал. С обратной стороны ширмы громоздилась еще одна высокая лавка, занятая женщинами. Мы прошли дальше и остановились посреди зала. И справа от себя я услышал голос, который первым встретил меня в этом мире. Я так и не

успел увидеть ее, но голос узнал.

Если описать эту девушку одним словом, я сказал бы княгиня. Ее светлые волосы были заплетены в тяжелую косу, спадающую до лавки. Молодое лицо с прямыми чертами и легкая улыбка на губах. Справа от нее восседал мужчина. Помимо серьезных габаритов и суровой внешности он выделялся своими глазами. Льдистые, колючие, скрытые под густыми бровями, они устремились на меня и будто притягивали к себе. Мы остановились за два шага от этой пары. Ведунья положила меня перед ними на землю, прикрытую соломой, и отошла.

— Синдри, сын Стейна! Принимаешь ли ты этого ребенка в свой род? — звоном прошелся по залу голос повитухи, на незнакомом мне языке.

— Я принимаю его! Принимаю пред Богами в свой род! — прогремел мужчина и взял меня на свои руки.

Он переложил меня так, чтобы я лежал на его предплечье, свободной рукой взял бадью с водой и окропил меня ей. Потом ему подали миску с чем-то красным, и он, макнув туда палец, начертил что-то на мне.

— Ты родился храбрым, мальчик. Твои глаза не знают слез, а голос — крика. — Так пусть Боги услышат твое имя и запомнят его! Эгиль, сын Синдри! Мой сын! Мой первенец!

[1] Почему он не плачет? (исландский).

[2] Покорми его грудью, Госпожа.

[3] Руна Беркана символизирует женственность, беременность, плодородие и рождение новой жизни. Выступает символом материнства, любви и заботы. В перевёрнутом виде говорит о болезнях и предстоящих трудностях.

[4] Медовый зал (др. — сканд. mjöð-rann, возм. также mjöðsalr или mjöðhöllu, др. — англ. meoduhealle) — в Скандинавии эпохи викингов и у германских народов медовый или бражный зал изначально представлял собой длинное строение с единым пространством. Подобные строения относятся к категории так называемых длинных домов.

Слово *сын* я точно понял. А это значит, что в этом мире у меня есть родители. Мои родители, настоящие, по крайней мере насколько это возможно. Мать и отец, которых мне так сильно не хватало в детстве... Пусть это будет хоть злой рок, хоть божий умысел, но я благодарен судьбе, что они появились в этой жизни. И они любят меня! Все любят меня, разве это не здорово?

С течением времени я перестал теряться в догадках, почему я здесь. Проводя дни напролёт в попытках уложить все события в голову, я только сильнее стал погружаться в бездну безумия сложившейся ситуации. Видимо, есть вещи, которые просто так не осознать. Поэтому мне ничего не оставалось, как отпустить вожжи и дать будущему найти на всё ответы. А пока у меня появилась возможность прожить жизнь заново, я ни за что её не упущу. Мои первые слова в этом мире я произнес на следующий день после того, как мне дали имя, чем шокировал девушку, приходящуюся мне матерью. Я подумал, что было бы неплохо завязать разговор и научиться местному языку. Поэтому просто как можно четче сказал: «Мама!» Думаю, подобное не редкость даже для новорожденных детей, но мне хотелось обратить на себя внимание. Конечно, она сразу же показалась перед люлькой. Эта девушка появилась со счастливой улыбкой и сразу же начала быстро-быстро тараторить, и, по всей видимости, позвала мужа. Буквально через мгновение он появился и обнял её. Что же... контакт есть, теперь общение!

— Мама! — я указал своей маленькой ручкой на нее, — Папа! — теперь на отца, и барабанная дробь... — Эгий! — положил ладошку себе на грудь.

Сказать, что они были потрясены, ничего не сказать! Язык ворочался во рту с невероятной тяжестью, даже простые звуки не хотели выстраиваться в слова. Но реакция была не совсем такой, на которую я надеялся. Отец тут же метнулся из комнаты и вернулся вместе со знакомой мне ведьмой. Меня сразу начали кумарить травами, посыпать порошками и заглядывать в глаза. Не знаю, что они хотели там увидеть, но приятного знакомства явно не вышло... Когда всем стало понятно, что ничего плохого из меня не наблюдается, и сам я остался без изменений, ведьма указала на меня рукой, в явном ожидании.

— Эгий! — мне не сложно, свое имя я запомнил, хоть с произношением сейчас трудности.

Затем среброголовая показала на себя, сказав: «Сигрун!»

Это мы тоже запомним, насколько я знаю «сиг», означает победу, а «рун»-тайна или знание. Интересное имечко! Повторив вслед за ней, я снова вызвал небольшое замешательство. Но Сигрун успокоила родителей, сказав им что-то, после чего отец кивнул и назвал своё имя «Синдри», а мать «Асвейг».

С этого началось мое изучение языка и этого мира в целом.

Через месяца два я уже бегло говорил и понимал практически всё из наших разговоров. Думаю, никто так и не мог понять всю сюрреалистичную картину происходящего. Ребенок, которому нет и трех месяцев, строил осмысленные предложения и вел вполне взрослый диалог. Только спустя время я осознал, что поступил крайне глупо, начав общение в таком

возрасте. Мне очень повезло, что родился я среди викингов, и подобное можно было списать на благоволение Богов. Еще больше повезло с тем, что рядом была Сигрун и указала на этом остальным, ведь такое поведение ребенка могло трактоваться как происки злых сил.

Время шло, и окружающие понемногу привыкали ко мне, а я — к новому миру. Как оказалось, я снова родился поздней весной, но на этот раз в Вестфольде, на территории современной Норвегии, а точнее в местечке Тёнсберг. И мой отец — великий воин! В свои года, едва перевалившие за второй десяток, он успел повоевать под началом сыновей знаменитого Рагнара, а сейчас является хускарлом[1] местного короля Харальда Косматого. Прозвище так себе, но не стоит забывать, что это король, вернее конунг. Этим летом Синдри остался рядом с Асвейг, чтобы быть с ней в момент моего рождения. Редкое явление для головорезов, думающих только о возможности подраться и поживиться в морских походах. Но мой отец особенный, впрочем, как и мама.

Она прекрасна, и с юного возраста уже управляет одалем, землей, которая принадлежит нашему роду. В этом ей помогает её отец, но когда Синдри возвращается с плавания, то все бразды правления он берет на себя. Асвейг сказала, что ее род идет из глубины веков, и все предки, начиная с ее прадеда Харальда Рыжебородого, были великими королями прошлого. Также она сказала, что мы в далеком родстве с нынешним конунгом, но нас здесь уважают не только из-за этого.

Отец начал ходить в походы с юности. Среди своих сверстников он сильно выделялся, в первую очередь трудолюбием, так как всегда выкладывался до конца и делал все на совесть. Так он и попал в дрэнги к Уббе Рагнарссону. Но их дороги разошлись, когда после зимовки в Восточной Англии, кто-то должен был сопровождать корабли с добытым добром по дороге к родным землям. Тогда Синдри решил, что настало время возвращаться домой. По пути к родному острову Сёлунд отец посетил вотчину Харальда Косматого, где и встретил мать. И, как говорится, влюбился по уши. Награбленного в Англии было столько, что его свадебного дара хватило бы и для дочери конунга. Но вот для моей матери этого оказалось недостаточно!

— Золото — это хорошо, — прагматично сказала она. — Но так ли ты ловок, силен и храбр, как бахвалишься?

Асвейг сказала ему пройти испытания, и если он справится, то она станет его женой. Но зная викингов, испытания у них были Гераклу в пору...

Она дала ему нож и произнесла:

Коль храбр ты, силен и ловок,
Утес покоришь без веревок,
Достанешь гагачьих яиц,
И с ними вернешься ты вниз!

Коль ловок, силен ты и храбр,
Плыви сам до острова Рёуер![2]
Медведя там ты найдешь,
И лапу его принесешь!

Коль храбр ты, ловок, силен,
Догнать сможешь и босиком

Двух зайцев, зайчиху одну...
Тогда только замуж пойду!

Возможно, она и не так сказала, но скальды, эдакие поэты-песенники, узнав историю моих родителей, сочинили эту балладу, которую здесь называют висой. Уж не знаю, каким образом мой отец это сделал, но факт остаётся фактом: огромную лапу, три заячьих хвоста и пару яичных скорлупок видел сам. Мама впоследствии сказала отцу, что добыв лапу медведя, он оказался достаточно силен, чтобы защитить семью. Догнав зайцев, доказал, что с помощью ловкости сможет удержать не только ушастых, но и нашу землю с людьми. А достав гагачьи яйца, подтвердил свою храбрость, сказав этим, что доблестью своей добьется еще большего. Даже конунг Харальд отметил мудрость моей матери и отвагу отца. А через год появился я.

[1] Для упрощения я буду пользоваться следующей градацией скандинавских войск. Дрэнг(заготовка викинга), далее хускарл, потом хольд(элита), и наконец хевдинг. Хирдманы, это воины под началом вождя. Вождем можно назвать любого хевдинга. Любого хевдинга правящего от земли, на которой он находится, я буду называть ярлом. Ну и конунг, король — одним словом, под ним подчиненные ему ярлы и хевдинги.

[2] Остров Рёуер (Rauer) находится примерно в 10 км от Тенсберга, что для преодоления вплавь в холодной открытой воде идея сомнительная. Не говоря уже о добыче медвежьей лапы с помощью ножа.

Снова весна...

За четыре года, как я попал сюда, так и не смог привыкнуть к этому воздуху. Запах хвойного леса вперемешку с цветущими луговыми травами. Аромат свежего мяса на жаровне. Это действительно чудо! Время рассказать, что же происходило за это время...

Начнем с того, что я научился неплохо передвигаться и резво бегать. Это давалось с трудом, так как организм ребенка не настроен сразу выполнять все команды. Но у меня было много времени, поэтому мои тренировки начались сразу после того, как я научился стоять. Никогда бы не подумал, что дети такие сильные. Схватившись за жердь, которую по моей просьбе установили в доме, я мог висеть очень долго и даже немного подтягивался. Также, вспомнив о любимом деле прошлой жизни, я узнал у матери, есть ли у нас кузница. Оказалось, есть! И мне повезло вдвойне, потому что трэль[1], который работал там, был привезен из Франции отцом. Мечи или доспехи работы франков ценились на вес золота, иногда в прямом смысле. Однако в отличие от Франции, местные кузнецы были не столь умелы, поэтому работы Хлотаря (так звали кузнеца) покупал у нас сам конунг. Задорого.

Когда у меня начали резаться зубы, отец сделал мне подарок в виде трэля. Подобные подарки были не редкость, рабы считались расходным материалом. Но этот был не так прост, хоть и выглядел задрипанным мужичком. Отец сказал, что выкупил его у друга, потому что раб оказался неплохим плотником из Англии. И заплатил за него две марки серебром! Маркой здесь называется такая денежно-весовая единица, которая в среднем составляет немногим меньше четверти килограмма. Полкило серебра за раба немаленькие деньги, но ремесленники всегда стоили дорого.

Вообще, наш род был богат: приданным мамы был одаль, где мы жили, да и отец принес из походов много золота и серебра. Впрочем, ни один воин севера не был беден после похода на Англию...

Наша земля, окруженная лесами и небольшими лугами, располагается у реки Аульельва. Чтобы дойти до местного торгово-политического центра Тёнсберг, потребуется около часа неспешной прогулки. У нас даже есть свой выход в море, а у причала стоит просмоленный драккар[2]. Отец собрал команду и сам стал вождем-хёвдингом. Люди идут за ним, ведь он очень удачлив. Как я понял, удача в этом мире играет если не главную роль, то уж точно не второстепенную.

— Эгиль, как научишься драться так же, как говорить, возьму тебя с собой! — сказал он, снимая со стены кольчугу и панцирь.

— Куда ты поплывешь в этот раз? — спросил я.

— В Халогаланд, это на далеком севере. Старики говорят, что там начинаются владения Йотунхейма, — сказал он и завернул в куль шубу из сундука.

— И зачем вам на землю йотунов? — ледяные тролли в скандинавской мифологии жили как раз на севере, по крайней мере, я читал об этом, когда-то в прошлой жизни.

— Один из людей Харальда сказал ему, что там живут племена людей, которые разводят оленей, добывают китов и рыбью кость[3]. У них растет мех, едят они только сырое мясо и не снимают лыжи даже во сне.

— А как его зовут? — мне стало интересно, кто придумал такое интересное описание

этого коренного народа.

— Ааа...Отер, он родом с Халогаланда, говорит, что они с отцом всегда торговали с этими саамами. Повезем туда бусы стеклянные, а обратно пушнину, стекляшки все равно ничего не стоят, но дикари в них души не чают! Потом продадим шкурки арабам, они за куницу два дихрема[4] дают... Так что, путь не близкий... Заодно и северные берега пощупаем! — при мысли о предстоящем разбое глаза отца хищно блеснули. — И вот, возьми. Ты мой сын, и я хочу, чтобы ты стоял рядом со мной под песнь клинков! — он протянул в мою руку сверток кожи. — Но в будущем! — улыбнулся он.

Открыв сверток, я увидел маленький меч. Его клинок был чуть больше фута, но это действительно был меч. Я и сам ковал такие, каролинг типа Б по Кирпичникову с нешироким прямым перекрестием и треугольным навершием. При одном взгляде на этого малыша я понял, что не смотря на размер, это настоящее оружие, и заточку здесь никто не снимал.

— Хлотти сделал. Хорошая сталь, — отец так называл кузнеца на местный лад. — Щит тоже сделали, сушится над очагом.

— К твоему возвращению я научусь им пользоваться! — сказал отцу и поднял меч над головой.

— Ха! Подстольный вояка! Многие всю жизнь учатся, а заканчивают тоже с мечом. В брюхе! — посмеялся он, но резко стал серьезным. — Ты умен не по годам, Эгиль. Смотря в твои глаза, я не вижу ребенка, но вижу взгляд Бога. Мы не ведем свой род от Одина, но он точно был рядом в момент твоего рождения, — он положил свою широкую как доска, ладонь мне на плечо. — Может надо было назвать тебя Вали?

— А кто это?

— В следующий раз расскажу тебе эту историю, а пока... Эх, как бы доплыть обратно со всем добром... может у Харальда еще один драккар купить... или снекку... — задумался он.

— Да ты главное возвращайся! — не выдержал я.

— Ха! А как же иначе?! Мы викинги, с нами Тор!

[1] Трэль, по простому — раб, женщин рабынь называли — тир. Для большинства скандинавов людьми не являлись. Сравнить свободного человека с трэлем, значило нанести огромное оскорбление, аналогичное сравнению со скотом.

[2] Драккар, это корабль викингов, на котором они покоряли моря, и лет за 500 до Колумба доплыли до Америки. Представлял собой длинный и узкий корабль, самые крупные примеры достигали 30 метров, хотя был монстр и в 52 («Длинный змей» (Ogтеp Lange)). Но в первую очередь, драккары определялись количеством румов (пространство для гребцов). К примеру, корабль в 30 румов имеет 15 пар весел и как минимум 30 человек экипажа, а лучше 50, чтобы была возможность смены гребцов. Более верткой и уменьшенной копией драккара выступала снекка. А его широкобоким торговым братом являлся кнорр.

[3] Рыбьей костью называли бивни моржей, нарвалов или зубы кашалотов.

[4] Дихрем (дирхем или диргем), серебряная монета арабского халифата. Весила в среднем 4 грамма и получила огромное распространение у викингов, торговавших с арабами.

Отправившись на север, Синдри оставил меня на попечение деду по матери. Его звали Хакон Легенда, и свое прозвище он получил потому, что все время приукрашивал свои подвиги так, что даже для хвастливых викингов это было чересчур. И одаль, на котором мы жили, изначально принадлежал ему. Но у старого Хакона были проблемы с финансами, и он передал все земли отцу в качестве приданного. Поэтому главой семейства является Синдри, хотя и безмерно уважает тестя.

— Щит выше! Укол! Разворот! Уход в сторону! — Хакон сопровождал каждую команду ударом палки. — Что, тяжелее, чем языком чесать?

Да, было совсем нелегко... Тем более для ребенка, которому только исполнилось пять. Но детей к суровой жизни здесь готовили с детства. Сказать по правде, детям это было в радость. Слушая вечерами сказания о богах и героях, о доблести воинов и добытых военных трофеях, они мечтали скорее вырасти и отправится в свой первый вик[1]. Дети с раннего возраста устраивали поединки на деревянных мечах и копьях, соревновались в беге, прыжках, скалолазанию, стрельбе из лука и вообще в любых проявлениях силы и храбрости.

— Ты быстро учишься, малыш! Не припомню, чтобы ребенок все так быстро схватывал. Хотя от тебя я другого и не ждал! — дед посмеялся в седую бороду. — Ступай в дом, время завтрака. А потом я тебе еще кое-что покажу, — и, не дожидаясь меня, отправился на запах жареного мяса.

Возможно, местная кухня несколько скудна на ингредиенты, но блюда выходят шедевральные! Скорее всего, дело в постоянной физической нагрузке на свежем воздухе или в натуральных продуктах. Хотя какая мне разница, ведь один вид молодого румяного кабанчика, медовых лепешек и парного молока вызывает зверский аппетит. Ели мы обычно утром и вечером. А в остальное время всегда были заняты делами: ладили стрелы, занимались хозяйством, ходили на рынок в Тёнсберг, охотились и иногда играли.

Скандинавские игры больше походят на безнаказанный способ убить друг друга. Что, впрочем, и произошло во время местного аналога волейбола с битами. При мне один дан[2] хлопнул норега[3] из другой команды с такой силой, что тот грохнулся оземь, так и не поднявшись. Хотя по мячу дан тоже попал. За убийство он даже плату не заплатил родственникам погибшего, такую компенсацию здесь называют верегельд или вира. Но он был в своем праве, ведь за свершенное убийство во время игры платить вовсе не обязательно, и оно остается чистым от мести. Помимо различных игр в мяч, скандинавы очень уважали борьбу и местную вариацию шахмат-шашек.

После завтрака дед подарил мне маленький лук: «Торговец дал его в довесок, пойдем — попробуешь!».

Мы отошли к стрельбищу, которое находилось в шагах пятидесяти от остальных домов. Ох, и живописное место! Хакон вынул из поясной сумки крохотное колечко и протянул мне.

— Это на большой палец. Когда подрастешь и лук сменим, и кольцо, — сказал он.

— Кольцо для тетивы?

— Точно, делать нужно так: зацепляешь тетиву большим пальцем, тыльная сторона ладони скользит по щеке, а указательный и средний придерживают стрелу. Натягиваешь на вдохе и сразу отпускаешь! — пояснил дед.

— Как же мне тогда прицеливаться? — удивился я.

— Как мне сказал мой друг: «Стрела летит туда, где ей место, а я лишь ее подталкиваю!» Не думай о цели, стреляй до тех пор, пока не начнешь попадать, потом отойди на десять шагов и снова стреляй. Когда стрелы перестанут долетать, значит время сменить лук. И, Один мне свидетель, через десяток лет ты будешь лучше всех управляться с луком среди людей севера! — заверил меня Легенда.

— Тебя этому друг научил?

— Да, мы были грозой всех морей! О наших подвигах слышали даже Боги! — поведал мне хвастливый ветеран.

— ... а я вот не слышал, да и отец тоже... — тихо пробормотал я.

— Ты, сопля, просто слушать не умеешь!

Потом я учился работать с копьём и щитом, с топором и щитом, без щита... метать копье, метать топор, ножи, вообще любые острые предметы... стоя, сидя, лежа... в прыжке, кувырком, с закрытыми глазами... сочинять висы, резать по дереву, ухаживать за драккаром...

А ранней осенью вернулся отец!

[1] Вик, в этом случае морской разбойный поход. Также используется в значении слова «бухта».

[2] Датчанин.

[3] Норвежец.

— ... а их золотого бога мы обобрали до нитки и изрубили в щепки! — на такой веселой ноте отец завершил свой рассказ про путешествие на север.

Синдри рассказал, что они плыли на четырех кораблях: во-первых, набрать мехов, во-вторых, разведать северные земли, ну и конечно поразбойничать.

С кораблем отца Харальд отправил двух своих хёвдингов — Хаука и Вигхарда, а провожатым был Отер. Сначала они доплыли до вотчины Отера и пробыли там пару седмиц, пользуясь его гостеприимством. Затем отправились к тем саамам, которые, как оказалось, были простыми полудикими племенами, живущими добычей пушнины, оленеводством и китобойным промыслом. Также они поведали, что если добрые господа (это отец с друзьями и их ватажка головорезов) отправятся дальше вдоль берега, то вскоре встретят богатых бьярмов[1], а у бедных саамов брать нечего!

«Как это нечего?!» — возразил Хаук и потребовал лучшие меха с рыбьей костью. Трэли из них были никудышные: маленькие, тщедушные и вонючие, из-за этого с ними даже говорить было сложно. Но отец все же взял одного, чтобы с его помощью понимать язык бьярмов. И драккары отправились дальше. Спустя три дня они заплыли в такую даль на север, где редко бывают даже китоловы. В том же направлении прошли еще три дня. Тогда суша стала отходить к востоку. Еще через четыре дня земля стала сворачивать к югу. И на пятнадцатый день драккары зашли глубоко в землю, в устье большой реки.

Сразу после того, как викинги причалили к берегу, к ним вышел дед с сопровождающими, видимо местный староста. Но выглядел орлом: весь в соболе, золоте, борода заправлена в расписной пояс... и начал что-то деловито вещать на своем языке. Отец подозвал саама и приказал переводить. Как оказалось, морские волки приплыли к месту назначения. Отсюда начинались земли бьярмов и продолжались далеко во всех направлениях.

Викинги сказали, что прибыли сюда для торговых дел и заключили с местными перемирие до окончания купле-продаж. Бьярмский старейшина дал им оттиск кожи с особыми знаками, которые позволяли морским волкам свободно передвигаться дальше вглубь их земель по руслу Вине[2]. Синдри и Отер отправились вниз по реке, чтобы ближе познакомиться с культурой этих загадочных людей (или разведать, где у них больше богатства, что вероятнее), а Хаук вместе с Вигхардом остались для торговли. Ниже по руслу был достаточно крупный город, в котором отец и решил остановиться. По совместительству в это время проходил праздник усопших предков, на который местные пригласили достойных хёвдингов. Вожди викингов пришли в сопровождении своих лучших хольдов: Тогира Кота и близнецов Гунни и Карлстейна. Праздник проходил на капище, где восседал на троне огромный деревянный идол бога бьярмов — Юмал. Его шею обхватывала длинная золотая цепь толщиной с палец, а в руках покоился огромный серебряный кубок с монетами. Удивительнее богатств, показанных чужакам, было доверие, оказанное к ним. Как сказал отец, эти бьярмы никогда прежде не встречались с воинами севера и старались быть дружелюбными и открытыми. Роковая ошибка.

Нет, викинги никогда не предавали своих слов, это считалось бесчестием! Но ведь все торговые дела рано или поздно заканчиваются...

На капище местные жители всегда одаривали предков, а в землю к умершими возлагали их лучшие вещи и часть денег.

— Мы стоим на золоте, хевдинг, — прошептал Тогир. — И ему не место гнить в земле.

— Согласен, Кот, пусть лучше храниться на наших поясах, мы найдем ему лучшее применение, — заверил отец. — Но позже!

Обменяв стеклянные бусы на лучшие меха, скандинавы пожали бьярмам руки, загрузили еду и поклажу на драккары и поплыли вверх к Белому морю.

Но это было только начало плана отца. «Пусть бьярмы думают, что мы уплыли!» — сказал он.

Через три часа драккары свернули в речной рукав и пристали к берегу, схоронившись между двумя заросшими холмами. И летучая группа в составе отца, Тогира Кота, близнецов и Отера двинулась в обратный путь. Почти все время, что викинги провели в этих местах, ночи были похожи на дни. Казалось, что солнце никогда не заходит, и как только оно скрывалось из вида, то вскоре появлялось вновь. Скандинавы затаились в отдалении от капища и стали ждать подходящего момента. Очень удачно, что оно располагалось в отдалении от города, и смена караула, охраняющего храм, ушла.

— Эх, как бы не разглядели бельчата, что мы в их норке шелудим, — прошептал Гунни.

— Зато боги в такую светлынь тебя точно увидят, и им это понравится... — глаза Отера алчно сверкнули.

— Пошли, — дал команду отец.

Остановившись перед высоким частоколом, Карлстейн забросил за него свежую зайчатину, чтобы отвлечь на время собак. Они подошли с другой стороны и бесшумно перебрались на территорию святилища. Быстро наполнив мешки драгоценностями, команда дошла до истукана. Но кроме грозного взгляда деревянных глаз он не мог помешать в разорении капища.

— Тогир, Гунни! Обчищаем этого Божка и уходим! — сказал отец, увидев взлетевших птиц в полете стрелы от частокола.

Тогир Кот схватил огромную чашу, а Гунни перерубил цепь топором, но удар был так силен, что голова идола слетела и забренчала по ступеням. Услышав шум, псы разразились громким лаем, и на него прибежали бьярмы. Тотчас один из сторожей затрубил в рог, и через миг его пронзило копьё Отера, а за ним упал второй абориген, пробитый стрелой Карлстейна. Но мгновение было упущено, и вся округа загудела. Впрочем, к тому времени как гурьба аборигенов прибежала на капище, викингов и след простыл.

Когда нужно, эти неутомимые воины могли составить конкуренцию лошадям. Поэтому бьярмы не смогли настигнуть груженых скандинавов. Правды ради, пара барбосов нагнала отряд, но после копейного тычка наглость четвероногих заметно упала. Добежав до драккаров, северная десант-группа побросала тюки с добром на палубу, и корабли мягко отчалили от берегов уже в меньшей степени богатых туземцев.

Потом началась дележка... Как же сладко ее описывал отец! Их добыча состояла из двух пудов серебра, полпуда золота, половину которого весила цепь Юмала, а также из золотых браслетов, колец, фибул, брошей и цепей поменьше. Помимо драгметаллов, с капища забрали пару отличных кинжалов, очень красивый лук и богато украшенные пояса с самоцветами, но ни одного меча там не было. Отец сказал, что они не воины, а чтобы землю копать — мечи им не нужны. С того момента каждый человек на драккарах стал богатым, хотя, львиную долю[3] забрали отец и Отер.

Когда их корабли вошли в море, они не увидели Хаука и Вигхарда. «Может они решили дождаться нас в Халогаланде?» — предположил Отер.

В любом случае драккары двинулись дальше. Вскоре они увидели дым за скалой, а за ней — четыре корабля, среди которых два были знакомыми. Викинги приготовились к бою, ведь от четырех драккаров им было не уйти...

Ранее.

— Хаук, ты встречал хоть где-нибудь подобную торговлю? За эти меха в Халифате к нам будут в очередь становиться! — воскликнул Вигхард.

— Не встречал... бусы закончились, за серебро последнюю пушнину покупал. А ты видел рыбью кость? Бьярмы сказали, что она добывается из мертвых китов[4]. А в Англии я видел лошадь с таким же рогом, у жреца в храме видел! Может туда отвезти? — спросил Хаук.

— О! Смотри, какой смешной туземец! — к ним приближался пухлый бьярм, все лицо которого было красным от бега.

Он начал кричать им на своем языке, и вокруг него сразу столпилось много местных.

— Эй, саам!? Скажи, о чем пищит этот поросенок? — Хаук подозвал раба.

— Он говорит, что вы обманули доверие бьярмов, вы пришли грабить, а не торговать, — перевел тот.

— Ты назвал меня лжецом, сын тюленихи?! — рассек воздух выхватываемый из ножен меч. Все ближайшие хирдманы достали оружие и подняли щиты.

— Бьярм говорит, что ты можешь убить его, но нас тут же истыкают стрелами. Господин, может спросить у него, что случилось? — на трэля было жалко смотреть.

— Спрашивай! — расклад был явно не в пользу морских волков. На одного викинга приходилось по пять местных.

— Сегодня утром ограбили селение у моря, сожгли дома и людей, к северо-западу отсюда. Говорит, что это были такие же драконы, как и наши корабли.

— Синдри не мог пройти через нас, значит кто-то другой... Узнай у этого заморыша, сколько людей было на тех драккарах? — приказал Вигхард.

Пухлый бьярм что-то крикнул, и через пару мгновений привели испуганного подростка.

— Этот мальчишка бежал из селения, когда дома начали гореть, а люди кричать, — поведал саам.

— Храбрееееец... Ладно, сколько людей было на драккарах? — повторил Вигхард.

— Yksi[5]...yksi, yksi, yksi,... — начал пацанёнок.

А дальше, как в одном анекдоте из моего времени. «Приезжает Петька из Казахстана. Василий Иванович спрашивает:

— Ну что, Петька, выучил ты там казахский язык?

— Да.

— А как по-казахски будет "один"?

— Бір.

— А "пять"?

— Бір, бір, бір, бір, бір.

— А как будет "тысяча"?

— Ну, это долгая песня...»

Наша песня продолжалась еще тридцать четыре раза. А значит, если парень посчитал верно, то их минимум десятка четыре.

— Скажи этому лешему, что те люди — не наши! А с ними мы потолкуем сами. Они точно там на ночь останутся, пока выпытают схронки добра, пока девок поваляют... — заверил Хаук.

— А еще пусть этот бьярм людей дюжину или две даст, кто с луками получше! Пусть огнем прикрывают! — добавил Вигхард.

Незадолго до появления Синдри.

Оставив драккары в одной из бухт фьорда, недалеко от селения, викинги двинулись на дым. Вскоре они увидели одного из вражеских часовых. Типичный морской волк стоял в тени могучей сосны, но был слишком беспечен, и потому убит стрелой в шею. Видимо, он посчитал, что местные жители опасности не несут, а до настоящих воинов нужно обогнуть весь скандинавский полуостров. Подстрелил его, кстати, бьярм по команде Вигхарда.

Второго часового взяли живьем. И после очень непродолжительного времени наши товарищи узнали, что бесчинствовали тут свейские[6] вожди Бьёрн и Сальгард с дружиной в сорок человек, посланные сюда конунгом Эйриком Эймундсоном. А часового прирезали, правда он так и так бы умер: без глаз, уха и пальцев на правой руке.

Всюду были следы побоища... трупы лесовиков, тлеющие головешки деревянных домиков. Кто-то кричал от боли, кто-то от надругательств...

В центре небольшой площади на коленях стоял дед, а перед ним на корточках — свей в богатом доспехе. Около дюжины воев загружали на драккары награбленное, еще человек десять обслуживали корабли, остальные продолжали заниматься разбоем.

И в этот миг в них полетели стрелы и копья. Первый залп унес жизни четырнадцати свеев. Оставшиеся тотчас похватали щиты, и второй залп был менее успешен, убив только пятерых. В следующие десять ударов сердца воины Харальда Косматого окружили свеев и лишили боеспособности половину всего их отряда. Оставшиеся сражались яростно, но их просто закидали копьями, и на этом битва закончилась.

Потери были невелики. Два дрэнга по глупости напоролись на мечи. Один умер сразу же, кровь второго не смогли остановить, и он отправился вслед первого. У шестерых бойцов были легкие раны, остальные либо отделались синяками, либо не поймали ни одного удара вовсе.

Дюжина свеев уцелела. Тяжелораненым подарили легкую смерть, а остальным дали выбор. Или они сменят «начальство», или им дадут шанс умереть в бою. Десять перешло сразу, двое выбрали бой. И то, только потому что были родственниками свейского хёвдинга, морда которого лежала под сапогом Хаука.

— Ты сдохнешь в мучениях, речная крыса! — сплевывая кровь и грязь, прошипел он.

— Ой! Смотри кто проснулся?! Вигхард, ты видел, как этот червь нас убивал? — насмеялся Хаук.

— Нет, но я видел, как он обделался, когда перед ним начали падать его воины! Словно серпом колоски подрубили, ха!

— Эйрик отомстит за меня! И я буду смеяться из чертогов Одина, глядя на ваши трупы!

— А сам-то ты кто, обосрыш? Не хочешь жить как мужчина, умрешь как баба! — пообещал Вигхард.

— Моё имя Сальгард! Я хёвдинг Эйрика Эймундсона, конунга всех свеев! И если ты не трус, то сразишься со мной!

— Да я убью тебя и отправлю твою болтливую голову твоему же никчемному конунгу! Хаук, пусть этот мертвец возьмет меч! — разозлился Вигхард.

— Постой, а где второй? Бьёрн? — спросил Хаук.

— Вон, — кивнул головой Сальгард на лежащее вниз лицом тело.

Викинги встали в круг, освобождая место для поединка. Оба соперника были в одинаковых условиях: меч и щит. Сальгард серьезно не пострадал во время первого боя, а его доспех был даже лучше, чем у его противника. Вигхард покрутил руками, разминая плечи, и в этот момент Сальгард прыгнул с места, чуть его не ранив. Бой воинов такого уровня был невероятным зрелищем. Какое-то время они прощупывали друг друга, ища слабые стороны, после чего перешли в захватывающую битву. Уколом отвечали на укол, принимали удары на щиты, контратаковали и уворачивались. Свей выше, и его руки длиннее, чем он активно пользовался.

Вскоре у Вигхарда появилось первое ранение в бедро — неглубокая длинная царапина. Но если все продолжится в таком же духе, то совсем скоро она сильно повлияет на исход боя. Поэтому Вигхард с ожесточением набросился на свея, все наращивая и наращивая темп. Вигхард принял удар на кромку щита, по которой пошла трещина, и сам уколол противника. Но Сальгард просто увернулся и ударил щитом по щиту, а мечом — по ногам. Он был отличным воином, этот свейский вождь. Еще через пять ударов сердца щит Вигхарда превратился в щепу, а сам норег был несколько раз ранен. И следующим ударом Скальгард вспорол кольчугу противника под рукой.

Это был конец, и Вигхард это понял: «Один! Я иду к тебе!» Он бросился в самоубийственную атаку, но длилась она так же недолго... и упал, пронзенный мечом.

— Ты следующий! — свей указал клинком на Хаука.

— Слишком много болтаешь для мертвеца! — Хаук влетел в круг и сходу нанес сильнейший удар по Сальгарду. Тот принял его на щит, отчего тот развалился надвое.

Хаук высоко оценил противника еще по прошлому бою и не собирался затягивать схватку. Следом за первым ударом на свея обрушилась целая лавина взмахов меча. Сальгард пятился и отбивался скрамасаксом[7], пытаясь контратаковать Хаука мечом. Свей получил расчетливый укол, и рука, что держала его меч повисла, следом прошел размашистый удар в корпус, прорезавший чешуйчатый доспех и рёбра.

Сальгард осел на колени, его меч лежал в трех шагах от него, но встать он уже не мог.

— Меч... вложи меч в мою руку... я достоин... Вальгаллы... — прошептал поверженный свей.

Жизнь вытекала из него вместе с кровью. Голова поникла вниз, и шлем соскользнул на залитый кровью песок.

— Да, ты достоин! — Хаук вложил в его руку оружие.

И в этот момент рука Сальгарда, что сжимала нож, выстрелила Хауку в лицо. Хёвдинг норегов успел лишь слегка отклонить голову, и клинок рассек его переносицу и глаз. В следующее мгновение он отсек свею обе руки и вспорол его горло.

— Бесчестный пес, теперь ты даже не сможешь прислуживать в Чертогах Одина! — прошипел Хаук, зажимая рану на лице, — Отрежьте его башку и привяжите к заднице!

Так закончилась битва в селении бьярмов, а двух родственников Сальгарда прирезали, даже не дав им умереть с честью, потому что их хёвдинг опозорил себя и своих людей.

[1] Бьярмия (норв. Vjarmeland) — область на севере Восточной Европы, известная по многим сагам. Считается, что она находилась между Онежским озером и Онежской губой Белого моря. Бьярмы — жители Бьярмии.

[2] Вина — так называли бьярмы реку Двина.

[3] Каждый хирдман получал долю от всей прибыли, хольды получали по две, а кормчий три. Если драккар принадлежал хёвдингу, а не был общей собственностью, то помимо пяти долей, вождь получал барыш еще и с каждого сидячего места на корабле (с каждого рума). Наиболее выделившихся могли поощрить еще одной долей.

[4] Имеется ввиду нарвал. Он имеет один или два бивня, внешне похожих на те самые рога единорогов. Название этого морского животного заимствовано из шведского, в котором "narhval" образовано сложением слов nar — "труп" и hval — "кит". У него трупный цвет кожи.

[5] «Один» на финском.

[6] Шведские.

[7] Скрамасакс («Большой сакс») — боевой нож или короткий меч скандинавов, с которым и в мир, и в пир, и в добрые люди. Могли использовать его в качестве запасного оружия, или эффектно пользоваться как столовым прибором.

— Стоять! — выкрикнул лучникам отец. — Свои!

Синдри первым заметил, что врагов на берегу нет, и дал отбой. Тут же на бревнах штабелями лежали тела свеев, а над ними покоились погибшие дрэнги и Вигхард.

— Хаук, да ты никак по стопам Всеотца[1] пошел! А где же источник мудрости? Куда ты глаз положил? — ухмыляясь спросил Отер.

— Да к воронам тебя! Вигхард пал... — помрачнел Хаук.

— Скальды споют песнь его жизни! Что у вас произошло? — спросил отец.

История, в которую попали викинги, длилась до наступления ночи. После этого Хаук поднес факел к растопке под телами погибших, огонь взвился, и вскоре пламя накрыло собою мертвых.

Воины Севера собрали огромный урожай в Бьярмии.

Сначала отец и Отер обчистили капище, теперь Хаук захватил два драккара и все награбленное с деревни. Да, бедным бьярмам никто не собирался возвращать их добро, а добра было... Пять тюков с пушниной, двадцать нарвалых и четыре пуда моржовых бивней. Серебра на четыре марки, семь отличных канатов из кожи морского зайца, а еще плащ из шкуры белого медведя, украшенный золотом, и три бочки ворвани[2].

Бьярмы, которых выделили в качестве поддержки, начали роптать по поводу повторного грабежа, но Гунни многозначительно поиграл топором перед ними, и всё недовольство сошло на нет. Вскоре этим бьярмам предложили место в дружине, и восемь из них согласились присоединиться. Теперь испытательный срок проходили восемнадцать новых бойцов.

До отплытия Отер купил один из новых драккаров Хаука, и на шести кораблях викинги отправились в путь.

Плывя по северным морям, они заметили группу китов и решили добыть еще ворвани. Два дня они промышляли китобойством, и как потом сказал Отер: «Жир с шести десятков китов топился на берегу, и с каждой каплей мы становились богаче!» На запах жира пришли белые медведи и как грифы стали кружить поодаль. Так к общей добыче прибавились еще и белые шкуры. После чего тяжелогруженные драккары отправились домой.

На воде никто не смел приближаться к такой флотилии, ведь с этой силой можно было захватить небольшой город. Хорошо, что никто не стал проверять количество людей, ведь их было чуть более сотни, и викингам пришлось равномерно распределиться по кораблям, чтобы была возможность хоть как-то идти на веслах. И вскоре они благополучно вернулись к родным берегам.

[1] Одно из многих имен одноглазого Одина — а глаз свой глаз он отдал одному великану, чтобы преисполниться мудрости, испив из Мимирова источника. Такое самопожертвование во имя мудрости — не редкость для Одина. Например, чтобы постичь руны, он принес самого себя в жертву, девять суток провисев на стволе Мирового Древа (ясеня Иггдрасиль), прибитый к нему своим же копьём.

[2] Китовый жир, был повсеместно употребим до двадцатого века. В этом времени его использовали в основном для освещения, при этом он ужасно вонял.

Пир длился целую неделю, и отец взял меня с собой. Его возвращение совпало с днем рождения конунга Харальда, поэтому весь Тенсберг стоял на ушах в это время.

Праздник был просто чудовищен. Скандинавам будто сказали, что им осталось жить семь дней и они решили провести их на полную катушку! Бесконечные песни, пляски и пьянки. Ора не было только тогда, когда пили, а пили они столько, что многие засыпали лицами в еду, правда потом просыпались и наяривали по новой. А танцы были больше похожи на сражение сапог с полом. Но надо отдать этим людям должное, когда они поднимали тосты, то очень четко подбирали слова, хоть их и не всегда можно было разобрать...

— Конунг! — отец встал из-за стола, подняв большой рог, — Ты отправил нас на север, чтобы разведать тамошние земли.

— Да! Так и было, Синдри, сын Стейна! И вижу я, удачным был поход! — нараспев сказал уже осоловевший Харальд.

— Позволь же рассказать тебе о той земле, о людях ее и богатствах! — весь зал тут же замолчал, и в полной тишине отец начал:

Льды Йотунхейма
Резал наш киль.
Дикое племя —
Правда, не быть!
Злато в мехах
И в земле самоцветы:
Наше по праву
Стало все это.
Море богатства
И горы добычи:
Слезы для бьярмов,
Горе лесничье!
Бог деревянный
Пал от меча,
Цепь с его шеи
Отныне твоя!
Вигхард храбрец
Был подло убит,
В Вальгалле воскрес,
А противник забыт.
Как волны бегут
От драккара бортов,
Так свеи бежали
Под песнью клинков!
Мы память почтили
Костром до небес,

И в море отплыли
С земли той чудес!

Отец еще долго пел, о приключениях в Бьярмии, и за это время никто не проронил звука. Даже псы перестали делить кости и уставились на Синдри. Когда он рассказывал о добыче, у всех начинали искриться глаза, когда говорил о сражении — ладони сжимались в кулаки, а когда поведал о смерти Вигхарда, многие пустили слезы. Его голос то гремел как раскаты грома, то скользил как вода в ручье. Я не думал, что мой отец такой отличный скальд, и в конце своей песни, он передал конунгу тяжелую цепь. Харальд принял ее и весь зал восторженно загудел.

— Её носил бог бьярмов. Мы доказали, что сильнее его, наши боги сильнее! — торжественно сказал отец.

— Пусть эта цепь символизирует наши земли. Они велики и богаты, но давайте добавим в нее новых звеньев! — провозгласил конунг, а это означало, что он решил расширить свои владения. Я помнил еще по прошлой жизни, что был конунг Харальд, который первым успешно объединил земли Норвегии, только прозвище у него было другое. В память этому даже поставили постамент в виде трех огромных мечей. В удивительное время я попал, время перемен.

— Велик твой дар, Синдри Стейнсон! И отдарок мой будет щедр! Примешь ли ты ярлство над южными владениями, которые завоевал еще мой дед, что лежат меж Хрингарикой и Раумарикой? — сказал Харальд и посмотрел отцу в глаза.

— Слава богам, что я встал под твои знамена, конунг! Я пришел к тебе простым воином, а ныне веду корабли на твоих врагов. Море нас кормит богатством, но земля продолжает наш род! Спасибо за твою щедрость! За конунга Харальда!

Тогда было еще много хвалебных тостов и поздравительных слов. Хальфдан назначил ярлами уже знакомых мне Хаука, которому еще и дал прозвище Ястреб[1], и еще двух незнакомых мне вождей. В свои двадцать лет он был очень мудр и умело укреплял свою власть.

На следующее утро к нам в одаль пришли люди. Оказалось, что они решили стать хирдманами отца, потому что его удача была очень велика, и для них честь, стоять под его стягом. Таким образом наша дружина увеличилась до семидесяти двух человек, а это означало, что пора расширять флотилию! Хаук продал нам второй из трофейных драккаров, по этому поводу снова устроили пир... здесь вообще по любому поводу пировали.

Но покупка или производство кораблей викингов дело сакральное. Для них драккар, что второй дом, это их товарищ и самый верный друг. А потерять корабль было сравнимо с потерей близкого родственника.

Из наших домочадцев мы никого брать не стали, кроме знахарки Сигрун, кузнеца и плотника, а главным за одалем остался мой дед Хакон Легенда. Поэтому в путь отправились семьдесят пять человек и два раба. Харальд сказал, что на той земле уже есть селяне, которые с этого момента являются нашими данниками, только им об этом нужно слегка намекнуть.

После всех священных ритуалов и обрядов, мы наконец опустились на воду, чтобы обрести новый дом...

[1] Naukr означает «Ястреб», а прозвище hábrók, буквально переводящееся как «длинные штаны», является эпитетом ястреба, а так же поэтическим синонимом этого вида птиц, вероятно, из-за характерного для них оперения на лапах.

Когда два драккара вынырнули из тумана на пристани, весь местный люд побросал всё из рук и ломанулся по густым прибрежным лесам. Так что встретили нас пустые дома и загоны без скотины. Лишь один полуслепой старик, который уже не боялся смерти, стоял в центре села.

Но шествие почти сотни серьезных головорезов не оставило его равнодушным. Было видно, что он боялся, но боялся больше не за себя, а за тех, кто прятался в чаще.

— Братъ с нас несего, а коль разбойнисятъ присли, так мы люди конунга Эйрика Эймундсона! — прошипел явил он.

— Больше нет, — сказал ему отец.

— Сто нет? Вы вообще кто? — разошелся старик.

— Дерзить будешь, язык отрежу, — заверил отец. — И руки бы, да нужны еще, чтобы землю пахать.

— Тюууу, так сего не сказали, сто от конунга? — улыбнулся беззубым ртом селянин.

— От конунга, только от конунга Харальда, старче. Зови своих и скажи, что земля это моя, а имя мне Синдри-ярл. Кто у вас староста? — отец проявлял чудеса терпения.

— Дык умер он, три седмисы назад есё!

— Тогда старостой пока ты побудешь. Что встал-то, шевелись дед!

Так произошел переход власти, хотя местные уже привыкли к таким шатким реалиями их жизни. Право сильного: кто сильнее, тот и прав.

Селян было сотни две. В большинстве своем они были свободными людьми, но выглядели немногим лучше своих же трэлей. Строить длинный дом на этом хуторе отец категорически отказался, и поэтому мы начали выбирать для него другое место. А пока хирдманы Синдри валили деревья и заготовливали стройматериалы, мы с матерью решили прогуляться. Отец дал нам в сопровождение своего хольда Орма, который был бесценным источником информации. Он знал всё о политике и экономике своего времени, разговаривал на пяти языках и даже умел читать на латыни, когда я спросил у него, откуда такие познания, то он ответил: «Когда мы с твоим отцом Англию грабили, там в монастыре нам попался один удивительный жрец. Вместо того, чтобы гадить в штаны, как и все его дружки, он заговорил с нами на языке людей севера! Выдал нам все тайники, только попросив не трогать других жрецов. Ну мы посадили его на корабль и собирались продать в Сёлунде, а он оказался толковым врачомателем. Оставили его у себя по итогу, вот он и научил языку франков, англов, читать еще...я бы и писать научился, да только его стрелой прибило, когда у берегов эстов шли...» Вот такая здесь непростая жизнь.

Пока шли, Орм увидел красивейший луг, на котором паслась скотина, и поодаль от него виднелся холмик с идолами. Место было прекрасное, небольшая резвая речушка, удобный спуск на воду, да и местные, судя по всему, считают эту землю священной.

— Может поставить дом здесь? — поинтересовался я у Орма

— А ведь и правда, хорошее место! Справа защищено рекой, и стоим мы на холме, вся земля окрест просматривается. Молодец, сын ярла! — ухмыльнулся хольд.

— Как ты считаешь, матушка? — я посмотрел на Асвейг.

— Здесь живут боги, хорошо, если они будут приглядывать за нами. — улыбнулась она.

Мы показали это место отцу, он его одобрил и дал отмашку на строительство дома. Местные сначала взбунтовались, мол, это луг, освещенный богами. Синдри же сказал, что для нас так даже лучше, а если селяне будут противиться, то мы продолжим жить в их домах, а сами они пусть в лесах ночуют. Так что бунт прекратился, не успев начаться. Интересно, что свой населенный пункт селяне никак не называли, поэтому мы дали ему имя Осло[1]. Вот так неосознанно я стал одним из творцов истории.

До первых снегов оставалось месяца три, и за это время была проведена немислимо огромная работа.

Во-первых, мы возвели настоящую крепость: в центр луга вбили кол, на который намотали длинный канат двадцать-тридцать метров длиной, его обратную сторону держал человек, и как циркулем разметил почти идеальную окружность. По отмеченной полосе начали копать ров, а из вырытой земли насыпали вал. Одна из сторон глубокой траншеи укреплялась стеной частокола. Ширина этой насыпи была с рост человека, и уже на верхней части вала нарастили второй этаж обороны, а на месте, где потом встали ворота, в земле были прорыты сквозные туннели. Ворота располагались по четырем сторонам света: южные выходили на реку Альна, западные и северные смотрели на море, а восточные на домики селян.

Во-вторых, внутри крепости построили два длинных дома, шесть домиков поменьше и две бани. Все строения поставили строго по четырем секторам. Подобный перфекционизм свободно ладил с абсолютным пофигизмом. Вот, к примеру, эти длинные дома. В них хорошо принимать гостей, но уж точно не жить. На полу земля, на крыше козы, очаг топит по-черному, духота, а когда братва припрется, так еще и вонища. Нет, скандинавы очень чистоплотные, в отличие от тех же англов, банька каждую субботу, а то и чаще, прически и бороды по последней моде. У большинства мужского населения волосы были обычно по плечи, Харальд же вообще имел огромную гриву до поясницы. А вот трэлей стригли коротко, как я понял, чтобы вши не завелись. Хотя вши у местного общества были в почете, считалось что наличие этих насекомых приносило удачу... Так, о чем это я? О пофигизме! Раб Уилл, которого мне подарили на первые молочные зубы, предложил построить нам нормальные дома, которые он с артелью делал в Англии, с хорошей печью и банальным наличием полов, на что отец ответил: «Мы должны чтить традиции предков так же, как отцов наших!» И строго зыркнул на меня. Нет, так нет. Мне-то собственно грех жаловаться, я сын ярла и уровень моей жизни на голову выше, чем у других людей.

И третье, что сделали до зимы, это набрали людей, в качестве слуг и создали ополчение. Ополченцами этих парней можно было назвать с натяжкой. Когда отец сказал прислать ему лучших молодых воинов из деревни, то на зов пришли какие-то затюканные охотнички. У большинства плохенькие луки, пара топоров и один еле-как заточенный тесак на двадцать пять человек. И пришли ведь во всем самом лучшем.

Отец посмотрел на них, сплюнул и сказал: «Вы худшие воины, которых я видел! Но даже тупой нож в умелых руках станет грозным оружием. С этого момента вы будете учиться убивать и не быть убитыми. А то, чему вы научились, покажет наш весенний поход с конунгом Харальдом! Пять лучших из вас получают мечи[2] и сразу же станут дрэнгами с правом на долю от добычи, а пять худших отправятся домой, в свои старые халупы к матерям!» Теперь отец знал, что «призывники» будут выкладываться на полную, метод кнута и пряника в чистом виде.

Зима пришла, когда в корабельные сараи загнали просмоленные драккары, а на петли

крепости поставили последние ворота, в которые тут же постучали...

[1] Интерпретировать название Óslo или Áslo можно как «луг, освященный богами».

[2] Меч был прежде всего статусным оружием. И стоил очень больших денег. За цену обычного меча можно было купить около шести коров или около сорока овец, что для большей части населения просто неподъемная сумма.

... А точнее попытались выбить нахрапом. Но ни тяжелые дубовые створки, ни кованые петли не поддались.

Мы увидели их задолго: два драккара и один кнорр[1], и поэтому успели подготовиться. Эти налетчики были не робкого десятка, ведь решились на штурм нашей маленькой, но все же крепости. На стену меня, ясное дело, не пустили, но отец сказал, что их там полторы сотни, точнее сто сорок семь головорезов в полном боевом вооружении. Странно, что они даже не пробовали заговорить, мол сдайте крепость, а мы вас не тронем. Понятно, в это никто бы не поверил, но все же... сразу шашки наголо и в сечу? Самоубийцы.

Как только они вышли на дистанцию прицельного выстрела, так их сразу закидали стрелами со стен. Надо отдать парням должное, они подняли щиты, и даже если у них были потери, то мы этого не узнали. Напали они организованно, разделившись на три группы. Первая и самая сильная ломанулась к ближайшим воротам, вторая пошла в обход, а третья начала заготовливать орудия осады. Когда стало понятно, что с ходу глухие стены не взять, враги временно отступили, оставив на зубцах частокола и внутри крепости с полсотни копий и стрел. Повезло, что никого не ранили, кроме одной женщины, которая набирала в колодце воду; бросок копья был так силен, что оно пролетело почти до центра нашего «замка» и воткнулось в ведро, свернув кисть служанке. А вот налетчикам удача не так улыбалась, потому что копья хирдманов отца нашли свои цели.

Потом к укреплению двинулась группа из четырех человек. Судя по тому, что щиты были выкрашены в белый цвет — парламентары.

— Я Хринг Эйриксон, сын конунга Эйрика, и вы находитесь на моей земле! — прокричал здоровенный свей.

— Меня зовут Синдри-ярл, и я хочу поблагодарить тебя, Хринг! — ответил ему отец.

— Это за что же? — удивился конунгов сынок.

— Мне как раз нужны новые корабли и оружие твоих воев! Так что можете оставить здесь всё и утопиться! — усмехнулся ярл.

— Я хотел предложить тебе сдаться и выйти из норки, сохранив жизнь своих близких. Но передумал, теперь ты будешь смотреть, как я беру силой твоих женщин, сделаю рабами детей, а тебя самого... убью меееедленно! — оскалился Хринг.

— Как ты глупо воспользовался предсмертной речью. Ты потерял свою удачу, когда напал на нас! — отцу надоело играть в словесные баталии, и Хринг с телохранителями ушли вглубь свейского войска. На этом переговоры подошли к концу.

Внутри крепости шла активная подготовка к обороне.

— Смола готова? — спросил отец у Орма.

— Да, два котла уже кипят! — ухмыльнулся тот.

— Хорошо, они снова на штурм пойдут, видишь, таран тащат? — он указал на бревно, которое несли шесть человек, прикрытые щитами.

— Зачем им таран? Лучше бы лестницы ладили. Наши ворота они выбивать до весны будут!

— Ты себя вспомни, когда у англов такую же крепость в осаду брали! Так! Смолу на забороло[2]! Лучники — залп! Копья — готовь!

И битва продолжилась. Я впервые был свидетелем чьей-то смерти. Раньше я не воспринимал всё происходящее всерьез, но когда в наш дом принесли отцовского хирдмана Траусти с глубокой раной на шее, во мне что-то сломалось. Знахарка Сигрун зажимала рану тряпкой, но кровь толчками била из него. Траусти пытался нащупать оружие рядом с собой, его глаза перестали видеть. Мама подала ему рукоять меча, и он тихо прошептал: «Один, я иду». И умер с улыбкой на залитом кровью лице.

Для современного человека, понятие смерти ужасно. Мы пытаемся отсрочить ее всеми возможными способами, и чем старше становимся, тем больше желаем жить. Мы ходим в церковь и молимся Богу, чтобы попасть в Рай, и стараемся не делать плохого, чтобы не угодить в Ад. Но покажите мне хоть одного священника, который умирая — улыбался. Он только надеется на счастливое посмертие, а эти дикари знают, что попадут в Вальгаллу. Для них существование Богов такое же явление, как и заход солнца на закате. Отнять как можно больше чужих жизней, обрести честь и славу, вот настоящее счастье для викинга. За это он будет награжден, став частью дружины Одина, за это он жил и за это умрет. И если раньше я сомневался в реальности происходящего, то с этого момента перестал.

Сражение продолжалось долго. Нам принесли еще семерых с сильными ранами, ими занималась Сигрун, других с легкими ранениями врачевала Асвейг. Я наблюдал, как воины стойко терпят лечение и как рвутся обратно на стены. Для меня это был подвиг, а для них — правда жизни. Один раз свеи прорвались, но их вовремя остановили: основная группа штурмовала западные ворота, другая зашла с востока и на лестницах перебралась в крепость. Когда люди Хринга понесли огромные потери, он решил отступить к драккарам, но тогда отец и его хирдманы открыли ворота и нагнали их. Это была сокрушительная победа. Однако ни отец, ни кто-либо другой в ней не сомневался. Удача Синдри съела удачу сына конунга. Так на стены Осло опустилась ночь.

[1] Напоминаю, что кнорром называли торговый корабль викингов. Отличался от драккаров большей грузоподъемность.

[2] Забороло или заборол, это укрепление из брёвен или досок со щелями, позволявшими производить из-за них стрельбу.

Мы потеряли семнадцать человек, одиннадцать из которых — ополченцы. Девять были тяжело ранены, легкие же ранения имелись почти у всех. Из всего войска Хринга в живых остались только две дюжины заложников, но те сказали, что были верны ему до смерти, а так как его не стало, то они могут перейти под руку более удачливому вождю. Эти свеи были хорошими воинами, и отец взял их в хирдманы, но пока без доли. Попрощавшись с павшими бойцами, мы перешли к добыче. С мертвых врагов нам достались отличные брони и куча прекрасного оружия. На свейской земле находились одни из лучших рудников этого времени, поэтому всё вооружение было отменного качества. Сам проверял!

Кроме того, свеи сказали, что плыли из Англии домой, и по пути решили навестить данников, а когда увидели наличие чужой небольшой крепости на своей земле, то чувство собственного достоинства смешалось с храбростью и азартом. И они напали, хотя ближние Хринга сомневались, стоит ли это делать малыми силами. Вот и получилось, что получилось. А на их кораблях, если убрать из внимание то, что они собрали данью, самыми простыми из добычи были бронзовая посуда и сундучки с монетами. В чём нам действительно повезло, так это: серебряные кубки, золотые кресты и украшения, даже корону сняли с чьей-то головы, пара рулонов баснословно-дорогого шёлка и один явно королевский меч. Похоже грабанули они короля или, в крайнем случае, близкого к нему человека. Но самым ценным были корабли. Целых три! Как говорится, было ваше, стало наше!

Эх, знал бы я тогда, что это и в обратную сторону работает...

Потом был пир, на котором слагали висы живым и погибшим, дарили друг другу подарки, сметали всё съестное со столов и соревновались в количестве выпитого спиртного. Меня удивило то, что за всё это время, отец приложился губами к кубку всего пару раз, а в остальном он внимательно наблюдал за своими хирдманами, и что-то негромко говорил матери. Она так же тихо отвечала, но один раз, среди шёпота я услышал слова «твой брат», после чего лицо Синдри помрачнело.

Я и не знал, что у отца есть братья... странно, скандинавы очень близки со своими родственниками, почему же я раньше ничего о его семье не слышал? Ладно, потом узнаю, ведь сейчас началось шоу...

— ... да у нас в Изборце[1] щенята поболее ваших медведей будут! — вступил в спор варяг Улеб — огромный усатый хольд отца. Они познакомились, когда Синдри ходил на драккаре Уббы Рагнарсона. Тогда меж ними завязалась дружба и Улеб со своими варягами встали под знамя отца.

— Ты, Улеб, наверное, медведей не видел просто! — кто-то выкрикнул из глубины зала.

— Я их одним ножом брал, вон, как ярл наш, когда сердце Асвейг завоевывал! — и поднял в её честь рог с медовухой. Мама улыбнулась ему и благосклонно кивнула.

— А ты точно не кутят ножом брал? — ухмыльнулся Орм.

— Отродье Локи! Поднимаю эту Брагу[2], что не выпью я меда хмельного до тех пор, пока не добуду медведя ножом! — стоя проревел варяг, и залпом выпил почти двухлитровый рог.

— Ты из дома выходил? Там же снега по колено — все медведи спят! — напомнил Орм.

— Разбужу! — отчеканил Улеб.

— Как же ты Брагу выпил, если обет на хмельное дал? — не утерпел я и спросил его.

— Малыш, в роге пиво было, а я про мед говорил, ха! — осклабился хитрый варяг.

И через недели две мы всем честным народом поехали на охоту!

[1] Ныне Изборск, один из древнейших русских городов.

[2] Поднять Брагу (Bragafull) означало принести обет.

Зимний Осло совсем не поражал красотой. Здесь не было испещренных ущельями фьордов, только холмы, покрытые лесами и лугами. Но вот туманны... Я уже привык к ним, а ощущение сказки осталось.

— Лошадка! — утром во дворе я вспомнил старый мультфильм.

— Где? — на словенском спросил, проходивший мимо Акун, брат Улеба.

Сначала я очень удивился, что кто-то знает мой родной язык, а потом вспомнил происхождение варягов и успокоился. Но вот Акун никак не ожидал услышать от меня свою речь.

— Кто же тебя языку нашему научил, княжич? — спросил он.

— Княжич?

— Да, на нашем языке ярл, это малый князь! — улыбнулся варяг.

— А конунг большой князь? — спросил я на словенском.

— Вроде того! Пойдешь с нами на охоту? — ухмыльнулся он и видимо забыл про первый вопрос.

— Да, отец разрешил! — сказал на языке скандинавов.

— Добро! — Акун потрепал меня по голове и отправился дальше по своим делам. Язык, на котором он говорил я понимал, но он был тяжел в восприятии. Это как читать книжки на старославянском, со всеми твердыми знаками в ненужных местах.

На охоту снарядилось человек тридцать, укомплектованных лыжами и сулицами[1] вместо палок. Также снарядили сани (в которых сидел я) и выпустили собак. Провожатым у нас был один из ополченцев, который рассказывал особенности их национальной охоты в этом лесу. Ничего нового не поведал, но сказал, что знает, где здесь самый большой медведь, а еще упомянул о турах. Об этих огромных предках нашего крупного рогатого скота я слышал и в прошлой жизни, а еще у нас дома была пара их рогов, оправленных золотом и серебром. Объём у них — бездонный! Учитывая то, что пить из них нужно залпом, не опуская.

Зверья водилось много, это сразу стало понятно, когда мы вошли в лес. Потому что кругом были продукты их жизнедеятельности и следы. Но на это наш проводник внимания не обращал и четко вел нас по направлению берлоги. Она оказалась гораздо ближе, чем я думал. «Тута она, здесь косолапый спит!» — самодовольно улыбнулся парнишка. Никогда бы не подумал, что эта кочка — медвежья берлога, но все утвердительно закивали и повода сомневаться у меня не осталось.

Главный виновник торжества принялся, отчего его длинные усы пару раз подпрыгнули, снял лыжи и начал ходить вокруг кочки. Когда Улеб закончил, по периметру берлоги была небольшая круглая площадка с вытоптаным снегом. Он снял с себя меховой тулуп и надел сначала кольчугу, а потом панцирь и шлем.

— Ты эта... палочку в его норку засунь и... — начал было один из молодых дрэнгов.

— Сейчас тебе палку в норку засуну! Не учи волка выть, малец! — ухмыльнулся Улеб и смехом его поддержали остальные. Потом он вытащил свой «нож», которым варяг с одного удара срубил деревце толщиной с запястье взрослого мужчины, и сунул его ствол в отверстие под кочкой. Пошерудив там пару раз, послышался утробный гул, снег начал оседать, а кочка — наоборот подниматься. На свет показалась огромная кудлатая морда с ошалелыми

глазами, затем гигантские лапы и весь корпус целиком. Я еще не видел никого больше, чем Улеб, но когда эта мохнатая громада встала на задние лапы, она была как минимум выше варяга в полтора раза. Медведь inferнально заревел и бросился на него. Для такого размера, зверь был удивительно быстр и подвижен, его лапы вспарывали воздух с такой скоростью, что я видел только остаточное изображение. Однако хольд не умер, превратившись в отбивную, а успевал ловко уклоняться и даже тыкал ножом в морду гиганта. Но в следующий момент обезумевший зверь схватил клинок пастью, отбросил его в сторону и ударил лапой Улеба с такой силой, что варяг отлетел в сухое дерево, сломав его. Медведь не давал передышку и тут же набросился на него, намереваясь раздавить лапами... хольд успел кувырнуться в сторону оружия, вцепиться в него и двумя руками вбить нож медведю за ухо. Бурый исполин крутанул головой, взмахнул лапами в последний раз и осел на снег.

— Помогите ему! — отец махнул на варяга, который пытался снять измятый шлем.

— Ну что, Улеб, он всё еще похож на щенка? — поддел друга Орм.

— Годовалого, — отшутился варяг, — Но шкура хороша! Плащ из неё сделаю, — он посмотрел на тушу медведя, — Или два...

Добычу тут же освеживали, потому что весу в ней было пудов двадцать пять. Вынули печень и разделили на каждого. Мне тоже пришлось съесть, хотя на вкус оказалось лучше, чем на вид. Потом добыли пару кабанов и с десятков поросят. С турами сегодня не повезло.

Когда мы вернулись домой, отец отправил Улеба к Сигрун, чтобы та осмотрела и подлатала его. Оказалось, что этот здоровяк отделался только синяками да шишками, хотя я был уверен, что после встречи с деревом он сломал минимум пару ребер. Но даже от удара медведя по варяжский голове пострадал только шлем. Удивительная живучесть!

И в который раз после охоты, конечно же начался пир. На очередной попойке все восхваляли доблесть Улеба, и сам варяг тоже подливал масла в огонь. Якобы медведь был размером с дом, злобным как черная пурга, а рык его гремел как удары Мьельнира[2]. В целом я согласен с описанием, может он был и поменьше дома, но во всем остальном сушая правда.

За столь мощный поступок, отец решил одарить друга золотым кубком с мёдом. Поднимая тост за варяга, Синдри сказал: «Ты велик и могуч! Беспощаден к врагам и верен братьям! Жесток в сражении и голоден до добычи! Отныне и впредь назову тебя Улеб Шатун!» Хирдманы одобрительно заревели и подняли чарки в знак согласия. Варяг важно надул усы и упёр руки в бока. На него сразу же начали кидать игривые взгляды служанки. Улеб это заметил, подмигнул одной и вскоре с ней уединился. Менталитет древних скандинавов прямой как меч: они живут настоящим днём и не размениваются на мелочи. Ведь кто знает, может этот ужин ты проведёшь с друзьями по хирду[3], а завтракать уже будешь в чертогах Одина.

А на следующий день у нас началась подготовка к мистическому празднику Йоль...

[1] Метательное оружие, небольшого размера. Фактически, что-то среднее между копьём и стрелой.

[2] Имеется ввиду гром. Каждый раз, когда бог Тор бил своим волшебным молотом Мьельниром на небе сверкали молнии и гремел гром.

[3] Хирд — боевая дружина викингов.

Самый короткий день и самая длинная ночь в году. День зимнего солнцестояния или Йоль. Асвейг сказала, что этот праздник называется в честь Одина, так как одно из его имён — Йольнир. И её сверкающие глаза явно говорили о том, как сильно она ждёт наступление этого дня. Когда я спросил её, что же будет, она сообщила: «Наберись терпения, сын, ты сам всё увидишь и почувствуешь все сам...» Очень загадочные слова, но делать нечего, придется подождать. Раньше Йоль проходил мимо меня, по словам родителей, я был еще слишком мал для участия в нем. Формально до праздника оставалось около месяца, но до этого нужно было выполнить много дел. Во-первых, нужно было подобрать «особое» дерево, которому предстоит стать священным поленом. Оно должно быть сухим, но при этом не валежником, желателен ясенем, в который ударила молния, ведь это означало бы, что его отметил Тор. Тогда оно просто идеально подходит для наших целей.

Вторым важным делом было принести жертвы богам. К этому вопросу подходили не менее усердно, выбирая самых жирных животных для даров, хотя лучше подходили рабы, а еще лучше жрецы христиан, но в отсутствии оных Синдри решил добыть свеев. Поэтому отправился с двумя драккарами грабить их земли. Думаю, что отцу стало просто скучно, и поэтому он пошел разорять вражескую территорию, заодно и людей для жертвы захватить. Ну и последнее, но не по значимости, это праздничный стол. Мама приготовилась варить Йольское пиво, а отцу, как ярлу, нужно будет добыть огромного кабана. Почему кабана? Потому что боровов здесь ой-как уважают. А праздничный кабан, символизирует своего божественного собрата Сэхримнира, которого каждый день съедают эйнхерии[1] в Вальгалле. В остальном нужно украсить дома хвойными венками с яркими лентами и понаделать кучу свечей из китового жира.

Месяц пролетел незаметно и за пару дней до Йоля вернулся отец, а вместе с ним десяток подбитых свеев. Несмотря на синяки и травмы, смотрелись они гордо: на лицах ни капли страха, взгляд сверху-вниз, как будто это не их ведут со связанными руками и ногами, а они. Непростые персонажи, надо спросить у отца про них, что я и сделал:

— Отец, а кого ты привел к нам?

— Это Гаут Древоруб, хёвдинг из Стангира, его сын и ближники. Конунг Эйрик поставил его управлять своим фюльком, а он вот не справился!

— Стангир, где это? — спросил я.

— Недалеко по левому берегу от нас. Ещё дальше Варнд и Тесалир. Когда-то дед нашего конунга Харальда завоевал эти земли, но потом пришёл Эйрик и решил, что всё это принадлежит ему. — объяснил отец.

— А разве он не захочет мстить? Ты убил его сына, теперь разорешь его земли.

— Эгиль, конечно, он захочет мстить! Но хоть он и стар, но совсем не глуп. Эйрик не пойдет войной против нас, потому что за нами Харальд! Я надеюсь, что у него хватит чести двинуть корабли на Тёнсберг, и тогда этот свейский конунг точно потеряет все свои земли, власть и жизнь! — Синдри хищно оскалился.

— А что ты будешь делать со всеми этими людьми? — я показал на связанных воинов.

— Трои м вскрою глотки на капище наших богов, остальных подвешу на ясене в дар Одину. — спокойно ответил он.

— Как?! Зачем? Я думал ты устроишь торжественный бой. Они ведь безоружны, и даже не рабы?! — благородный образ отца поплыл перед глазами и никак не соответствовал, сказанным словам. Я понимаю, что убийство здесь норма, но во время битвы. Сейчас же я видел свободных людей, которых привели на подношение богам, если они вообще существуют. Откуда такая жестокость?

— Когда мы пришли в их фюльк, они не были безоружными, сын. Ты слишком мягок, это слабость для воина. Я отдам их в дар Богам, чтобы они были милостивы к нам и помогли в миг нужды! Они даже могут попасть в Вальгаллу, если проявят мужество! — твёрдо сказал отец.

— Жизнь человека здесь ничего не стоит, если её можно так просто отнять... — прошептал я.

— Ты прав, сын. Жизнь не стоит ничего. Но память и честь бесценны! Мы то, что о нас будут помнить. Жены и младшие дети Гаута живы, и узнают, как умер их отец! И только от Гаута Древоруба зависит, испытают ли гордость его потомки.

— Откуда ты знаешь, что должны чувствовать его дети?

— Потому что я помню своего отца Стейна! Он умер и умер достойно, когда ярл Ими сделал ему кровавого орла. Отцу прорубили позвоночник и вскрыли ребра, но он не проронил и звука! Даже когда его легкие сжал в своих грязных руках Ими из Сконе и положил их отцу на плечи, он молчал! Я знаю это, потому что видел сам. Сконский ярл заставил смотреть меня и брата, чтобы мы видели позор отца, но не дождался этого. Я горжусь им и помню его подвиг!

— ... — я уставился пустым взглядом на связанные руки Гаута. Этот бесконечный путь жестокости, по которому идут викинги, плодит все новые петли. Как возможно сойти с него, если каждый является его частью?

— Как же ты выжил, отец? — спросил я

— Мой брат, Лейдольв, впал в священную ярость, разорвал руками ремни, что связывали его, и убил всех... даже нашу мать... когда он схватил мою шею, его взгляд прояснился, и он упал без сознания. — ясные глаза Синдри смотрели на меня.

— Твой брат берс...? — хотел спросить я, но отец не дал мне закончить.

— Я отвечу на твои вопросы позже, Эгиль. Твой отец ярл и должен заниматься своими обязанностями! — улыбнулся он, оставив меня наедине с моими мыслями и вопросами без ответа.

[1] Эйнхерии, это павшие войны, заслужившие оказаться в Чертогах Одина. Каждый день едят плоть волшебного кабана Сэхримнира, пьют и весело убивают друг друга. А утром воскресают, как и кабанчик.

Вот и праздник! Первым этапом нашей шоу-программы был торжественный ритуал зажжения Йольского полена. Оно символизирует священное древо, что связывает все миры. Чтобы его поджечь использовали лучину от прошлогоднего полена. По заверению Сигрун, гореть такое должно до конца праздника — почти две недели. Хотя если я и сомневаюсь в таких фокусах, то не слишком. Ведунья засыпала килограммами разных порошков бедную деревяшку, не удивлюсь, если она вообще закристаллизуется.

Следующим этапом праздника была охота, в этот раз за дичью отправились почти все воины нашего городка. Усилиями сотни хирдманов был найден действительно огромный вепрь. Если бы не видел его, не подумал, что такие монстры существуют. Секач ростом в холке по грудь взрослого мужчины, это страшно, но у товарищей-викингов странные понятия о страхе, точнее такого понятия нет. Есть только азарт и желание добыть трофейного зверя. Его окружили, и погнали в сторону отца. По пути вепрь сметал кусты и деревья, оставляя опустошенную просеку после себя. И тут его принял Синдри: он вышел из тени большого дуба с широким копьём и воткнул его в грудь секача, уперев в землю. Рогатина[1] ушла глубоко в тело кабана, пронзив сердце. Огромная туша ещё простояла пару мгновений и после завалилась на бок. Отец встряхнул руки и оглядел добычу.

— Сожрите меня тролли, если это не потомок Сэхримнира! — воскликнул ярл.

— Я думал он снесет тебя с пути и рогатиной не подавится! Ну и крепок же ты ярл! В нём пудов тридцать, не меньше! — похвалил Орм.

— Да разве это кабан... — начал было Улеб, и сам засмеялся, — Хотя даже у нас я таких не видел!

Так что на праздничный ужин у нас был почти божественный хряк! И еще пара туров, которые были хоть и побольше кабана, но ненамного, а также поросята, оленина, дикая птица и много чего ещё.

Вечером многие давали клятвы, положив ладони на тушу кабана. Говорили здравницы конунгу, моим отцу и матери, но чаще всего, почему-то мне. Очень непривычно быть в центре внимания, но Синдри одобрительно хлопал меня по плечу и смеялся над моей реакцией. Пирушки, подобные этой, проводились каждый день на протяжении всего Йоля, а длился он почти две недели! За это время мы еще пару раз ходили на охоту, где я даже подстрелил свою первую добычу — большого белого зайца. Также хирдманы отца сражались на праздничных поединках. Они раздевались до пояса и выходили в круг на заснеженном лугу перед идолами богов. И начинали танцевать с оружием в руках, по-другому это назвать не могу. Их движения были такими плавными и четкими, что больше походило на постановку. Однако выкладывались они в полную силу: щиты превращались в растопку, на телах алели полосы ран... но к счастью, никто серьезно не пострадал, а после викинги веселым кагалом шли квасить пиво.

Удивительнее всего в этот праздник было суеверие скандинавов. Они очень серьезно подходили к вопросам гадания и различным магическим ритуалам. Очередь к дому Сигрун стояла круглые сутки. Каждый хотел узнать, что скажут руны о нем и о его будущем. Среди вопрошающих была и Асвейг.

Поздний вечер. Дом Сигрун.

— Здравствуй, Госпожа, и входи. — сказала ведунья. Её голос раздался из глубины комнаты, закрытой пологом из волчьих шкур. Асвейг вздрогнула, потому что вошла бесшумно и не ожидала, что об этом узнает Сигрун. И тем более, что это пришла жена ярла. Вельва[2] — не иначе.

— И тебе здравствовать, Сигрун. — Асвейг откинула полог и оказалась в небольшом помещении, все стены которого покрывали руны и различные символы. В центре комнаты горел небольшой очаг с тлеющими углями. С потолка свисали травы, а на главных местах стояли деревянные статуи скалящихся божеств.

— Я разложу тебе руны. Садись напротив и выпей из чаши. — на маленьком столе перед знахаркой были раскиданы аккуратные таблички, вырезанные из кости. В руках Сигрун держала деревянную чарку и протянула ее Асвейг.

— Спасибо, Ведающая! — она приняла чашу и сделала глоток. По горлу прокатилась горячая волна, которая постепенно утихла, оставив место приятному теплу. Голова Асвейг закружилась от терпкого зелья, она закрыла глаза... открыв их увидела, что знаки на стенах начали тускло светиться, как и руны в руках вельвы.

— Возьми этот порошок и брось в очаг, Госпожа. — глубокий голос Сигрун вырвал Асвейг из созерцания. Она набрала в ладонь белого песка и бросила на угли. Зеленое пламя озарило комнату, после чего снова приняло красный цвет.

— Посмотри на танец теней. Что ты видишь?

— Я... — затуманенный взгляд матери Эгиля заскользил по стенам. — Дракон... я вижу, как плывет дракон, а рядом с ним его братья! На его спине мерцает яркая искра, как у падающей звезды. Я вижу шторм, дракон пал, он тонет! Никто не помогает ему... искра... она тускнеет... — голос Асвейг дрожал.

— Сегодня самая длинная ночь, границы Миров размыты, и Боги общаются с нами. То, что ты видишь, уже было или ещё будет. Видения туманны как берега этой земли. Но я чувствую беду. Удача твоего мужа стала столь велика, что позавидовать ей могут в других Мирах. Но не только его судьба скрыта за листьям Вечного Древа...

— Эгиль?

— Да, Госпожа. Я много раз бросала руны, но так и не получила ответа. Духи не знают твоего сына. Колдовство Сейд и Спа не помогли мне прозреть его судьбу.

— Что это значит, Сигрун?

— Не ведаю... возможно моих знаний недостаточно, чтобы прочесть душу Эгиля. А возможно у него нет души. Когда ты вошла в мой дом, я почувствовала тебя, мне даже не нужно видеть глазами для этого. Но твоего сына я не ощущаю.

— Ты ведунья, так скажи, что нам нужно делать? — кулаки Асвейг были сжаты. Её глаза покраснели, но она не могла позволить себе пролить слёзы.

— Ярл Синдри уже принёс щедрую жертву богам. Быть может они навестят твой очаг этой ночью...

Асвейг выпрямилась, кивнула вельве и покинула ее жилище. Порыв холодного ветра ударил в нее, смахнув слезы с лица. Она вновь превратилась в жену ярла, строгую и прямую. И никто больше не сможет пошатнуть ее ни люди, ни боги!

На приличном расстоянии от нашего дома развели огромный костер, его сложили из толстых бревен в несколько уровней. Когда отец зажег его факелом, снег растаял до земли

на метров десять от кострища. Пламя поднялось выше стен нашей крепости и осветило земли окрест. Все люди тут же отреагировали на это радостным ревом.

Мы окружили костер, и отец стоял на его фоне с огромным кубком в руках. Он сделал глоток из него и поднес кубок мне. Темная жидкость сильно ударила мне в голову, в глазах задвоилось, и я чуть не упал, но рядом стояла мама и придержала меня. Потом отец поднес напиток ей и передал дальше. Взгляды окружающих меня людей постепенно стекленели, а на их лицах появлялись улыбки. Я и сам захотел вдруг прыгать и смеяться, кричать во всю глотку, скинуть одежду и бежать, бежать... хоровод вокруг костра подхватил меня, и мы быстро понеслись по мокрой земле, не обращая внимания ни на что. Мельтешение ярких пятен и цветов напомнило мне первые секунды появления в этом мире. Казалось, что у меня получится свернуть горы, ничто не сможет навредить мне или остановить меня! Это было потрясающе... среди всего шума и гама, я услышал звонкий смех. Он как колокольчик позвал меня, а обернувшись, я увидел чудо.

Она стояла передо мной и ее огненно-рыжие волосы кружили ореолом вокруг прекрасного лица. От этих огромных зеленых глаз я не мог увести взгляд, не мог и не хотел. Она протянула свою ладонь, со смехом схватив мою руку, и потянула за собой. Мы побежали, и ее волосы как пламенная река обжигали мое лицо своими волнами. Она прыгнула, и я полетел за ней... и ринулся наземь в пяти метрах от костра. Я увидел, как Асвейг потащила меня дальше от яростного жара кострища, голова гудела, и я не мог понять, что произошло и где эта девушка. Вдруг на меня навалилась такая тяжесть, что я не смог даже открыть глаз, шум затих, сознание начало гаснуть...

[1] Копье для охоты. Имело очень широкий наконечник листовидной формы, заточенный до бритвенной остроты. Названа в честь перекладки или рогов, не дающих туше провалиться дальше определенной длины.

[2] «Вёльва», обычно переводится как «провидица» или «пророчица». Скандинавский аналог уважаемых ведьм, с более позитивным оттенком.

— КТО ТЫ?! — громогласный рев ударил по моим ушам. Я открыл глаза и не мог поверить...

— О...Один?... — мой голос шепотом покинул легкие. Впереди стояла огромная величественная фигура мужчины. Его волосы были седые и лицо обрамляли морщины, но тяжелый плащ и сверкающая кольчуга не могли скрыть могучую статью воина. Единственный глаз пронзительно сверлил меня стальным блеском.

— Да, это моё имя! Но кто же ты? — пророкотало в ответ.

— Эгиль, меня зовут Эгиль. — страх пропал, я вспомнил, что выпил из ведуньей чарки. Белочка значит, ох не стоило моему юному организму столько пить...

— Ты назвал мне свое имя, дитя, но не сказал кто ты.

— Я человек, сын Синдри и Асвейг. — сказал я и огляделся. Мы стояли на пересечении девяти дорог в сени гигантского дерева. Взгляду открывался лишь необъятный ствол, скрывающийся в облаках и туман, в молочной вуали которого терялись пути.

— Человек? Хммм...я сомневаюсь. Норны[1] не плели нить твоей судьбы, Эгиль. Ты сын своего отца и рожден от своей матери, но душа твоя не принадлежит этому миру. Так кто же ты?

— Разве есть значение, кто я? Здесь у меня есть семья и есть смысл. А ты мне представлялся иначе, Всеотец! — мне вдруг стало так весело. Что за грибы засыпала в это варево Сигрун, если я болтаю с Одним, где-то в междумирье под тенью Иггдрасиля!

— И как же я представлялся тебе, сын Синдри? — Бог сощурил единственный глаз.

— Ветхим старцем в широкополой шляпе. А ты похож на Зевса греческого, только одноглазого!

— Ты откуда Зевса знаешь?! — прогремел Один.

— Да что же ты кричишь... ну как... в учебниках школьных читал, в кино видел. А чего такого?

— Мне не понять речей твоих. Но удивлен я, что знаешь богов Грикланда[2].

— Так Зевс тоже есть? — мне вдруг стало любопытно, как далеко зайдет моя галлюцинация.

— Он жив, но слаб. Сам я никогда не видел чужих богов, однако открылась мне эта мудрость, и платой за нее послужил глаз. — пробасил Всеотец.

— Разве вы не в одном мире живете, Нарния там или Средиземье?

— Ох, дитя... Ваш Срединный мир — Мидгард, единственное место, что связывает Сущее. Дерево жизни и смерти, Иггдрасиль, держит на своих ветвях девять наших миров, но через Мидгард оно соприкасается с другими Древами. И боги, в отличии от людей, не могут покинуть священный яшень, поэтому хоть я и знаю о Зевсе, его я не видел.

— Хочешь сказать, что таких Мировых деревьев целая роща? — усмехнулся я.

— Ты не представляешь, как велико сущее, Эгиль. И люди сами расширяют его границы. Поэтому и спрашиваю тебя, кто же ты? Хоть ты и родился на земле людей, но ей не принадлежишь, как и любому из известных мне миров. — очень уж у него складно выходило. Мне даже начало казаться, что это действительно происходит, ведь если я оказался младенцем в древней Скандинавии, то почему бы и происходящему сейчас не быть

правдой.

— Я из другого времени...сам не знаю, как оказался здесь. Но я умер в том месте, откуда пришел. Когда снова открыл глаза, оказался в теле младенца... это все, что я знаю.

— Впервые за вечность моей жизни я вижу такое. Теперь понятно, почему ты так заинтересовал Локи. Поведай мне о своем времени, скиталец. — прозвучал глубокий голос Одина.

— Мне не известно, сколько живут боги, но через тысячу и еще пару сотен лет, ты и сам всё увидишь, — улыбнулся я, — Но если настаиваешь, то расскажу. Что ты хочешь узнать?

— Меня забавляет твоя дерзость, Эгиль, сын Синдри, в этом ты похож на отца! Хотя ты и выходец других времен, я чувствую в тебе мою волю. Скажи мне о нашем будущем! Почитаю ли богов Асгарда? Известно ли тебе о Конце Сущего, Рагнереке?

— Думаю, что я расстрою тебя. В моем времени вы живы лишь в сказках. Рагнарек, это когда весь Мир погиб и зародился вновь? Такого не произошло, но было очень много войн, про каждую из которых можно сказать, что она изменила мир.

— Значит вот каков наш конец... Думал я, что мы сгорим в пламени огненного великана Сурта, а на деле сгорит память о нас. Почему же мои дети забыли о своих богах?

— Я читал, что христианский бог занял ваше место. Его теплый Рай стал людям ближе, чем бесконечные битвы в Вальхалле. Да и к тому же, золота у его последователей гораздо больше, а где богатство — там и бог. — вздохнул я.

— Не ожидал, что наше место займёт этот наглый южанин! А он только стал сильнее, после разорения христианских святилищ. Тяжелые слова ты открыл мне... — помрачнел Отец Битв. Теперь его возраст отчетливо читался в единственном глазе.

— Почему же ты веришь мне, я ведь мог и обмануть. И вообще, как я здесь оказался?

— Мог, но не стал, и я верю тебе, Эгиль. После смерти моего сына, Бальдра, я слежу за всеми проделками Локи. Поэтому, когда он затуманил твою душу в образе девушки, я указал Асвейг на это. Твоя мать помешала ему, и ты провалился в забвенье. — поведал мне Один.

— Так значит это все сон? Этого не происходит в реальности?

— Конечно, это сон. Но почему это не может происходить на самом деле? Существовать может все, во что верит человек. — улыбнулся он.

— Тогда, где же твои вечные спутники вороны и волки?

— Мои птицы здесь, но ты их не видишь. А с волками скоро познакомишься сам... — Всеотец загадочно усмехнулся. — Самая длинная ночь подходит к концу, Эгиль, и границы Миров крепнут вновь. Это не последняя наша встреча, поверь и проснись! — он опустил руку мне на плечо, и я почувствовал такую тяжесть, что она с огромной скоростью уронила меня на землю.

[1] Норны (nornir) — в скандинавской мифологии божества, определяющие судьбу людей при рождении. Из «Прорицании вельвы» и в «Младшей Эдде» нам известны три норны — Урд («судьба»), Верданди («становление») и Скульд («долг»), живущие у источника Урд в корнях мирового древа Иггдрасиль (являющегося и деревом судьбы), которое они (по «Младшей Эдде») ежедневно опрыскивают влагой из источника.

[2] Гриккланд (Grikkland или Girkland), так скандинавы называли Грецию.

Та же сила, что придавила меня, в этот раз подбросила в воздух. И я оказался на ногах в нашем доме. Голова кружилась, и я не сразу заметил Сигрун, которая пристально следила за мной.

— Полна на события йольская ночь, не так ли, сын ярла? — зеленые глаза вельвы цеплялись за мое лицо.

— Что было в твоём зелье, Сигрун? — пробормотал я.

— А что было в твоих снах? — её жесткий голос возвращал к реальности.

— Моих снах... — образы мелькали в голове, не получалось сосредоточиться. — Не помню... я падал, а до этого с кем-то говорил... и туман.

— Интересные сны, маленький Эгиль. Говорят, их шлют нам боги. Что ж, отдыхай и постарайся больше не прыгать в огонь. — сказав это, она развернулась и бесшумно ушла.

Голова прояснилась, но во рту чувствовался небольшой привкус железа, и очень ныло плечо. Когда я снял рубаху, обнаружил огромный красно-фиолетовый синяк во всю ключицу и левую сторону груди. Ощупав повреждения, пришел к выводу, что кости не сломаны. Как раз за этим меня застала Асвейг. Появившись в комнате, она опустила и осмотрела мое плечо. Покачав головой, она поднялась, и я увидел свежий ожог на ее руке. Мне стало так больно от того, что Асвейг пострадала из-за меня.

— Ты обожгла руку по моей вине...

— Ты жив, и это главное. — тепло улыбнулась она и убрала ладонь от моего взгляда.

— А что случилось с той девушкой? — я вспомнил последние события до потери сознания.

— С какой девушкой? — встревожилась мать.

— Та рыжеволосая, с которой мы бежали к костру.

— Сын, что бы ты не делал, впредь тебе следует держать рассудок чистым. Не все в этом мире желают тебе добра, ни люди, ни кто-либо еще.

— Что ты имеешь ввиду? — я не понимал причину беспокойства матери.

— Когда я увидела тебя, ты был один. — твердо сказала она.

— Что мы пили из чаши? Может это снадобье Сигрун помutilo меня?

— То было обычное йольское пиво, ничем кроме ягод и большей крепости от обычного не отличается. И не Сигруд его варила, а я.

— Так, а почему же все вели себя так, будто они сошли с ума? — я пытался найти хоть в чём-то объяснение.

— Потому что это Йоль, мой мальчик. Мы становимся теми, кем хотим быть, делаем то, что в обычной жизни не решаемся. Разве ты сам не чувствовал близость того, что за гранью? Все и правда сошли с ума этой ночью, также, как и ты. — она поцеловала меня в лоб. — А теперь иди к отцу, он хочет поговорить с тобой. Я кивнул ей и отправился искать Синдри, поэтому не мог услышать, как мама тихо сказала: «Рыжеволосая... так вот какой бог навестил мой очаг...»

Найти отца оказалось не трудно. Он как обычно руководил всевозможными процессами в нашей маленькой крепости. Его громкий голос, казалось, звучит со всех сторон. Когда я подошел к нему, Синдри хлопнул по спине Улеба, и тот довольный отправился к пристани.

— Куда ты его послал? — спросил я отца.

— Эгиль, проснулся, не заставляй мать нервничать больше! — ухмыльнулся он, — Мой сын впредь не должен валиться от одного глотка пива! Этот здоровенный варяг ест за пятерых, поэтому пусть отработает затраты на себя добычей китов! — посмеялся отец.

— Я думал у нас много ворвани, да и канатов в корабельном сарае десятка три...

— Нет такого понятия «много», у нас либо чего-то не хватает, либо требуется еще, ха! Да и пусть развеется, устал он от наших праздников.

— Мама сказал, что ты звал меня?

— Да, малыш! Я так и не успел проверить, чему ты научился в мое отсутствие. Как из лука бьешь, видел на охоте, за то молодец. А вот как с мечом управляешься, это мы сейчас посмотрим!

— Ого, до дома сбегая за ним! — я так обрадовался, что даже перестал чувствовать боль в плече.

— Пояс с мечом, это первое, что пробудившись, ты должен надеть на себя. Не забывай, что ты воин! Пусть еще и маленький. — посмеялся он.

Когда прибежал в дом, то сразу облачился в кольчужку, опоясался маленьким мечом, взял в руки шлем на свою голову и совсем небольшой щит. Так что отец, увидев меня снова, громко захохотал. Я и сам посмеялся, потому что знал, что выгляжу как котенок в костюме космонавта.

— Это кто же тебе такой доспех смастерил? — еле как отошел от смеха Синдри.

— Я сам кольчугу сделал и шлем тоже. Хлотти-кузнец мне поковки дал, я их в пластины выстукал и по форме в шлем собрал! — похлопал я по шлему. Мне было очень приятно удивить его своими умениями.

— А кольчугу?

— Проволоку сделал, скрутил и на колечки поделил, приклепывать начал, да ряд за рядом так и получилось!

— Что-то не припомню, чтобы в роду нашем дворги[1] были! А я и забыть успел, что ты не простой ребенок, сын! — мне кажется в этот момент мои щеки налились краской. — Хорошо, ты готов? Нападай!

— Да, отец! — сказал я и без лишних слов аккуратно закружил вокруг Синдри. Он намеренно стоял расслабленно и вальяжно, уверенный в том, что я сломя голову ринусь в атаку. Конечно, любой ребенок так бы и сделал, но ведь я давно вышел из детского возраста. Хоть для отца это была лишь игра, и он мог бы голыми руками прервать любые мои потуги в нападении на него, для меня это была проверка моих ежедневных тренировок. Надеюсь, я не зря упражнялся с утра до вечера во владении всевозможным оружием. Сказать по правде, другие занятия напрочь ушли из моей головы, и я все свое время посвящал тренировкам, кузнице и наработке различных навыков «порядочного» викинга. Я давно заметил, что все знания сохраняются в моей голове с удивительной скоростью. Видимо детский мозг как губка впитывал все от новых языков до различных умений. И как оказалось, эта способность никак не конфликтовала с воспоминаниями прошлой жизни, и даже наоборот, они стали ярче, и выуживать их из памяти было проще. Однако в канву взрослого рационального рассудка периодически вплетались детские эмоции, которые тяжело было контролировать.

Асвейг поначалу пыталась донести до меня, что общение с другими детьми будет полезным, и что в моем возрасте положено больше играть (хотя игры скандинавских детей отличались от настоящего боя только деревянными муляжами мечей), но видя мою

непреклонность быстро уступила. Таким образом, моими спарринг-партнерами становились любые хирдманы отца, которые были не против поучить меня этой мужской науке.

— Малыш, от твоих танцев у меня голова кругом! Меч тебе для красоты нужен или как? — отец ждал от меня активных действий.

— Так ты свой клинок не достал, я безоружного бить не стану! — мне хотелось поразить отца, и поэтому у меня был лишь один шанс.

— Хах, хорошо!... — он потянулся к ножнам. Мы находились на расстоянии трех метров друг от друга. При желании он достал бы меня мечом меньше, чем за секунду, для настоящего война это не проблема. Как я уже сказал, для Синдри это была игра, но такого ожидать от меня он точно не мог...

В тот момент, когда его ладонь коснулась рукояти меча, я метнул свой щит в его голову и рывком прыгнул вслед за ним, попутно выхватывая кинжал на поясе. Отец вновь подтвердил свое звание вождя викингов тем, что даже на секунду не замешкался, увернувшись и встретив меня ударом меча плашмя. Однако я это предусмотрел и отвел его атаку плоскостью своего клинка, Синдри намеренно бил не сильно, и меня не отбросило назад. В это же время моя левая рука змеей вспорола воздух, намереваясь пометить кольчугу отца. Насчет приложенной силы я не волновался, даже взрослая рука не факт, что пробьет кольца отменной кольчуги таким кинжалом. Но отец и тут играючи перехватил мой удар свободной рукой. В следующий момент оба моих оружия полетели в стороны, а сам я осел на землю от умелой подсечки. Другого исхода не могло и быть. Пока не могло.

— И зачем ты выбросил щит, маленький воитель? — шуткой ободрил он.

— А толку от него? Он от одного пинка твоего разлетится, а я вслед за ним, надеялся отвлечет тебя...

— Молодец! Когда-нибудь ты превзойдешь меня. Удача, опыт сражений и непредсказуемость возвращают вождя. О первом скажет твое богатство, второе обретешь со временем, а третье ты уже имеешь. Что же, поднимайся, поиграли, а теперь отработаем твой удар с подскоком! — он подал мне свою руку, и мы продолжили упражняться. В таком ключе и проходили зимние дни, которые становились по-настоящему теплыми от тренировок и наставлений отца, приятных разговоров с матерью и атмосферы этой прекрасной земли.

[1] Дверги или цверги, аналог гномам в скандинавской мифологии. Считались лучшими кузнецами. Волшебные молот тора — Мьельнир, как и копьё Одина — Гунгнир, их рук дело.

Весна ознаменовалась прибытием Хаука Ястреба на наш причал. Собственно, он пришёл с целью оповестить отца, что конунг Харальд собирает войска и просит Синдри присоединиться к нему. Кроме того, за время совместных плаваний Хаук с моим отцом сдружились, и им обоим было приятно видеть друг друга. В честь встречи накрыли богатый стол, за которым присутствовал и я.

— Значит Харальд решил действовать все-таки этой весной? — задумчиво сказал наш ярл.

— Да, когда он наиболее силен, а наши враги, напротив, ослаблены. Это лучшее время, чтобы действовать! — азартно ответил Хаук.

— Пожалуй, что так.

— Тебя что-то тревожит, Синдри-ярл?

— Эйрик-конунг меня тревожит. Он не станет вмешиваться в дела Харальда, но при этом ему никто не помешает разорить мои земли, когда мы будем в вике. — угрюмо проговорил отец.

— И ты не помешаешь Эйрику, даже если останешься здесь! Он конунг, хоть и не такой большой, как сыны Рагнара или Харальд, но кораблей у него на десяток твоих крепостей хватит! Так что даже не думай, а с семьей доверенного оставь. Вон, того же Улеба! А чего он хромает?

— Хах, занятная история... китов когда били, один криворукий лесовик с броском промахнулся и варяга за ногу поймал. Гарпун в кости застрял, Улеб сдуру острие свернул, как и шею охотничка того, да кусок в ноге остался. Вылечить-то вылечили и лишнее достали, вот только когда подвижность полностью вернется — не ясно.

— Не мудрено Шатуна с китом спутать! Ну, за скорейшее выздоровление! — Хаук отсалютовал рогом, а проходящий мимо Улеб, кисло улыбнулся.

— Когда конунг наш отплывает? — напрямик спросил отец.

— Через две седмицы. Готов будешь?

— Соберусь пока лучина тлеет! Драккары уже на воде, отплывем вместе, чего тянуть.

— Значит решено! Выплывем завтра?

— Да, воздадим жертвы богам перед походом, сделаем это сегодня и на рассвете в путь. — провозгласил Синдри и поднялся из-за стола. — Орм, пусть к вечеру приведут молодого бычка! — сказал он хольду.

Потом начались сборы. Появление Хаука не было неожиданностью, и большая часть всех приготовлений уже завершилась. Осталось загрузить провизию на драккары и рассадить людей. Отправляться решили на трех кораблях по тридцать-сорок человек на каждом. Численность войска отца составляла почти двенадцать десятков бойцов. Но часть из них было решено оставить в крепости, включая и Улеба, чему я был несказанно рад, хороший мужик этот варяг! Он, конечно, долго возмущался, но ярл своё слово сказал, и Шатуну осталось только сетовать на судьбу. У всех остальных было прекрасное настроение, лица хирдманов лучились от предвкушения драки и будущих богатств, только отец оставался серьезен.

Солнце с неумолимой скоростью опустилось до горизонта. На заснеженном лугу перед

деревянными истуканами трещал большой костер, запуская в небо искры и мрачно освещая лики идолов. Ветер танцевал в пламени, раздувая его в красные знамена предстоящего похода. Огонь играл в глазах отца, но лишь те, кто знал его по-настоящему, понимали, что это отражение пожара, бушующего у него в душе. Тяжелая поступь быка, ведомого Сигрун, коснулась слуха собравшихся на капище людей. Они образовали коридор, по которому вельва провела вола в руки Синдри. Его ладонь схватила узду быка, притянув голову животного вровень со своей. Их взгляды встретились, и отец резким движением погрузил нож в шею животного, которое так и продолжило смотреть на Синдри, как будто не замечая последних секунд жизни. Клинок выпорхнул и вслед за ним алый веер горячей крови окропил белый снег перед истуканами. В следующее мгновение рубиновый фонтан наполнил подставленный к шее быка сосуд. Розовый пар закурился перед вождем и его голос разорвал тишину: «Внемлите Боги! Синдри, сын Стейна зовет к вам! Не отводите своего взгляда и память об этом походе будет греметь вечность в чертогах Вальгаллы!» его голос упал, а вместе с ним и подкосившееся тело быка. Синдри прислонил огромную чашу к кривым губам идола, и в его внутренностях забурлил багровый поток. Так каждый из истуканов отпил жизнь принесенной жертвы, которая каплями проступала из их деревянных тел. Обряд был завершён и под восторженный вой жителей Осло, подошел к концу и день. Лишь Сигрун осталась среди капища древних богов, пустыми глазами глядя в пламя...

Рассветное солнце мягко заиграло на барашках морских волн, бьющих о берег. Зимний снег искрился сотнями бликов, не сдаваясь перед теплом весеннего светила, хотя уже тут и там слышалось легкое журчание ручейков. На гавани было шумно, громкий смех и разговоры о предстоящем вике пропитали атмосферу этого утра. Отец отдал последние указания перед отплытием и подошел к нам с матерью.

— Возьмешь дренгом вождь? — с улыбкой спросил я.

— Ха-ха! Может мне еще и хевдингом тебя сделать?! Ох, сын, твое время придет, не торопи норн плести нить судьбы... Ладно, в следующий раз возьму с собой, но к этому времени научись быть полезным хирду, вязать канаты, выбирать доски для драккара, Улеб научит! — заверил Синдри.

— Здорово, отец! Возвращайся скорее! — невозможно было описать мою радость, мысль о том, что скоро я увижу мир и узнаю, чем живут другие люди, взбудоражила меня. Теплая улыбка отца, смягчила его лицо. Он посмотрел на Асвейг и бесы пробежали в его хитром взгляде, наклонившись, Синдри прошептал ей что-то на ухо, отчего мать тут-же покрылась румянцем. Эта картина глубоко врезалась мне в память, потому как я уже успел забыть, что мои родители еще совсем молоды. Было приятно видеть их такими, хоть на мгновение, но беззаботными и легкомысленными. Но и этот счастливый миг подошел к концу.

— Хаук! Мы готовы к отплытию! — прокричал отец Харброку. Легким движением Синдри перемахнул с причала на борт морского змея, вслед за ним пара хирдманов сбросила сходни, и драккар мягко отделился от берега.

— Ну так чего же мы ждем, ярл! Скорее начнем — больше добычи возьмем! — смехом отозвался Хаук и небольшая флотилия неспешно направилась в сторону Севера к вотчине конунга Харальда.

Гребни, поднятых драккарами волн зашуршали о берег. Фигура отца все сильнее удалялась от глаз, и когда прощальный взмах руки уже был еле различим, тугие паруса кораблей спустились с их мачт. Подхватываемые ветром драккары вскоре затерялись на линии горизонта, жители Осло уже давно побрели заниматься своими делами, их жизнь мало зависела от держателя власти на этой земле.

— Пойдем в дом, сын. Отец отправился развлекаться, оставив на нас много дел. — мягко улыбнувшись, сказала Асвейг.

— Все веселье опять себе забрал наш ярл. Забери Навь того дикаря, который попал мне в ногу! — прошипел сквозь зубы Улеб.

— Ты бы сказал спасибо своему Перуну, что парень в ногу метнул, бегать-то ты скоро начнешь, а вот медвежат себе завести мог бы и не суметь! — мне доставлял удовольствие вид этого психующего гиганта.

— Ты, княжич! Ух, батко попросил в ученье твоём строже быть... ох и заскулишь у меня, волчонок! — красные щеки варяга тряслись от злости.

— Вот и пойдем проверим, а то весь плащ слюной забрызгал, медведь колченогий...

Буйная весенняя трава тут и там пробивалась из промерзшей земли. Кошка вельвы нежилась в пятне солнечного света, падающего на пол длинного дома. Серебристые усы мерно вибрировали в такт дыханию, но как только я переступил порог основного зала, узкий росчерк зрачков прорезал золотые глаза, уставившись на меня. «Всегда на страже, Йормунда?» — Сигрун сказала, что дала ей имя в честь Мирового Змея, который перевоплотился в великанскую кошку и был одним из испытаний для Тора[1]. Она мерно потянулась, выставив длинные лапы перед собой, широкий зевок распахнувший пасть оголил внушительные клыки и свернутой трубочкой язык: «Рр-мяу?» — отозвалась спутница ведуньи и направилась элегантной походкой к выходу из дома.

Вчерашние шутки с Улебом оставили весьма ощутимые следы на моей тушке, но скука и безделье вынудили меня направиться вслед за кошкой. Внутренний двор нашей крепости встретил потоком звуков и общей суматохой: мужчины таскали бревна для лучшего укрепления стен, трэли укладывали сухой настил для деревянных дорожек, дети играли в своих отцов, даже куры организовано кудахтали, направляясь по своим делам. Свежеуложенные доски слегка пружинили в такт шагам, и путь вывел меня к дому Сигрун. Йормунда, встав на задние лапы, показательно потерлась об ручку дверей ведьмино домика.

— Ну входи, — отворив створку, я вошел за ней следом. — Сигрун, у тебя еще осталась та целебная мазь?

— Входи, Эгиль. — последовал ответ за волчьим пологом.

Отодвинув шкуры, я увидел ее перед столом, на котором аккуратными кучками лежали разные травы и мешочки. Длинные серебряные волосы каскадом обрамляли молодое лицо вельвы, они не были заплетены в косу или в какую-либо хитрую прическу, что говорило о ее незамужности.

— А как ты стала жить с нами, Сигрун? — ее загадочная личность слишком сильно выбивалась из нашего окружения, и поэтому меня уже давно интересовал этот вопрос.

— Семь зим назад корабль брата твоего отца проплывал мимо устья Глаумы, к несчастью одного бонда... Небольшая фамильная снелка шла на торговлю в Тенсберг, но закончила свой путь в руках Лейдольва и Синдри. Бонд потерял корабль, товары, но в последний момент смог потерять и честь. Во избежание своей смерти он предложил жизнь родной дочери, что считалась самой прекрасной девушкой в Раумарике. Так дочери предстояло стать рабыней берсерка, но увидев ее, твой отец попросил отдать эту девушку себе. Лейдольв согласился и Синдри решил жениться на этой девушке на родном острове Селунд, а подарком невесте служила жизнь ее отца. Так в мыслях о скорой женитьбе они достигли Тенсберга, где продали и снелку, и товары отца, и трофеи похода. И по счастливой случайности твой отец увидел Асвейг. Дальнейшую историю ты знаешь, Эгиль.

— Ох, ты, наверное, ненавидишь отца?

— Наоборот, сын Синдри. Твой отец спас меня от рабства Лейдольва. Я свободна, нити моей судьбы навеки связаны с вами, — сказав это, она достала небольшую деревянную кадушку и поставила ее на стол. — покажи свои ушибы.

С трудом стянув тулуп и рубашку, перед вельвой предстал мой леопардовый окрас кожи,

на что она цокнула языком и покачала головой, затем аккуратно начала втирать мазь на места ссадин.

— Не шипи, Эгиль, лучше бы меньше доводил Улеба. — ухмыльнулась Сигрун.

— Это я свистеть учусь! Ты так и не вышла замуж получается? Сколько тебе лет?

— А ты хочешь позвать меня? Твой род знатен, но ты пока слишком мал, сын Синдри, поэтому я откажу, — посмеялась она. — Я старше на год твоего отца, ныне идет мой двадцать восьмой год.

— Очень смешно! А на самом деле? Я не могу поверить, что с такой красотой тебя больше никто не добивался.

— Ты же знаешь, что меня называют вельвой? И не просто так. Мужчины не говорят об этом, но в душе всегда опасаются ворожбы. Тем более зачем мне муж сейчас, если скоро подрастет такой благочестивый воин. — сказала она с ухмылкой.

— А отец?

— Твой отец всегда был бесстрашным, не говоря уже о его брате берсерке. Посиди так, пусть впитается, я заварю тебе успокаивающий отвар.

— Спасибо! Только давай, чтобы я потом не бегал голышом с пеной у рта.

— Все что было на Йоль остается там, Эгиль. — лукавые глаза ведьмы слегка прищурились.

Магия, ворожба или другие виды медицинского колдунства Сигрун дали свои плоды, и я уже с большим энтузиазмом побрел домой, где быстро провалился в объятия сладкого сна. Следующие недели прошли по настоящему беззаботно. Последний снег быстро растаял и даже морской ветер стал теплым. Я был счастлив, что смог переживать вновь эти яркие моменты детства, и чувствовать, что вся жизнь еще только впереди! Пока внезапно не оказалось, что ее хотят оборвать.

[1] Подробнее можно прочитать в «Путешествие Тора в Удгард».

Об их пришествии нас никто не мог предупредить, да и было это невозможно. Викингов не зря боялись и считали их хуже зверей. Они приходили из ниоткуда, забирали все ценное, убивали, брали в плен и исчезали. Корабли, способные преодолевать океаны позволяли им сплавляться и по небольшим рекам. Со скоростью до двадцати узлов[1] они менее, чем за сутки могли преодолеть расстояние более чем в пару сотен километров, это при том, что под парусами можно было идти практически не прилагая труда. Ни для кого уже не было секретом, что конунг Харальд собрал огромное войско, чтобы подмять под себя как можно больше земель. И случился худший из возможных вариантов, Эйрик Эймундсон пришел мстить.

Он лично возглавлял небольшую флотилию из трех быстрых драккаров. Когда мы узнали о его приходе, ему оставалось лишь около часа, чтобы кили кораблей коснулись берега нашей земли. Время шло на минуты, люди паниковали, и тогда Асвейг сказала то, что никто не думал услышать.

— Соберите все ценное, разлейте смолу по стенам! По команде мы запалим крепость!

— Но Асвейг, это же наш дом! Да они умоются кровью у наших стен! — взревел Улеб.

— И после вырежут здесь всех от мала до велика! Лучше потерять дома, чем жизни, хольд! Синдри вернется, и мы отстроим новую крепость! Поторапливайтесь! Живее, Хель вас заberi! Устроим пожар во славу Сурта! — я никогда не видел мать такой, всегда спокойная, сейчас же она рвала и метала, выкрикивала команды и полностью взяла всю ситуацию в свои хрупкие руки.

— Но дальше что?! Мы скроемся в лесу? — спросил один из рекрутов.

— Да! Река слишком мелководна для кораблей Эйрика, дойдем до озера, переждем и дальше в Тенсберг!

— А остальные люди? Что с ними?!

— Дренг, твоей семье и другим местным нет разницы, кому платить дань! Свейский конунг пришел за своей землей, и он не будет кусать руку, которая его кормит! Передай остальным, если хотят, то пусть идут с нами, если нет, то останутся под Эйриком или умрут!

В тот момент, когда люди Эйрика Эймундсона застучали ногами о доски причала, перед ними бушевала стена ревущего огня, но не теряя ни секунды они бросились в погоню.

У нас была фора в четверть часа, а это значило, что шансов уйти почти не оставалось. Мы добежали до прямого участка реки, где у берега стояла аккуратно прикрытая лодка. Улеб и оставшиеся хирдманы рывком спустили ее на воду.

— Гисли, Тьяльви! Вы поплывёте с Асвейг, Эгилем и Сигрун! — скомандовал Улеб.

— Улеб, а как же вы?! — я понимал, что пять людей в лодке — это предел, но как же варяг и остальные?

— Малыш, мы перейдем через реку и будем надеяться, что они не додумаются о лодке, если все получится, то встретимся в Тенсберге! — он оттолкнул борт, задав нам скорость, затоптал следы от кия и сразу нырнул в воду вместе с десятком других хирдманов.

— Удачи, Улеб! — прокричал я ему в след.

— Были бы они варягами, вот у нас бойцы!.. — донеслось мне уже на другой стороне реки.

Весла мощно толкали лодку вперед, и каждое движение все сильнее сгущало краски, голова кружилась, все происходящее я воспринимал как сон. Как возможно так внезапно разрушить этот привычный круг жизни? Наш дом пылает, отец далеко и возможно прямо сейчас в бою, а мы бежим от свейского конунга, и я абсолютно не могу повлиять на ситуацию.

Примерно через полчаса река привела нас к озеру, оно было небольшим и легко просматриваемым, поэтому добравшись до противоположного берега, мы утопили лодку и направились в чащу густого леса. Наш бег не останавливался ни на минуту, я понимал, что даже секундное промедление может быть для нас приговором. Когда драккары Эйрика коснулись нашего причала, солнце было в зените, сейчас же луна еле освещала наш путь, пробиваясь через ветви высоких сосен. Сил не было даже для мыслей; шаг, еще шаг, стук сердца и гул в ушах, я уже перестал замечать свое окружение, ноги сами собой толкали мое бесчувственное тело, не отвлекаясь на сознание. Этот момент жизни останется со мной навсегда. Если она вскоре не оборвется...

Наверное я все-таки упал, потому что дальше мог наблюдать только ноги одного из хирдманов отца. Затем внезапно я очнулся от холодной воды, бьющей по лицу. Открыв глаза, увидел, что мы снова пересекли какую-то реку и дальше шли вдоль нее. Я попытался спросить, где мы сейчас, но из горла вышел только сдавленный хрип.

— Госпожа? Эгиль плох.

— Я вижу... нам нужно сделать привал... ты знаешь подходящее место? — донесся голос матери.

— Да, там дальше будет излучина... найти нас там будет сложно.

— Веди! — все были вымотаны и их диалог прерывался громкой отдышкой.

В следующий раз я открыл глаза только от мягких рассветных лучей.

— Ты молодец, парень. Можешь отдохнуть еще немного, скоро пойдем дальше. — Гисли заметил мое пробуждение. Он и Тьяльви посменно стояли на страже, вслушиваясь в окружающие звуки.

— Спасибо. — еле слышно просипел я.

Вскоре мы выдвинулись в путь. Тьяльви сказал, что скорее всего swei прекратили погоню, поэтому в беге необходимости не было, но все равно шли в быстром темпе. Иногда Гисли обгонял нас, чтобы разведать местность и добыть дичи. До темноты хирдманы выбрали место для следующего привала: нужно было обработать раны и стертые ноги, а также хорошо отдохнуть.

Когда тускло затрещал небольшой костерок я наконец-то почувствовал, что опасаться сейчас нечего. Аромат жареной птицы легко коснулся носа, и я с ужасом осознал, как сильно проголодался. За эти дни мы почти не общались, безумная гонка забрала все силы.

— Куда мы идем? — спросил я.

— В Тенсберг. — свет от костра и тени играли на лице матери, превращая его в маску.

— А что дальше?

— Эгиль, дальше мы дождемся твоего отца и заберем нашу землю! — ее голос звучал строго и непримиримо. — А пока отдохни, через пару дней мы должны дойти до нашего одаля.

[1] 20 узлов, это около 37 км/ч.

Треск поленьев в очаге мягко разбавлял тишину, наступившую после моего рассказа. Как только мы подошли к Тенсбергу, Асвейг направила меня и Сигрун в наш одаль, а сама, в сопровождении Гисли и Тьяльви, направилась к жене конунга Харальда.

Старый дом совсем не изменился, жизнь здесь шла своим чередом, и, к моему счастью, я обнаружил наших товарищей во главе с Улебом, и свейскую снекку[1] у причала.

— Эйрик поплатится за все, что сделал... — скрипучий голос деда вернул меня из ступора. Тяжелый взгляд, скрытый седыми бровями, твердо опустил на нас. Он уже слышал историю Осло, я лишь рассказал о том, как мы добрались. — Я понял тебя, ты молодец, Эгиль... ступай, отдохни, об остальном мы позаботимся. — кивнул мне Хакон.

Асвейг рассказала о событиях, произошедших после того, как наша лодка скрылась из глаз Улеба. Эйрик не стал преследовать их слишком долго, побоявшись оставлять свои драккары, и не зря... Варяг разделил людей на два отряда, один направился дальше в лес, а другой сделал петлю и запутал следы. В итоге второй отряд вернулся в Осло, перебив охранявших корабли свеев и поджог два судна. На самом маленьком из кораблей команда Улеба, на всех порах поплыла в Тенсберг, чтобы созвать ратную стрелу и собрать всех кто может на месть Эйрику. И как только свеи поняли обманный маневр варяга, они побежали назад, но их встретили трупы товарищей и обугленные доски вместо кораблей. Можно представить гнев свейского конунга, который ожидал легкой добычи, а получил пепел вместо крепости, смерть своих людей и потерю кораблей. Но не смотря на совершенную ранее глупость, он понял, что вскоре сам окажется в опасности, если не скроется в глубине своих земель. Поэтому созванные ратной стрелой бонды[2] не обнаружили врага, но мало расстроились этому и пошли грабить подвластную Эйрику территорию. В подобных вопросах “миролюбивые” бонды ничем от “воинственных” викингов не отличались. На этом закончилась история Осло. Вскоре после нашего прибытия, вернулся и первый отряд Улеба. Нам крупно повезло, что все выжили и никто кроме свеев не погиб. Потеря дома не так страшна, как потеря близких людей, но эту правду жизни мне только предстояло узнать...

[1] Достаточно обширное понятие, если объяснить простыми словами, то бонд это владелец своей или пожалованной конунгом земли (одаль). Основное отличие от викинга в том, что основной доход бонда состоит из торговли, хотя повоевать они тоже не прочь. В будущем бонды стали очень весомой силой, их нередко именовали “могучими” или “крепкими” бондами.

[2] Напоминаю, что снекка или шнекка это “уменьшенная” версия драккара.

Прищуриив глаза Улеб взирал на добытую снекку. Могучие руки покоились на груди, а длинные усы развивались под теплым весенним ветром. Но не он один стоял с задумчивым видом, пара других варягов также вели тяжкие думы, иногда порываясь что-то сказать, но открыв рот так и не давали словам быть услышанными.

— Эй, Шатун! Чего такой мрачный? — с улыбкой спросил я у него.

— А?... Это ты, Эгиль... — так и не ответив, пробормотал он.

— Говорю, что ты тут стоишь как истукан? — меня начала забавлять его реакция.

— Не мешай, сопля! Не видишь, тут взрослые над именем этого дракона моря думают? — его широкая ладонь показала на пришвартованный корабль.

— Ну, думать, это явно не для тебя, я сам ему имя дам! — по сходням я перебрался на судно. А что, хороший кораблик! Я бы даже сказал отличный. За эти почти шесть лет, что живу в этом мире, я успел усвоить многое из кораблестроения. И это представитель очень элегантного судна, длиной порядка двадцати метров и шириной около трех, имеющего по двенадцать весел с каждой стороны. На фальшборт были установлены огромные, метровые в диаметре щиты, выкрашенные белым с обратной стороны. Два ряда широких сундуков крепились к палубе, в них свеи хранили личное добро, а также сидели в момент гребли. Высокая килевая оконечность, украшенная звериным орнаментом и в некоторых местах даже золотом, носовая фигурка дракона, больше похожая на рычащую собаку, даже руны покрывали внутренний борт корабля. Как здесь говорили, украшения подобного рода могли позволить себе только ярлы или конунги, и так как это был кораблик Эйрика Эймундсона — выглядел он истинно по-королевски!

— Говорят, как корабль назовешь, так он и поплывет... Тогда пусть он послужит нам с большей преданностью, чем прошлому владельцу! Верный Змей, отличное имя для такого красавца! — уперев руки в бока, сказал я.

— А что, звучит неплохо! — подтвердил товарищ Улеба.

— Хммм... и мне нравится! Пусть будет так! — улыбнулся в усы варяг.

Оставив хирдманов созерцать корабль, я направился в дом Хакона Легенды. Не смотря на постоянные байки о самом себе, его личность соответствовала прозвищу. Он был другом Харальда Чёрного, сыном которого является нынешний конунг Харальд Косматый. Вместе они прошли немало битв, и считались братьями. Строго говоря, так оно и было, ведь Хакон — ребёнок, рожденный от бастарда деда Харальда Чёрного. В этих генеалогических переплетениях черт ногу сломит, но каждый уважающий себя скандинав знает своих предков минимум до седьмого колена. Так вот, за свои заслуги дед был награжден землей, материальными благами и вечным почетом. Стоит отметить, что все богатство Легенда очень быстро спустил, и у него осталось только самое дорогое сокровище — моя мама. Помимо дочери ему повезло еще и тем, что ее мужем оказался такой уважаемый человек, как мой отец. Так что теперь Хакон ведет мирную жизнь ветерана на пенсии, и ни в чем себе не отказывает.

Как раз сейчас я застал его за тем, как он ни в чем не отказывал со служанкой из рабынь. И это в его-то годы...

— Дед, ты звал? — весьма “деликатно” поинтересовался я.

— Эгиль? Подожди за домом. — пропыхтел он, ничуть не смутившись.

Местные нравы просты, будь я постарше, уверен он еще и мне бы предложил. И это абсолютно нормально. Такие тут обычаи. Даже женатые мужчины нередко заводят себе вторых жен или наложниц, иногда и тех и других, иметь связь с тир-рабынями вообще не измена, а один из способов скоротать время. При этом права женщин здесь нисколько не ущемляют, хоть я и не слышал историй про то, как девушка заводила себе пару мужей подряд. Но женщины могли подавать на развод, участвовать в битвах, управлять землей, даже иметь право голоса. Стоит только поражаться такой прогрессивности для Средневековья.

Эти полчаса в ожидании я правил камнем клинок. Крайне важно следить за состоянием своего вооружения. Еще ни разу мне не довелось использовать этот маленькой “меч” по прямому назначению. Но пусть лучше он остается острым всегда, чем в час нужды тупым. А как мы успели убедиться, этот час случается здесь ой как часто.

Наконец Хакон вышел, бодрой походкой направляясь ко мне.

— Ох, старею... Раньше девки в очередь ко мне выстраивались от рассвета до заката, а ныне не больше двух принять могу... — пожаловался старик.

— Ага — ага, а звал ты чего?

— Смотрю, вымахал ты, всех детей своих годов больше. Ну, сущий Вали!

— Да кто такой этот Вали? Отец так меня называл, теперь ты!

— Ты ведь слышал историю про Бальдра, того бога, которого все любили и взяли клятву со всех на свете, чтобы никто не мог причинить ему вреда? Так вот, хитрый Локи как-то прознал, что только с маленькой омелью забыли спросить обещание. Ну и подстроил он, чтобы убила трава Бальдра. Все боги горько скорбели по нему, да так, что когда у Одина родился следующий сын, этот ребенок вырос за одну ночь и отомстил за смерть своего брата. А звали его Вали! — поведал мне Хакон.

— Интересная история! — может кто-то так же, как и я попал в прошлое, и так родилась эта легенда?

— И это правда, наши предки были свидетелями этого, гордись, внук, ты производишь из рода Богов! — и на этом моменте он стал перечислять предков, уходя так глубоко в века, что имена людей стали соседствовать с именами Асов и Ванов[1].

— Что же я хотел сказать?... — продолжил он. — Вспомнил! Вымахал, говорю, лук тебе новый купил. Перед отбытием конунга Харальда торговцы отовсюду прибыли, товары со всех уголков привезли. — Легенда утопал в дом и вернулся с небольшим саадаком, в котором покоился лук.

— Вышел он мне втридорога, так что представим, что это тебе на какой-нибудь праздник, хех. Из старого лука ты вырос, а этого лет до двенадцати хватит. Хоть немного натянуть его сможешь? — он вынул лук из чехла и протянул его мне.

Это действительно был очень дорогой подарок. Совсем небольшой, в сравнении с большинством даже детских луков викингов, этот имел изрядные отличия. Многослойная деревянная основа была усилена роговыми и костяными накладками, а внешней стороны еще и укреплена сухожилиями, скрытыми берестой. Тетива была спущена, и без нее лук принимал форму буквы С. Я накинул тетиву, и через ногу попробовал натянуть ее на лук, но моих сил для этого не хватило. Увидев это, дед ухмыльнулся и без особого труда сделал все за меня.

— Ничего, Эгиль, но если не можешь и тетиву накинута, то и про пользование луком

пока говорить неча. Подрости еще, внук, а потом забирай его. — он похлопал меня по плечу и побрел домой, забрав только что врученный подарок.

Жалко расставаться с таким прекрасным оружием, только взяв в руки нечто подобное, хочется остаться с ним навсегда, рукоять будто прирастает к коже... но как сказал дед, пока мне действительно рано пользоваться им. Несмотря на скорый рост моего тела, сейчас оно еще слишком слабо для такого лука. Что ж, обилие пищи и тренировок это исправят, я надеюсь.

Улыбнувшись своим мыслям, я подставил лицо солнцу. Яркие лучи приятно согревали кожу, свежий запах весеннего разнотравья легко касался носа, а далекий девичий смех будто щекотал уши. Осенью должен прибыть Синдри, и вместе мы отправимся в мое первое плавание. Отец и сын, то, о чем я мечтал в прошлой жизни, наконец-то сбудется!

Я верил в это, но осень принесла с собой только несбывшиеся надежды и вести скорби...

[1] В германо-скандинавской мифологии Асами и Ванам называются основные группы богов. Иногда границы между ними весьма размыты, но можно сказать, что Ваны, живущие в Ванахейме преимущественно отвечают за плодородие, а Асы из Асгарда за всё остальное.

- Твой муж погиб, Асвейг. — глухо упали слова Хаука Ястреба.
- Он умер с оружием в руках? — заледеневшим голосом спросила Асвейг.
- Как истинный воин, достойный дружины Одина.
- Как это произошло? — на выдохе спросила она.

Огромная флотилия кораблей Харальда находилась на северных норвежских землях в Трондхейм-фьорде. Они уже объединили под своим началом многие воинственные народы и их территории. И в этот момент пришла весть о том, что люди южной части Скандии собрались в больших силах и готовились выступить. Спустив корабли на воду, Харальд дал бой конунгам непокорных земель под Хафрс-фьордом.

Вода пенилась о кили кораблей, борта скрипели от поднятых волн и мачты трещали под шквальным ветром.

Величественный драккар Харальда возвышался над всеми.

Это было кровавое и долгое сражение, лишившее многих жизней обе стороны. Но люди Харальда смогли переломить ход битвы в свою пользу. В тот момент, когда результат сражения был уже предрешен, конунг Кьетви Богатый из Агдира послал своего сына Торира в самоубийственную атаку на драккар Харальда. Торир Длиннолицый хотел протаранить корабль Косматого, но на его пути встал драккар Синдри. От сильного удара бортовые доски проломились, и корабль ярла начал крениться. Хирдманы отца запустили залп копий, и как один перепрыгнули на судно Длиннолицего, встретившись с командой противника, но затем началась кровавая баня.

Торир, сын Кьетви был берсерком. Его красные буркалы бешено вращались под смотровыми щелями шлема, густая слюна стекала с оскаленного рта по спутанной бороде. Мгновенно сорвавшись с места, он обрушился в строй Синдри и начал убивать одного за другим, не разбирая друзей и врагов. Даже опытные войны не могли оказать сопротивление этому чудовищу, но усилиями большинства его удалось потеснить.

Сражение продолжалось, оставив в живых только троих: Синдри, его хольда Орма и бешеного берсерка.

Торир сорвал с себя остатки панциря, что висел на одном уцелевшем ремешке, и оголили тулово. Изрезанное тело не кровоточило... страшные руки, потерявшие несколько пальцев, все так же твердо держали меч и копье. Взревев, он метнул его в Синдри и обратным движением вспорол воздух мечом. Серебряный росчерк стали развалил надвое щит Орма, и свободная рука берсерка вонзила обрубки пальцев в его глаза. Истошно засмеявшись, он вцепился зубами в шею викинга, вырвав из нее кусок, и встретился с копьем, которое прежде кинул в Синдри.

В тот миг отец успел перехватить его, но сила броска была так сильна, что его опрокинуло на палубу. Наконец копье пробило шкуру Торира, но берсерк будто этого не заметил. Наконечник вошел в поясницу Длиннолицего и показался с обратной стороны. К стекающей слюне прибавилась кровь. Синдри попытался повернуть копье в торсе Торира, но тот рывком протолкнул древко на себя, заставляя его еще дальше выйти из живота.

Теперь берсерк смог дотянуться до шеи ярла и начал душиить, на его гнилых зубах лопались кровавые пузыри, а глаза начала покрывать белесая пелена. Тогда Синдри, собрав все оставшиеся силы, оттолкнулся ногами, повалив Торира за борт, но хватка берсерка даже на последних секундах жизни не ослабела, утянув отца в бездонную пропасть фьорда.

И никто не смог помочь ему в этот момент. Тяжелая бронь тащила мертвым грузом на дно, и нельзя было вырваться из окостеневшей руки Торира. Погружаясь все ниже, Синдри старался выскользнуть из объятий смерти.

Солнечный свет блек, непомерное давление морской толщи ослабило тело ярла, но не его нестигаемую волю. Вспоров ножом связки берсерка, он ринулся вверх... сознание покидало отца, но искры его глаз устремлялись все также далеко сквозь небо.

Даже у самых сильных людей есть свой предел. Отца найти так и не смогли...

Когда я услышал эту историю, мне стало так больно, как никогда прежде.

Мой путь в этом мире начался совсем недавно. Новая жизнь подарила мне семью... Но теперь судьба отнимает все самое дорогое...

— Твой отец погиб героем, защитил своего конунга, убил берсерка! Так почему же ты так печален? Пепел траурного кострища давно уж осел. Синдри пирует с Одином! Я счастлив за него! А ты? — спросил Хаук. После смерти отца он стал приходить почти каждый день. Может он так вину заглаживает, что не смог помочь Синдри? Не знаю...

— Я был бы счастлив, если бы Один подождал, и отец остался с нами. — уже неделя прошла с известия о его смерти. Когда отец уходил, я даже не мог представить, что такое может случиться с ним.

— Станный ты парень. Рассуждаешь как взрослый, а говоришь такое... Синдри уж давно тесно в мире людей стало. Как бы богов в Вальгалле теснить не начал! Уж очень его Всеотец к себе забрать хотел, не каждому ведь дано — берсерка убить. А значит удача Синдри-ярла с божественной сравнялась. Берсерк-то, он же голос Одина, его длань, уши его и глаза. — продолжил он.

— Для этих богов, если они есть, мы не больше, чем фигурки в игре хнефатафл. Они передвигают нас, как хотят, жертвуют нами там, где им выгодно, и бросают на произвол судьбы, если игра им наскучила...

— Ох и мрачны думы твоей маленькой головы, Эгиль! Говорить ты горазд, но лучше бы отвлекся от горестей и помог матери. Не только ты потерял Синдри, но и Асвейн. И она сейчас справляется со всем одна, пока ты с поникшей головой сидишь. — я действительно совсем забыл о матери. За это время она не проронила ни капли слез, и лицо ее превратилось в оледеневшую маску.

— И если скорбь пожирает твое нутро как Фенрир солнце, то отомсти за смерть отца. Къетви Богатый конунг Агдира сбежал, это из-за его сына погиб Синдри. Харальд дал возможность отомстить тебе! Поэтому вырасти сильным и убей этого пса! — опустившись на корточки, сказал мне Хаук.

— Убить его... — слова сами собой слетели с языка.

Тем же временем в доме Хакона Легенды.

— ... твоего мужа убил берсерк, ты хочешь, чтобы та же участь постигла сына?! — хрипло взревел Хакон.

— Лейдолльв его родной дядя, сейчас он глава семьи. Он должен взять опеку над Эгилем. — холодно сказала Асвейг.

— Но он Зверь! С ним даже Синдри не хотел иметь дел!

— Это решено. — последовал твердый ответ

— ...ах... — грудь старика резко вздымалась и опускалась. — Лейдолльв живет в глуши на острове данов. Как Эгиль доберется до Селунда? — попытался успокоить дыхание Легенда.

— Этим займется Улеб, он знает куда идти.

— А знает ли Эгиль об этом? — надломлено спросил Хакон.

— ... — глаза матери опустились, — Нет, но таково было желание Синдри. — ответила мать.

— Завтра мы отправляемся, Эгиль. Ты готов? — Улеб тяжело опустился на лавку рядом со мной, доски которой жалобно скрипнули под его весом.

Решение матери стало для меня сюрпризом.

Я думал, что теперь место главы в семье займет дед, но не предполагал, что им окажется брат отца, о котором я слышал всего лишь пару раз за все время. И сейчас мне предстоял переезд на землю данов. Синдри не часто говорил об этом, но я знаю, что родился он на острове Селунд[1]. Там же и находится его семейный одаль, и Улеб проведет меня туда, потому что бывал там ранее. Из всех людей отца выжила лишь горстка: хирдманы, что плыли на другом корабле, и защитники Осло во главе с Улебом. Варягов больше ничего не удерживало на этой земле, и они решили отправиться на Верном Змее в Ладогу, и заодно сопроводить меня до брата Синдри.

— Мы не были связаны родством с Синдри-ярлом, но я считал его за старшего брата. Я помогу тебе отомстить за его смерть, парень! — на глазах варяга злость смешалась со слезами. Этот здоровяк, не смотря на образ огромного варвара, был очень чутким человеком. И он снова напомнил мне о мести.

— Спасибо, Улеб, все мои вещи уже собраны, думаю, я готов. — поднявшись с лавки я направился к берегу.

Вечерело.

Заходящее светило оставляло малиновый путь на морской глади. Пришвартованный корабль мерно покачивался в такт слабых волн. Свежий бриз приносил ароматы прелой листвы и соленой воды.

Я совершенно не представляю, что ждет меня впереди. Что за человек мой дядя Лейдольв, когда я встречу с родными в следующий раз, и как они будут жить без Синдри? Первые звезды засверкали на небосводе, но и они не могли дать мне ответа.

Что ж, если я не имею возможности повлиять на происходящее, тогда просто доверюсь случаю.

На таком расстоянии я уже не мог видеть лиц матери и деда, но они все так же стояли на берегу, провожая нас взглядами. Слезы сами собой текли из глаз, прорвав плотину сдерживаемых эмоций. Слова Асвейг до сих пор звучали в голове:

— Эгиль, решением твоего отца было отправить тебя к Лейдольву, если норны решат прекратить нить его судьбы, и я принимаю решение Синдри. Стань сильным, слушай наставления дяди — он великий воин. Но остерегайся его гнева, более жестокого человека, чем он я не знаю. Не потеряй своей чести и жизни. Пусть боги хранят тебя, сын! — она крепко обняла меня, прижав к себе.

— Да, внук. Хоть ты еще пока слаб для этого лука, все равно забирай его. С воспитанием Лейдольва ты и коромысло натянешь, хе! — не слишком весело сказал Хакон.

— А где Сигрун? — спросил я, так и не найдя взглядом вельву.

— Просит богов о тебе, конечно! — проскрипел дед.

— Нам пора отбывать, ветер поднимается — пойдем на парусе. — положив руку на мое плечо, сказал Улеб.

— Храни вас Ньерд, покровитель моряков! — напоследок сказала Асвейн и я поднялся на борт.

Тугой купол полосатого паруса все дальше относил нас от берега. Носовая фигурка дракона скалилась предстоящему пути.

— Не грусти, княжич! Вечером следующего дня уже прибудем к Селунду! — сказал Акун, брат Улеба. Он, как и другие варяги работал веслом. Из-за хорошего ветра потребности в этом не было, но крепкие мышцы застоялись без дела и хирдманы дружно гребли, вспенивая воду веслами.

— Да не княжич я уже. — неловко ответил я.

— Было бы желание, а в остальном боги помогут! — и первым начал петь. В следующий момент песню подхватили три десятка глотов, и над северным морем зазвучал низкий хор варяжской дружины.

Слаженная работа двадцати четырех гребцов, и наполненного ветром паруса, гнала снечку вперед на невысказанной скорости. Суровые лица команды озаряла улыбка.

— Верный змей очень быстрый корабль. — сказал я стоящему за кормилом Улебу.

— Быстрейший на моей памяти!

— Сложно им управлять?

— Его нужно чувствовать, это приходит с опытом. Хороший кормчий и в звено кольчуги на драккаре пройдет! Тебе нужно немного подрасти, чтобы достать до кормила, а пока наблюдай за мной и за тем, как держать парус.

[1] Сёлундом прежде назывался остров Зеландия.

Обрывистые утесы Селунда показались даже раньше, чем предсказывал Акун.

Проплыв по правому краю берега, мы оказались у какого-то населенного пункта, чем сильно напугали местных. Не помогло даже то, что варяги сняли носовую фигурку дракона и перевернули щиты белой стороной наружу. Поэтому, как только Верный змей причалил к берегу Кальмагардена, нас встретил организованный строй данов.

— Моё имя Улеб Шатун! Я хевдинг варягов из Изборца!

— Нарви Великий Делами! Ставленник конунга Рерика на этой земле! — вперед вышел высокий и тощий дан, который с ходу заявил, что его крышует сильный покровитель. — И какое же дело вождя с озера Пейпси[1] привело на вотчину конунга данов? — а этот Нарви не прост и хорошо осведомлен о геополитике варяжских земель.

— Я пришел сопроводить сына Синдри Стейнсона, хевдинга Харальда, конунга всех норегов, на встречу с дядей — Лейдольвом Зверем! — после его слов на берег опустилась тишина.

— Оставьте оружие, и по закону гостеприимства я приглашаю вас в свой дом! — щиты викингов опустились.

— Мы недолго будем пользоваться твоей щедростью, Нарви. — Улеб спрыгнул с борта и аккуратно спустил меня, затем и остальная дружина сошла на берег, оставив несколько человек на охране судна.

— И давно ты стал хевдингом? — прошептал я ему.

— Как только забрал у Эйрика его снекку. — лукаво улыбнулся варяг.

Когда мы дошли до Нарви, он пристально осмотрел меня. Готов поспорить, что на мгновение в его глазах мелькнуло сострадание. Очень нехороший знак, и вся эта атмосфера вокруг тоже не вызывает доверия.

Широким жестом пригласив нас к себе, Великий Делами предложил смочить горло и насытить желудок. В его большом доме смогли легко разместиться три десятка наших людей. Нарви показал себя как хороший хозяин, и вел неторопливую беседу с Улебом. Он интересовался последними новостями похода Харальда, о торговых путях варягов, и в один момент спросил, зачем мне понадобилось к дяде.

— Один принял моего отца в свою дружину. Как старший в семье, Лейдольв должен взять меня надо мной опеку, поэтому я здесь. — впалое лицо Нарви слегка исказилось при упоминании дяди.

— Вот как, я понял тебя, Эгиль Синдрисон. Лейдольв с сыновьями живет не так далеко отсюда, у большого озера. Я дам вам человека в проводники. — оказывается у меня еще и братья.

— Это необязательно, я знаю путь до его дома. — сказал Улеб.

— Мне все равно нужно кое-что передать Лейдольву, поэтому мой человек может составить вам компанию. — неловко проговорил дан.

— Добро! Вместе веселее и дорога короче! — бодро заявил варяг и опрокинул в себя хмельной рог.

И снова все пошло по сюжету типичной попойки. Кубки не успевали опускаться от тостов, каждый хирдман считал своим долгом выразить уважение моей семье и столь

гостеприимному хозяину. Со слезами суровые викинги вспоминали подвиги отца, и на перебой пели вису о его встрече с Асвейг. Нарви тоже поделился своими историями про Синдри, оказывается они были знакомы и дан безмерно уважал его. Вскоре весь алкоголь в великодельном доме был выпит, но находчивые варяги вспомнили о паре медовых бочонках на снежке и пирушка продолжилась.

В конечном итоге все остались спать в длинном доме; кто на лавке, кто на полу, а кто-то заснул прямо в тарелке. Нам с Улебом выделили отдельную комнату, где мы и проспали до утра, а утром нас ждала дорога до Лейдольва. И второго переломного момента в этой жизни...

[1] Пейпси, от эстонского Peipsi, в более привычном нам варианте носит название Чудско-Псковское озеро.

— Меня зовут Китли, сын Фьедра! — бодро поприветствовал нас взлохмаченный парень лет двенадцати. — Я провожу вас до дома Лейдольва. К полудню будем на месте.

Немного поговорив с ним и познакомившись, мы двинулись по тракту. Шли втроем, Улеб оставил дружину со снечкой — решил собственноручно доставить меня до брата Синдри.

Тележная колея еще долго шла вперед, но Китли свернул на едва заметную тропинку, уходящую в лес. Его тяжелая сума сильно оттягивала лямкой, и он то и дело поправлял ее.

— Китли, а какое дело у тебя к моему дяде? — не похоже, чтобы он рвался вперед.

— В этот раз жребий выпал мне... Нарви договорился с Лейдольвом, что будет доставлять ему снечку, одежду и много пойла, только чтобы он больше не приходил к нам в Кальмагарден, не убивал, и не калечил наших людей. — смиренно ответил парень. И меня сослали к этому психу... Отец, чтобы не скучать в Вальгалле, ты решил и меня отправить к себе?!

— Разве хирд Нарви не пытался остановить его бесчинство? — спросил варяг.

— Да какой там. В тот день Зверь напился и упал в канаву, его окружили и хотели насадить на копье, но он подскочил и загрыз зубами сначала Флоки, отобрал его копье и убил остальных. Тогда Нарви потерял дюжину своих лучших воев...

— А что стало дальше? — спросил я.

— А дальше он испражнился на их трупы, пришел в дом Нарви, выхлестал жбан браги, поблевал в его сенях и уснул на лавке. — рассказал Китли подтягивая торбу.

— Вы не просили помощи конунга Рерика? — хмуро проговорил Улеб.

— Конечно просили, но Рерик Фрисландский был должником Лейдольва и не мог помочь в этом. Сами мы и отравить его пытались, да будто не заметил он этого, и мечами его кололи, но не берет берсерка железо, надо было камнями его закидать, спал куда... — мягко говоря, дядю здесь не очень любили. А тем временем, мне все меньше хотелось встречи с родственниками.

Скоро мы вышли на берег большого озера. Глаз лишь слегка цеплял противоположный берег, вдаль оно продолжалось километра на три. Китли назвал его Тиссе и сказал, что вокруг находится много священных и жертвенных мест. Вода бурлила от количества рыбы, но местные жители не ловили ее, потому что не хотели ссор с богами.

Через четверть часа путь вдоль берега нам открылся небольшой луг и на его возвышении в сени высоких дубов и орешника стоял дом. Я бы даже сказал землянка. Но строилась она монументально: толстенный брус, законопаченный дерном, покатая крыша, над которой слабо курился небольшой дымок и очень приземистая дверь. На берегу рыбачили два парня на пару лет старше меня. Они уже давно увидели нас, но сразу потеряли интерес и продолжили руками ловить рыбу в садок, стоя в воде с закатанными штанами.

— Эй, Гери! Иди позови отца, видишь, к нам с дарами!.. — задорно сказал один другому, не поворачиваясь к нам.

— Еще чего?! Я старший — ты, Фреки, и иди! — насутился другой.

Тогда парень по имени Фреки развернулся к нам, и я увидел его лицо.

Большие голубые глаза обрамляли высокие скулы. Волосы угольного цвета перетекали в

густые брови, причем левая их половина была белой, как и ресницы левого глаза. Затем он отряхнулся и ловко побежал к дому, быстро преодолев расстояние.

Поймав ещё одну рыбину, старший вытащил садок и направился к нам. Они были близнецами. Но перепутать их можно было только со спины. Уродливый шрам наискось перечеркивал лицо Гери, отчего на его губах навечно застыла полуусмешка.

— Китли, оставь торбу и убирайся! — хрипло сказал он. — А вы кто такие и зачем пришли?! — прозвучал дерзкий вопрос.

— Неплохо бы представиться сначала, малыш... — начал было Улеб.

— Малышом червя своего называй в заглавнике! — бесстрашно он выплюнул это варягу.

— Улеб, сын Воиста. Удивлен видеть твою гнусную морду здесь. — прозвучал низкий голос из глубины дома. Дверь в него была открыта, но внутренняя часть скрывалась тенью. Внезапно тьма сконцентрировалась в фигуре и показалась перед дверью. Это был высокий и крепко сложенный человек. Колючая щетина достигала диких глаз, поблескивающих в глубине буйных бровей. Грива, век нечесаных волос, чалым хвостом была повязана за могучей спиной. Все лицо его было покрыто паутиной белых рубцов, а с шеи начиналась хитрая вязь татуировок, скользящая до медвежьих лап, набитых на кистях рук.

— Погляжу, ты избежал смерти от подлой воды в канаве, сын Стейна! — Улеб с улыбкой хлопнул ладонью по спине этого человека. — Скорбь и дело привели меня, Лейдольв.

— А что за волчонок рядом с тобой, ты никак оценился? — он указал на меня. Лейдольв лишь мельком походил на Синдри, образ отца смутно угадывался в его внешности. За время разговора я смотрел на него и пришёл к выводу, что ему не больше тридцати, если побрить лицо и уложить волосы, то он выглядел бы достаточно молодо, но постоянный прищур и росчерки шрамов, старили его как морщины.

— Это Эгиль, сын твоего погибшего брата. — сказав это, варяг сразу объяснил причину своего появления.

— Его убийц уже отправили в Хельхейм[1]?

— Конунг Харальд оставил это на Эгиля.

— Трусливый пес! Говорил я Синдри не вставать под его знамя! — зарычал Лейдольв.

— Асвейг по слову твоего брата, передала заботу об Эгиле тебе. Будь его пестуном и научи всему, что знаешь. — устало сказал Улеб.

— Ох и разрастается моя стая! — он наклонился ко мне и резко щелкнул зубами. — Меня зовут Лейдольв Зверь, и я твой родной дядя. Впрочем, ты это уже знаешь, о моих подвигах Синдри тебе многое должен был рассказать.

— Ага. — кивнул я. Не буду упоминать, что о всех подвигах дяди мне стало известно только этим утром.

— Я принимаю тебя на воспитание! Гери, Фреки! Познакомьтесь с младшим братом! — подозвал близнецов дядя.

— Добро! Долг пред Синдри я закрыл, пора и мне к родичам. И Лейдольв, держи своего зверя в клетки.

— Я позабочусь об Эгиле, буду относиться к нему, как к родному. — усмехнулся Лейдольв.

[1] Мир мёртвых, но в отличие от Вальгаллы, является местом для недостойных людей и упоминается в негативном ключе. Управляет этим миром дочь Локи — великанша Хель.

Кстати о родных.

Огромный шрам Гери получил как раз от своего отца. Но при каких обстоятельствах он не рассказывал.

После прощания с Улебом, я познакомился с парнями. Как только оказалось, что я их двоюродный брат, отношение ко мне диаметрально изменилось. Они тут же по очереди засыпали меня кучей вопросов о “внешнем” мире. Из-за отшельнической жизни Лейдольва, до них практически не добирались новости. Поэтому близнецы слушали меня открыв рты, и изредка уточняли детали.

Дом Лейдольва был больше, чем снаружи могло показаться. Но из освещения там был только очаг да пара ламп и свечей. Но чего в нем действительно было много, так это оружия. В условиях, где хороший меч стоил целое состояние, дядя мог считаться олигархом: они висели на стенах, лежали в ящиках, а одним старым клинком он пользовался как кочергой. О топорах и говорить не стоит, из копий можно было бы сделать небольшой забор. Когда я спросил, зачем ему столько оружия, последовал простой ответ: «Я как убью кого, меч или копьё всегда забираю себе.»

Что касается Лейдольва, находиться рядом с ним всегда было неприятно. Не то чтобы страшно... Это как в зоопарке, вроде зверь за стеклом, но поворачиваться спиной к нему не хочется. К тому же я никак не мог понять, что он сделает в следующий момент. Все его действия были максимально непредсказуемыми, и поддавались лишь одному ему понятной логике. Если он не хотел быть увиденным, то я готов поклясться, что не смог бы обнаружить его даже перед своим лицом. Он будто растворялся в окружении, бесшумно передвигаясь и скрываясь в тенях. Я абсолютно не понимаю этой магии, но объяснить подобное не в состоянии.

Нельзя сказать, что у семьи Лейдольва был четкий распорядок дня. Утром близнецы ловили рыбу или били дичь, затем готовили и тренировались. Вечером они играли в хнефатафл, придумывали висы и вспоминали саги.

Отдельно про их тренировки. В отличие от остальных детей и подростков, эти упражнялись на настоящем железе. С их коротких мечей даже не была снята заточка, но на удивление раны они получали редко, а если это случалось, то они затягивались как на собаке. Когда же Лейдольв говорил им драться без оружия, близнецы лупили друг друга так, что потом дядя разносил бесчувственных детей по кроватям.

Лейдольв большую часть времени спал, в остальную наставлял Гери и Фреки, его воспитание заключалось в методе кнута и пряника, только без пряника... А когда приходил посыльный бедолага из Кальмагардена, то Лейдольв начинал пить, и заканчивал, когда от браги не останется и капли.

Но периодически Лейдольв срывался из дома, прихватив с собой меч или копьё. И мог прийти через неделю, покрытый чужой кровью с большим свертком оружия за спиной. Для близнецов это было обыденностью, другой жизни они и не знали. Их мать Ирса умерла при родах, и весь круг контактов ограничивался отцом, мной и теми, кому выпал жребий.

Я очень быстро влился в их коллектив. Лейдольв не делал разницы между мной и своими сыновьями. Поэтому мне пришлось проходить такие же жестокие тренировки. Из-за

того, что я был лишь немногим ниже близнецов, то часто работал как в паре, так и в тройке. Иногда дядя решал “проверить” нас, и мы втроем пытались нанести ему хоть какой-то урон. Стоит ли говорить, что кроме нашего избиения ничего не происходило. Единственное, где я себя уверенно чувствовал, так это бой без оружия. Навыки самбо из прошлой жизни здоровогодились и в этой. Пусть звание КМСа осталось у Константина Алексеевича Смирнова но мальчику Эгилю хватило и его памяти, чтобы работать с двумя близнецами одновременно. Но лишь до определенного момента... иногда они впадали в такое буйство, что разнимать их получалось только у Лейдольва. В его присутствии даже в диком бешенстве они втягивали головы в плечи от одного рыка отца. Однажды в порыве такой ярости Гери вцепился зубами в окаемку моего щита во время боя. Налитые кровью глаза мальчика блуждали по моему лицу, в то время как его зубы отбивали чечетку на щите. В этот момент в бой резко вклинился Фреки и внимание старшего брата переключилось на него. С пеной у рта они продолжили схватку друг с другом. И я не успевал углядеть удары, что они сыпали во время боя, только серебристое мерцание клинков да треск щитов рисовали общую картину происходящего. Такие яростные сражения обычно не были долгими, но после них братья получали массу урона и падали без чувств. Иногда их пробуждение наступало через два дня, в тот раз так и произошло.

— Ну ты брат даешь?! Священную ярость обращать на Эгиля? Он же не берсерк и даже не ульфхендар как мы!

— Это правда... но он так бился! Ты же видел? Валькирии всегда кружат рядом с ним! — ответил Гери.

— О чем вы говорите? Какие берсерки, какие ульфхендары? Что там рядом со мной кружит? — я уже давно свыкся с некой “магией”, происходящей вокруг. Если бы я услышал рассказы о подобном, в жизни бы не поверил! Но одно дело слышать, а другое видеть самому. Поэтому мне просто стало интересно, что же могут поведать братья и их отец.

— Хмммм... с чего бы начать? — задумался Фреки.

— С меда поэзии. — раздался раскатистый голос Лейдольва, пробирающий до костей.

Братья часто слышали эту историю, но каждый раз они умолкали и жадно внимали повествованию Лейдольва. Тогда он на распев начал говорить про похождения Одина, как тот выкрал из великаньих лап священный напиток, что дарует мудрость и поэтическое вдохновение. В ходе спецоперации одноглазым богом была утеряна некоторая часть живительного нектара, которая пролилась с неба и досталась некоторым людям, что впоследствии стали скальдами. А те, кто уже был сведущ в поэзии и владел стихосложением, получили еще священной амброзии. Помимо бесперебойного рифмования, данный напиток помогал войти в некий экстаз, что позволял видеть мир так, как его видят боги. Эти люди стали называться *берсерками* и *ульфхендарами*.

И как все уже успели догадаться, Лейдольв и его детишки являлись ими. Дядя был берсерком, впервые это проявилось в шестнадцать лет, об этом мне рассказывал отец. Но в то время Лейдольв не знал, что с этим делать, его внутренний зверь все время требовал крови, и дядя не мог не подчиниться желанию. Он часто терял рассудок и только Синдри мог его вразумить. Потом он узнал, что в глубине острова живет старик, который может обучить его контролю над священной яростью. Этого старца звали Стенульф и он был мастером многих берсерков. Его почти вековая память хранила знания десятков поколений и могла помочь Лейдольву.

Дорога до Стенульфа была трудна, но преодолев ее, дядю ждало покинутое жилище. Оказалось, что старец уже давно поселился на Сконе, что на другом берегу пролива Эресунн. Наконец дойдя до цели, он предстал перед огромным седовласым мужчиной. Его стать и нрав были достойны конунга, и великан никак не соответствовал своему ветхому возрасту. Стенульф сразу узрел зверя внутри Лейдольва и согласился помочь.

Мастер обучил его всему, что умел и знал, но совладать с чудовищем внутри дяди он так и не сумел. И тогда он сказал:

Советы мои,
Лейдольв, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
тебе быть изгоем,
отдельно стоящим.

Коль кровь забурлит,
пусть прольется у врага —
все близкие живы.

Не видел я прежде
зверя страшнее,
дети рождаются,
мне принеси их —
с щенятами легче
добиться доверья.

С тех пор Лейдольв принял свою суть и больше никогда не сопротивлялся жажде крови.

Но с Гери и Фреки произошло нечто другое. Если ярость проснулась в дяде только в поздней юности, то близнецы с рождения были такими. Беременность Ирсы проходила крайне тяжело, и она не смогла выходить их до срока. Даже будучи младенцами, они впадали в буйство, и по совету Стенульфа, Лейдольв отнес детей к нему. До шести лет мастер обучал их, после чего отправил домой, сказав напоследок, чтобы те возвращались к четырнадцати годам. К вступлению в возраст брака, Стенульф собирался нанести на их тела вязь татуировок, как для оберега, так и в качестве опознавательного знака. Подобные татуировки, и что они означают, знали здесь все.

Сами же братья говорили про себя так: «Если отец медведь Одина, то мы его волки!» Глядя на них, сомневаться в этом не приходилось. Так они разграничивали понятия берсерк и ульфхендар.

Что же касается их видений валькирий, тут все просто. По словам зверской семейки, вступая в ярость, они видят мир божественными глазами. Это дает им нечеловеческую силу, скорость и ловкость, невосприимчивость к ранам и многое другое, расплатой же за столь мошеннические способности является полный упадок сил. Они теряют сознание и лежат так до полного восстановления, что и произошло недавно. В эти моменты они особенно слабы, хотя как по мне, это не является таким большим минусом.

Однако Лейдольв и здесь обманул систему, потому что он все время находится в ярости. Может поэтому он так долго спит?

Подводя итог можно сказать, что “любимцы Одина” не были редкостью, их уважали, но сторонились, и каждый уважающий себя конунг имел их в своем подчинении. Общение с ними было подобно игре в рулетку. С берсерками нельзя понять, кому достанется пуля: врагу или товарищу.

И с этими людьми я проводил все свое время.

Так прошло шесть лет...

Олень поднял голову, озираясь по сторонам. Он не мог меня обнаружить, но чувство близкой угрозы заставило его быть настороже. Выдохнув облако пара, он с шумом втягивал воздух, пытаясь уловить далекие запахи. Животные часто останавливались именно здесь: тихий ручеек, много ягод и сочной травы. В этот промозглый осенний день вся влага с озера висела в воздухе, каплями оседая на рубашке и волосах.

На выдохе я послал стрелу. Даже с закрытыми глазами я мог видеть ее траекторию, место попадания и вылет с обратной стороны туши зверя. Марал еще не знал, что умер. Рванув с места, его ноги сразу подкосились, и тяжелое тело медленно осело на землю, окрасив воду ручья в рубиновый цвет.

Близнецы мигом подскочили к туше оленя, подставив губы бьющему кровавому потоку. Не спеша подойдя к ним, я вспорол брюхо животному и достал пышущую жаром печень. Разделив ее на троих, мы насытились и стали свежевать тушу.

— Отличный выстрел, брат! — похвалил, утирая кровь с лица Фреки.

Близнецы возмужали. Смотря на них, можно сказать каким был Лейдолв в молодости. Рослые и крепкие, даже сейчас никто не усомнился бы в их зрелости. Это, что касается их физического развития, в душе же они стали еще более необузданными, чем прежде. Втроем мы частенько наведывались в Кальмагарден, и доставляли немало проблем местным жителям, точнее их женской части. Пубертат ульфхендаров равнялся обычному, но помноженному на десять. Игры становились рискованнее, тренировки ещё жестче, а когда они видели девушек, то вообще слетали с катушек. И не сказать, что братья были уродливыми, скорее наоборот. Высокие, статные, их мышцы бугрились от постоянных нагрузок, при этом на теле не имелось и грамма лишнего жира. А лица такие, что хоть сейчас на монетах чекань. Даже безобразный шрам Гери прибавлял ему шарма, сопровождая его яркий взгляд полуулыбкой. Но противоположный пол старался избегать их, и даже рабыни-тир, привыкшие к подобному шарахались, потому что “страсть” близнецов граничила с дикостью. Впрочем, они не унывали, ведь помимо девушек, есть еще и сражения, в которых у них точно не было конкурентов среди молодежи. Разве что я.

Если их темпы роста просто удивляли, то мои были поразительными. Ростом я всегда выделялся среди ровесников, но сейчас даже перегнал Гери и Фреки, и уже мог пользоваться многим из оружейного арсенала Лейдолва. Что самое удивительное, я вновь окунулся в мир бесшабашной юности, возможно виной тому избыток гормонов, но тело требовало действий, а мозг умудренного опытом мужчины только давал подсказки в реализации подростковых идей. Как мне сообщила одна из дочерей Нарви, я был весьма недурен собой. Кстати, сам Нарви был не против моих связей с его дочерьми, да и вообще здесь это не порицалось, если все происходит по обоюдному согласию. Но когда речь заходит о женитьбе, тогда дело приобретает серьезный разговор. Однако замуж я никого не звал и поэтому не беспокоился.

Вдоволь отдохнув в Кальмагардене, мы направились домой.

Тонкий слой льда, покрывающий лужи приятно хрустел под ногами. Но подкрадывающимся холодам было трудно остудить пыл наших голов. Чувство безмятежности незримо обволакивало нас, и тогда Фреки с запалом сказал:

— А давайте пойдём к кому-нибудь в дренги!

— Тоже об этом думал, но я не знаю достойных вождей — задумчиво ответил Гери, — И нам ведь надо к Стенульффу.

— А может он и посоветует нам кого? — предложил младший брат.

— Точно! А ты что думаешь, Эгиль? — спросил Гери.

— Я бы хотел проведать мать. — за эти годы мы так и не виделись, — Но опыта тоже надо набраться, только примет ли нас кто?

— Пфффф! Ясно дело примет! Любой! Мы — ульфхендары, всем нужны! — хлопнул себя по груди Фреки.

— Но я-то не ульфхендар. — спокойно возразил я.

— А по тебе и не скажешь! Ребра после твоего броска, у меня до сих пор болят! Да и какая разница, если ты здоровый как бычара, а станешь еще больше! — продолжил он.

— Согласен с Фреки. Я на тебе тоже вижу знак Одина, только прочесть его не могу. Надо тебя Стенульффу показать. — предложил старший из близнецов.

— Значит сначала к нему, только что вы скажете отцу? — за разговорами мы не заметили, как подошли к дому.

— Я старший и я разберусь с этим. — сказал Гери, посмотрев исподлобья на просмоленную дверь.

— Проваливайте!

Мы ожидали чего угодно, но только не этого. Лейдольв даже головы не повернул на слова старшего сына.

— Ты так просто нас отпускаешь? — недоверчиво уточнил Гери.

— А толку от вас? Выросли волчата, зубки прорезались, да? Крови захотелось? — оскалился он, — Если для вас сбежать будет слишком просто, то давайте усложним! — его чёрные глаза хищно блеснули в темноте, — Вы выступите втроем, если оставите на мне хоть одну рану, то можете идти и в Муспельхейм!

— И ярости отдаться можно? — спросил Фреки.

— А вы на что-то рассчитываете без нее? — пророкотал Лейдольв.

Когда мы вышли к озеру, на землю опустилась тьма. Только диск луны освещал полянку перед домом, и отражение его света искрилось от воды. Прекрасная ночь.

Если говорить без шуток, то мы с братьями образовали почти идеальную команду. За эти годы мы будто приросли друг к другу и уверенно работали тройкой. Причем Фреки был левшой, поэтому он занимал левую позицию, Гери становился справа, а я позади них. Со стороны такое построение было похоже на скорпиона; если я брал в руки копьё, то становился его жалом. Только сейчас, в этом не было смысла, потому что парни станут неуправляемыми боевыми единицами, брызгая слюной и инфернально рыча. Поэтому я вооружился луком, копьем и мечом. Мы не заматывали оружие тряпками, только стрелы я выбрал скругленные. Заняв позицию, где отблески луны освещали наши спины, близнецы и я ожидали Лейдольва. Вооружившись мечом и скрамасаксом, он вышел из дома, пренебрегая броней, как и любой одеждой выше пояса.

— Начали! — проревел он и его глаза затуманились розовой пеленой.

Не дожидаясь его первого шага, я послал стрелу. Но как только она сорвалась с тетивы, Лейдольв стремительно рванул в сторону, и она с шипением скрылась в лесу. За первой унеслась вторая и третья. Я выпускал по две стрелы за удар сердца, но они не могли найти брешь в движениях берсерка. Он будто обтекал их, и мой колчан уже опустел на треть. Огромным прыжком Зверь преодолел расстояние между нами и встретился с мечами близнецов. Круговерть стали замерцала на поляне, отражая лунные блики плоскостью мечей. Утробное рычание братьев сталкивалось с глубоким рокотом их отца. Все что мне оставалось, это наблюдать со стороны, потому как помочь близнецам я не мог. Если пошлю стрелу, то нарушу работу братьев, не говоря уже про вступление в ближний бой.

Гери и Фреки свирепыми волками кружились вокруг их медведя-отца. Еле уловимые глазом нырки и уколы сопровождали каждое их движение, но все это разбивалось об идеальную защиту Лейдольва. Глядя на него, невозможно было представить, что этот человек может проиграть. Отбивая и уклоняясь от быстрых уколов сыновей, он успевал контратаковать мощными ударами, испарывая пространство клинками. Стремительный меч обрушился на Фреки, разбивая его щит в щепки и отбрасывая его самого в воздух.

Увидев это, я понял, что настал мой шанс и послал стрелу в Лейдольва. Но он отбил ее мечом, однако открылся со стороны Гери, и тот со скоростью молнии рванул клинком в

незащищенное место.

Непостижимым образом берсерк извернулся и ударом кулака послал сына в глубокий нокаут.

Глаза Зверя остановились на мне, и плавным движением он направился в мою сторону. Я понял, что сейчас мне не поможет ничего. Сражение с таким чудовищем отравляет сердце страхом, но в данный момент, в голове не осталось ничего, кроме холодной расчетливости. Бросив лук, я выхватил копье, и вонзил его в направлении дяди. После взмаха Лейдольва, в руках остался лишь обрубок. Метнув древко вперед, я достал свое последнее оружие. Для него мой клинок был не более, чем зубочисткой, но все, что мне нужно было, это до последнего отвлечь внимание берсерка. Ведь позади него медленно заскользил Фреки, прижимаясь к земле.

Оскаленная пасть Лейдольва постукивала зубами. Приняв на плоскость кинжала мой клинок, он резко замахнулся другой рукой и... клыки Фреки, напрыгнувшего со спины, впились в его предплечье. Но взмах берсерка был так силен, что он вновь оторвал Фреки от земли и отправил того в полет. Огромный кулак Лейдольва закончил свой путь на моем лице, и меня вышибло из этой реальности.

Никогда в двух моих жизнях голова так не раскалывалась. Очнулся я от тошноты, и меня тут же вывернуло.

— Уууу, брат. С добрым утром! — прогремел голос Фреки в ушах, отчего боль многократно усилилась.

— На вот, хлебни! Да не плюй ты, все мимо пролил! — горькая жижа забурлила в горле. — Пей-пей, сейчас полегчает!

И действительно, через минут пять стало заметно легче. Средневековая медицина удивительна, сразу вспомнилась ворожба Сигрун... эх, как они там? События последних дней напрочь выбило из памяти, мысли разбегались, вырывая какие-то смутные образы.

— Ничего не вижу... — прохрипел я.

— Ну так правильно, тебе же батя нос сломал, я и сам твоих глаз не вижу. Ты будто морду в улей засунул! — хрипый смех как сверло пробурил череп. — Повезло, что когда вправляли, ты в отрубке был, ох и орал бы!

— Ах да, давай быстрее в силу приходи и отправимся! Я же отцу кровь таки пустил! — я не видел Фреки, но уверен, что он гордо выпятил грудь и стоял, уперев руки в бока.

Осталось только вспомнить, куда мы собирались направиться.

Через две недели все последствия сотрясения как рукой сняло. И отраженная от полированной поверхности шлема физиономия, на удивление имела прямой нос. Лишь небольшие зеленоватые круги сообщали о полученной травме.

Лейдолв разрешил брать все, что мы сможем найти в его обширном арсенале, чем мы не постеснялись воспользоваться. Таким образом, я подобрал шлем по своей голове, длинную кольчугу до колен, набор метательных ножей, добрый меч, за который на торгах бы дали по весу золота, копьё и выпуклый щит. Верный лук и подарок Синдри всегда были при мне. Клинок, что в детстве заменял мне меч, пришлось немного перебрать, потому что рукоять стала слишком мала, теперь я пользовался им как коротким клинком в паре с полноценным мечом.

Близнецы экипировались симметрично. Оба взяли шлемы и кольчуги, пару мечей и легких топоров, а также широких рубящих копий, что назывались здесь хогспьетами, и таких же выпуклых щитов. Вообще подобные щиты использовались нечасто, хоть и защищали они лучше. Обычно хирд образовывал стену плоских щитов, являющихся, по сути, расходным материалом. Для нас же качество было важнее количества.

Мы вышли из дома. Открыв двери, на нас дыхнул холод морозного дня. Белое пространство слегка слепило глаза, от чего Фреки тут же чихнул. Встав на лыжи и погрузив на санки еду и другую поклажу, мы были готовы, осталось лишь сделать шаг вперед.

— Так странно... — проговорил Гери. — Я так долго этого ждал, а сейчас...

— Точно! — переступил с ноги на ногу Фреки. — Сражения и богатство влекут, но и дом просит остаться!

На пороге показался Лейдолв, зевнул и почесал сивую бороду. Сплюнув, он сказал:

— Че вы встали? Напутствия ждете? Не будет его, катитесь! — он с хлопком закрыл дверь.

— А нет, уже не просит остаться. — поднял брови Фреки.

— Мда... ну пошли! — махнул рукой Гери.

Дорога была неблизкой. Мы сторонились оживленных трактов и больших городов. Узнай здесь кто-то, что мы родные Лейдольва, путешествие на этом и закончилось бы. От его недуга пострадала не одна сотня людей.

По прикидкам идти нам предстояло около недели, пробираясь по лесам, по полям и небольшим горкам. Дорогу в снегу прокладывал Гери, а замыкающим был Фреки. Приходилось здорово работать ногами, чтобы успевать за ними, потому что даже без своего супер-режима, близнецы имели огромную фору перед простыми людьми. Но я старался.

Ели мы сначала то, что взяли с собой. Но когда провизия начала показывать дно пришлось охотиться, благо живности здесь было хоть отбавляй. Пару раз мы натыкались на огромные валуны, торчащие из земли, и Фреки решил увековечить наши имена, выбивая руны на камнях с текстом следующего содержания: «Гери и Фреки, сыны Лейдольва и Эгиль, сын Синдри — братья, что из лучших людей на земле отправились к Стенульф и в воинский поход.» Это занимало много времени, но нам не за чем было торопиться. Тем более к Стенульф мы пойдем через пролив, а для этого лед должен быть достаточной толщины. Не хотелось бы закончить наше путешествие в компании раков.

Часто нам попадались цепочки волчьих следов, но кроме далекого воя, нам ничто не угрожало. Когда свое опасение о серых санитарях я сказал братьям, они только посмеялись над этим.

— Мы же свои! Любой волк хвост подожмет, будь он рядом. Нас они не трогают. — уверенно сказал Гери.

— Мать же умерла при родах, отец нас в охапку и к Стенульф повез, рабыню с молоком взял, убил ее правда потом... так вот, мы когда к пестуну пришли, нас его волчица вскормила. Можно сказать матерью стала, хах! — посмеялся Фреки.

— У него еще и волчица есть? А место, где Стенульф живет, не Луперкалом называется?

— Не, вообще у него пара волков, да ты и сам все увидишь, если они из леса покажутся. — сообщил Гери.

Вскоре мы преодолели большую часть пути, и когда показался пролив, его покрывал толстый слой льда.

Однако мы не были единственными людьми, переходящими через Эресунн. До Сконе в самом узком месте пролива расстояние было не более пяти километров, и снующие на голубом фоне льда фигурки людей хорошо просматривались издали. Здесь нам уже не было нужды скрываться, и мы смело ступили на лед.

— Эх, надо было скайтры взять... — вздохнул Фреки.

— Что это? — спросил я.

— Ты их разве не видел? Такие сапоги с костью на подошве. Шнурок через кость продеваешь и на ноге заматываешь, а потом и на лед можно. Мы раньше часто на нашем озере катались, до тебя еще. — ответил Гери.

Как я понял, скайтрами они называли коньки, точнее их средневековую версию. Надо будет попробовать прокатиться на них в будущем.

Но даже без коньков, на подбитой оленьей шерстью обуви, мы неплохо доскользили до противоположного берега.

Близнецы уже бывали на этих землях, а один раз увидев, уже никогда не забывали местности.

Меня всегда поражало, как местные безошибочно определяли направление и свое положение на карте. Для рожденного в век технологий и страдающего топографическим кретинизмом человека (меня), в первое время было тяжело привыкнуть к реалиям новой жизни, однако как оказалось без телефона и компаса, тоже вполне неплохо можно ориентироваться в пространстве. К счастью, я освоил эту науку, и уже мало отличался от тех же близнецов.

Формально земля Сконе принадлежала данам, но между берегами острова и континента, то и дело вспыхивали конфликты. Как сказали братья, после прихода Стенульфа стычек заметно поубавилось. В прошлом он был законоговорителем или лагманом, и часто принимал важнейшие решения на народных собраниях-тингах. Его авторитет был непререкаем и зачастую одно слово поддержки Стенульфа стоило больше, чем твердое обещание одной из сторон на судебном тинге.

До резиденции мастера-берсерков осталось совсем ничего, короткий студеной день сменился длинной морозной ночью. Мы посчитали, что будет крайне некрасиво с нашей стороны заявляться в такое позднее время к пожилому лагману, но как только развернулись к лесу, из него вышли два призрака и неспешно заскользили по сугробам к нам.

— Волки Стенульфа встречают нас, — уверенно заявил Гери. — А значит и дед давно ждет. Тогда пойдем к нему!

Белоснежные волки легкой трусцой скрылись за воротами. Как и говорил старший из близнецов, для них мы были своими. Интересно как я попал в список доверия?

За широким проходом открытых ворот показался большой дом, на крыльце которого будто на троне восседала огромная фигура в белой шубе. Седая грива густых волос покрывала величественный профиль немолодого лица. Близнецы упоминали, что его возраст подходит к веку, но в это верилось слабо. Могучая рука опиралась на хогспьет, как на посох, и увидев нас, старец поднялся.

— Негоже сыновьям Лейдольва заставлять ждать старика столь долгое время. — пробасил великан. — Что за полуночника вы привели с собой? — морщинистое, словно кора дуба лицо нахмурилось, глядя на меня.

— Это наш младший брат, Эгиль Стейнсон, сын родного брата нашего отца! — отрапортовал Гери.

— Сын Стейна? Пусть будет так. — многозначительно ответил он, — Нечего тут кости морозить, проходите в дом!

Широким жестом Стенульф пригласил нас в гости. Что ему во мне не понравилось — понятия не имею. Но если впустил к себе, значит и козней чинить не станет. Да и конфликтовать с дедом не хотелось бы; легкость, с которой он вышагивает по дому, говорит о том, что звериный сенсей и сейчас крайне опасен. Мне б его здоровье, хотя в этой жизни жаловаться вообще не на что.

Хоть мы и явились поздней ночью, Стенульф тут же велел прислуге накрыть на стол, и через пару минут мы с аппетитом уплетали всевозможные закуски под легкое шипение пенных напитков.

— Отец передал с нами подарок. — Гери вытянул из баула большой сверток. Он всю

дорогу мешал нам, и если бы не наказ Лейдольва доставить его до получателя и не вскрывать при этом, мы давно бы уже выкинули его.

Дед аккуратно принял дар и медленно развязал шнуровку. Откинув край кожного полотна, Стенульф увидел огромный боевой топор. Его резную рукоять длиной более метра украшали руны и кожаные ремешки, а широкое лезвие в полторы ладони покрывала вязь звериного орнамента с инкрустированным в сталь золотом. Полированное лезвие отражало испещренное морщинами лицо. Узловатые пальцы старика поковыряли острую кромку лезвия, звоном отзывающуюся на постукивание. В руках мастера берсерков покоился настоящий бродакс[1], коих я успел сотворить под сотню за свою долгую карьеру кузнеца. Я еще ни разу не видел подобного оружия здесь, но топор был прекрасен, и это было понятно не только мне, но и получателю.

— Хорошая сталь! — похвалили он.

— Это еще что! Отец, в твою и Одина честь, уже пополнил ряды эйнхериев парой хирдов отличных воинов! — воскликнул слегка осоловевший Фреки.

— Про отца вашего, мне и без вас известно! А вы, волчата, успели испытать вражьей крови? — посмотрел исподлобья великан.

— Не приходилось... — ответил, опустив голову Гери.

— Зачем тогда пришли ко мне? — прищурился дед.

— Ты же сам сказал, как войдем в силу, так и приходиться! — воскликнул Фреки

— А где же сила ваша, если ни одного воя не освободили вы от оков жизни?! — прогремел Стенульф. — Значит так! Недалеко от Лунда, что на юго-востоке стоит одаль Торальфа Жреца. Этот смерд каждый день очерняет души верных сынов Одина песнями о своем белом Христе. Нужно, чтобы этот сын собаки проделал путь своего божка и не осквернял боле нашей священной земли гнилыми речами! — оскалился желтыми зубами дед.

— А какой там путь его бог прошел? — не сразу понял младший из близнецов.

— На дерево его повесить, во славу Одина — объяснил старший.

— На крест... — поправил я, и поймал горящий взгляд деда.

— А сам ты, не христианин, Эгиль, сын Синдри? — хриплый бас Стенульфа пробрал меня до мурашек.

— Да он нормальный...

— Молчать! Не тебя, Фреки, спрашиваю!

— Я не христианин. — ответил я, прямо смотря в бездонные глаза старика.

— Тогда с ними пойдешь! — не требующим возражений тоном возвестил Стенульф. — Завтра на рассвете выйдете.

Так мы получили квест от главного берсерка Дании, и, пожалуй, всей скандинавской земли. Вот только могучий дедушка не сказал, что вместе со “смердом” Торальфом будет его немаленькая дружина...

[1] Бродакс или бродекс или данэкс (broad axe, буквально — «широкий топор»), скандинавский боевой топор, получивший распространение с конца девятого века и оставался популярным в различных вариациях вплоть до шестнадцатого столетия. Судя по такому долгому опыту использования, не остаётся сомнений в его эффективности и популярности среди воинского сословия различных народов.

— Уууууух!.. — со свистом вылетело из проруби бледное тело. Белое льняное рубище облепило тощую фигуру дрожащего мужика.

— Поздравляю, брат мой во Христе! — громко воскликнул богато одетый персонаж. Он ловко накинул на плечи бедолаги овечью шубу и протянул ему маленький серебряный крестик. — Прими же этот крест и носи его с честью!

— Ч-ч-чего?... За этот-т... кус-сок с-серебра я тебе все д-добр-р-ро отдал?! — лязганье зубов не позволяло мужику нормально говорить. — Т-ты с-сказал, что т-твой бог поможет-т мне с-сохранить одаль и хозяйство! — сотрясая руками, прошипел он.

— Иже веру иметь и креститься, спасен будешь: а иже не иметь веры, осужден будешь! — ласково ответил креститель, из-за его спины неспешно подошли два бородатых амбала с характерными разбойничьими рожами и большими крестами на могучих шеях.

Новообращенный намек понял и осадился, но гневный взгляд так и не опустил.

— Ты пока о себе, о мирском думай, а с остальным Бог поможет! Одаль свой можешь мне передать, а я тебе платить буду, что земля твоя и лес рождает, мне многого не надо, вера смиренным учит быть! — мягко продолжил тот.

— Торальф! Ты трэлем меня сделать хочешь?!

— Все мы рабы Божьи! — флегматично развел руками Жрец.

— Это беззаконие! Я расскажу все конунгу! — завопил мужик.

— Конечно Расскажи, только кто поверит словам христианского трэля, тебя и до тинга не допустят! От богов своих ты отвернулся, а от тебя отвернутся все те, кто их почитает. Знаешь, ты давай на морозе не стой. Иди домой, погрейся, подумай... святостью преисполнись — таинства священного! А я пока к себе пойду, это для тебя праздник, а мне работа! Не легко, знаешь, ко Христу людей приобщать!

— Выродок!

— Тихо-тихо, только покрестился, а уже гречишь так! Гуди, Болли, помогите человеку до дома дойти, устал поди на холоде таком!

Пара хороших тычков, и незадачливого мужичка поволокли от Торольфа. Жрец еще с пару минут постоял, скovyрнув носком сапога свежий лед в проруби, после чего и сам пошел в противоположную сторону, где его встретили довольные лица других товарищей, и вместе они направились к небольшому хутору на пригорке.

— Вы видели? А их Бог хитрее Локи! — заявил Фреки.

— Думаю даже Одина хитрее будет. — вставил Гери.

— Вас не смутило, что Стенульф говорил только про Торольфа, а с ним уже пять воев, это не известно сколько ещё в хуторе сидит! — сказал я.

— Что такого, чем больше жертв, тем счастливее Ас Воронов! Столько христиан отправим Одину на милость! — безбашенно оскалился младший из близнецов.

Мы прятались за большим заснеженным кустом в тридцати метрах от происходящего. Наши следы были скрыты густым подлеском и звериными тропами. Изначально планировалось следить за поселением, и мы никак не ожидали, что Жрец сам появится у нас под носом.

— А сам в его чертоги не боишься отправиться? Нас всего трое! — продолжил я.

— Скажешь тоже! Мне как отец про Вальгаллу рассказал, я так с детства только о ней и думаю! — мечтательно закатил глаза он.

— Не волнуйся, Эгиль, нам и сотня этих смердов ничего не сделает, тем более христиан — добавил с пренебрежением Гери.

— Из этого Торольфа и его дружков такие же христиане как из нас. Ему и вера нужна, только чтобы таких, как тот бедняга, имущества последнего лишать.

— И что ты предлагаешь? Нам Стенульф что сказал? На дерево его повесить! — наклонился ко мне Гери.

— Вообще-то это ты сказал...

— Пусть так. Главное избавиться от него. А сколько с ним людей к воронам отправится это неважно. А ты что думаешь Фреки?

— Думаю сначала вскрыем Гуди и Болли, а когда Торольф спохватится о них и пойдёт в своё новое имение за ними, мы его из засады и встретим! — Фреки азартно облизнул губы.

— Иногда даже в твоей темной голове рождаются светлые мысли. — похвалил старший брат.

Выждав немного, мы скрытно двинулись за вереницей следов. Мне крайне не хотелось участвовать в аванюре, которая точно приведет к смерти: нашей или чьей-либо еще. Но больше не хотелось подвести братьев. Я знал, что рано или поздно наступит момент, когда мне придется убить человека, потому что иначе мне не отомстить за отца. Вот только решиться на это сложнее, чем может показаться. Что касается близнецов, их тоже преследовали моральные муки, но противоположного характера. Пока мы шли, у Фреки то и дело туманился взгляд, и Гери несколько раз приводил его в чувства со словами, что они не должны поддаваться ярости до тех пор, пока не появится Жрец.

Меж тем тропка вывела нас к небольшому домику с парой пристроек и несколькими сарайчиками. Подойдя чуть ближе, послышалась скомканная неразбериха, и затем пронзительный женский вопль, прервавшийся звонким хлопком пощечины.

— О, здорово! Сейчас они пахтать девок будут — расслабятся, мы их и прирежем! — шепнул младший из близнецов. А как нам было известно из слов Лейдолва: «Вой слаб, когда он сыт, спит или баб сильничает!»

Аккуратно пробравшись к дому, где развлекались псевдохристиане, мы приготовились входить, но перед этим Гери сказал мне еле слышно:

— Встань у двери с луком, вдруг они свалить решат, ты их и пристрелишь. — я кивнул ему и воткнул в сугроб две стрелы, а третью положил на тетиву.

Без лишних звуков близнецы прокрались к двери, и когда стоны со всхлипами стали особенно громкими, они ворвались в дом, и начался погром. Я натянул до середины тетиву и направил наконечник в сторону проема. Внезапно в нем показалось тело одного из бойцов Торольфа, и на рефлексах я опустил тетиву. Стрела сорвалась и окончила свой путь в глазу рыжебородого Болли. Еще не успев ничего понять, я увидел, как его туша медленно падает, но перед этим на его груди расцвел кровавый цветок, окрасив рубаху в бордовый цвет. Золотой крест звякнул об пол и на улице появились довольные братья.

— Молодец, Эгиль! Прямо в глаз ему засадил! Только я раньше его мечом проткнул, так что он мой! — похвастался Фреки. Я же не мог оторвать взгляд от Болли. Его руки еще

немного сокращались, но было ясно, что он уже мертв. Лужа крови под ним быстро росла, и падающие снежинки таяли, не успев коснуться ее.

— Второй тоже мертв, я ему большие пальцы отрезал, чтобы в Вальгалле мог только прислуживать. — сказал Гери присев на корточки и стер кровь с меча об спину поверженного врага. — Пойдем на добычу глядеть.

Фреки похлопал меня по плечу и подтолкнул вперед. На полу, недалеко от входа валялся тот самый мужик, но уже со связанными руками и ногами. Братья не торопились срезать ремни и прошли дальше, не обращая внимания на его мычание с кляпом во рту. В следующей отворотке лежал труп со спущенными штанами, а рядом с ним немолодая женщина с задранном платьем и сломанным носом, но в отличие от Гуди — живая. Из другой комнаты доносился плач совсем юной обнаженной девочки. Увидев ее, вся жалость и сочувствие к убитым врагам пропали во мне, оставив только злость.

— Мда... я ждал от первой битвы, что она будет тяжелой, неравной... А эти глупцы пояса с оружием в сенях оставили! Ну разве можно быть такими беспечными?! Один даже без брони был! — воскликнул Фреки.

— А чего им бояться здесь? Его? — указал на тощего бонда Гери. — Иди как раз, собери их добро, я пока развяжу хозяина дома.

— Может не надо, а то девок разогрели, мы б их допользовали? Да шучу я! — посмеялся Фреки, услышав, как я сжимаю кулаки.

Как только Гери подошел к бонду, тот начал извиваться как червь и мычать сильнее.

— Может тебя и правда не развязывать?... — длинный шрам старшего брата дернулся от усмешки, но резкий взмах острого ножа вспорол ремни.

— Ах...ахх... спасибо!

— Это точно, ты обязан жизнью сынам Лейдольва — Гери и Фреки, а также Эгилю, сыну Синдри и теперь на тебе большой долг.

— Да... меня зовут Оден, можете забирать, что хотите, но не трогайте мою жену и дочь. Серебра у меня нет почти, но отдам все... ох.

— Отдашь, и вот что, Оден, скажи, сколько людей у Торольфа? — продолжил Гери.

— Теперь шесть осталось, с ним считая... — потирая лысину, сказал он. — Вы что же, хотите Жреца с дружками его убить? Я с вами! — подскочил Оден.

— Да кому ты нужен, бонд? Ты чай и не знаешь, с какой стороны меч держать! — собрав все вооружение бойцов Торольфа, Фреки сложил его на лавку.

— Может меч не держал, но дренгом пошел к Хареку Младшему и с топором ладил!

— А с луком? — спросил я.

— Охочусь бывает! — кивнул он.

— Значит надевай кольчугу Гуди, доставай свой топор и лук. По какой дороге от Жреца до тебя ближе? — спросил Гери.

— Дык шли мы по ней.

— Эх, там и схорониться негде, только перед домом самим... Ладно, Фреки, следы наши подмети, а ты, Оден, баб своих успокой, а то уши от их воя болят. Эгиль, посмотри, где тебе луком бить сподручнее будет, и этому, — кивок на бонда. — Покажи.

— Думаю, они завтра по утру припрутся, но совсем с другой стороны, потому что поймут неладное. Торольф этот мне не показался глупым человеком. — я поделился сомнениями с близнецами.

— Может быть, спорить не стану. Значит надо лучше подготовиться! И Оден, отнеси

трупы куда-нибудь, а то скоро завоняют.

Выйдя из дома, я вздохнул полной грудью. Запах крови неохотно покидал окружающее пространство. Взглянув на руки, я усмирил дрожь. Вот и первая смерть, сколько еще людей умрет от моей руки? Взяв пригоршню снега, я протер им лицо, колючий холод быстро привел в себя, проясняя мысли. Оглянувшись, я заметил пару мест, где неплохо было бы засесть с луком, вот только с какой стороны ждать гостей?

Через время вернулся Фреки и задорно рассказал, что ходил до хутора Торольфа, и услышал, как его ватажка шумно празднует очередной рейдерский захват.

— Они же там вусмерть пьяные будут, чего мы ждем?! Ворвемся, как лисы в курятник и нет больше Жреца! — сквозь зубы прошипел младший.

— Я согласен. Лучше сразу прижать их, чем ждать откуда они заявятся! — подтвердил я. Гери оглядел нас, поднялся с лавки и сказал:

— Идем!

Длинный дом Торольфа мягко подсвечивал сверкающие сугробы сполохами очага от полуприкрытых дверей, за которыми доносился пьяный гвалт празднующих рэкетиров. Дом и близкорасположенные строения к нему строения были окружены невысоким забором. Вся приусадебная территория хорошо просматривалась с пригорка, с которого за землей Жреца. Изредка трэли псевдохристианина сновали к дверям Торольфа и обратно, пару раз взвизгнула собака, услышав шум леса, но чаще всего из дома по одному выходили члены ватажки рэкетиров для утоления нужд.

Осоловевшей компании было невдомек, что их идиллию вскоре нарушит группа кровожадных подростков.

— С псом надо что-то придумать... — поделился мыслями Фреки.

— Было бы свежее мясо, и думать бы не пришлось, возьмешь его, брат? — Гери посмотрел на меня.

— Конечно. — не очень хотелось вредить собачке, но другого варианта не было, своя шкурка всегда ближе чужой.

Наложив стрелу, я показал глазами, чтобы близнецы готовились. Старого Одена было решено оставить, толку от него мало, а шума достаточно. Купание в проруби дало о себе знать непрекращающимся шмыганием, которое доносилось от него каждую пару секунд.

Вжух-х, стрела угодила в место назначения, заставив навсегда замолчать пса, и одновременно с этим две тени перелетели через забор, поджидая меня с внутренней стороны.

В четыре руки братья помогли бесшумно забраться за частокол. Не проронив и звука, мы мягко подошли к дверям длинного дома и прислушались к происходящему внутри. «Сейчас будет здравница и врываемся.» — прошептал старший близнец.

Дождавшись, когда нечленораздельный поток прервется на синхронное закладывание очередного пенного рога, в уши празднующих врезался раскатистый рев братьев ульфхендаров. Сразу следом за ними со срывающейся с тетивы стрелой ворвался я. Свою цель стрела нашла сразу, раздваивая поток пива в горле прихвостня Торольфа. Следом за первым телом, под лавки начали падать и другие члены жреческой группировки. Кровавым смерчем братья достигли Жреца, в миг зарубив трех из его подчиненных. Оставшийся вой метнулся за топором, прислоненным к стене, но выпущенная стрела намертво пригвоздила его руку к брусу, следующая же нашла свое место в его сердце. Торольф единственный не снимал пояса с клинком в своем доме. Но это не могло ему помочь против двух разъяренных волков. Возможно его уровень как бойца был хорош, однако литры выпитой браги не успели выветриться из осоловевшего тела, поэтому меч показаться лишь до середины из ножен, когда голова Жреца поскакала по столу, опрокинув пару мисок на землю.

Близнецы хрипло дышали, озираясь по сторонам в поиске новых целей. Но зал был пуст. Раньше я опасался остаться с ними наедине в такой момент. Неистовый амок застилал глаза братьев, любое движение могло восприниматься как провокация. Но годы совместных тренировок убедили меня в том, что эти близнецы даже в таком состоянии способны сохранять рассудок. По крайней мере по отношению ко мне.

Запах крови смешался с запахом экскрементов, что вкупе с перегаром образовало стену

настолько мерзкого смрада, что меня тут же вырвало. Хотя это могло произойти и от нервов. За две жизни мне еще не приходилось убивать людей, сегодняшний день дал начало многим кровавым событиям моей будущей судьбы...

А пока, взгляд близнецов начал проясняться.

— Тьфу ты, даже не серьезно! — Фреки посмотрел в стеклянные глаза головы Жреца.

— А ты хотел, чтобы тебя в первом же бою настигали копьями, да? — я утер рот рукавом, — Хорошо, что эти смерды были так беспечны и сами вложили свои жизни нам в руки.

— Жаль, что его уже не повесить... — младший близнец очистил клинок от крови плащом сподвижника Жреца.

— Я думаю, это было не обязательно, Стенульф хотел просто избавиться от него, и не так важно как. — Гери стал обыскивать павших рэкетиров.

— А что делать с трэлями снаружи? — поинтересовался я.

— Плевать на них! Они так и так мертвецы, если они решат сообщить о смерти Торольфа и его товарищей, этих рабов все равно ждет смерть. Их отправят вслед за мертвым хозяином, чтобы те служили ему в Вальгалле... хотя Жрец ведь христианин... а, какая разница, это же трэли! — негодовал Фреки.

— Хватит языком молот, забираем все ценное, поджигаем эту халупу и сваливаем к деду! — закончил разговор Гери.

Покончив с обыском псевдохристиан и запалив их дом, мы пошли к Одену, чтобы переночевать у него и отправиться к Стенульфу уже по светлому тракту.

Трофеи в жреческом доме имелись: помимо богато-украшенного пояса хозяина дома, а также среднего качества меча, у рэкетиров изъяли еще две плохенькие кольчуги. Кроме того, нечестным заработком, команде Торольфа удалось занять почти четыре марки серебра и марку золота, а также все золотые кресты с их шей тянули еще на целую марку. Таким образом, мы значительно преумножили наше состояние, добыв железом доход среднего бонда за несколько лет.

Когда мы дошли до Одена, старик так расчувствовался за свершенную нами месть, что на радостях наковырял по сусекам все запрятанное добро и предложил свою жену и дочь, чтобы те грели наши постели. Мне было противно от одной мысли о насилии над ребенком, а старуха (хоть ей было не более сорока, но по виду не скажешь) совсем не вызывала интереса. Близнецы же вырубались сразу, увидев постель. Издержки зверской природы...

— Вот эта голова хулила наших Богов, пестун! — старший брат держал за волосы то, что осталось от Торольфа.

— Добро! Бросьте ее к свиньям, и давайте в дом, каша стынет, — обронил монументальный дед.

Ох уж эти кровавые нравы, такое ощущение, что Стенульфу было вообще глубоко параллельно на голову Жреца, даже аппетит не пропал!

После свершения столь «благого» для авторитетных язычников дела, звериный мастер скупко поинтересовался деталями произошедшего, презрительно сплюнув от беспечности псевдохристиан. Однако он зачел расправу над ними в экзамен о становлении половозрелым викингом. Но это была лишь часть данного экзамена. Следующим этапом было нанесение священных рисунков на наши тушки. Оказывается, несмотря на то, что я не вхожу в ряды бравых берсерков, ульфхендаров и прочей полумистической братии, мне также полагаются специфические наколки. На вопрос: «Зачем, а главное нафига?» — братья лишь снисходительно улыбнулись. Мол, поверь, это для твоего же блага, богам так легче на свой-чужой делить, тем более это же поддержка высших сил, а она никогда лишней не бывает. С этим я спорить не мог. Тем более, когда кольчик не спрашивает, а бьет сразу, что хочет и куда хочет.

Близнецы, правда, пытались сначала уломать деда, найти для меня какой-нибудь чудодейственный «озверин», чтобы я стал таким же, как они. Стенульф на уговоры ответил, что был у него подобный мне человек на памяти, и обращение к высшим силам действительно помогло, но в моем случае это лишнее. Мол, моя фигура и так не обделена вниманием Богов, поэтому на их содействие я могу рассчитывать без помощи дикого нрава и размазанных по бороде слюней. Что не может не радовать, ведь сомневаться в реальности окружающей мистики, после многих произошедших событий, не приходилось.

Но перед творческими порывами звериного сенсея, где холстами служили наши тела, он еще долго гонял нас по местной истории, мифологии, средневековому «этикету и морали», а также вопросам ведения боя. Спасибо отличной памяти и достойным учителям — на

большую часть материала ответ я знал, все-таки подобное здесь впитывается с молоком матери. Далее Стенульф замешал некий отвар и напоил им сначала Гери, глаза которого вмиг затуманились. Затем приступил к сеансу нанесения татуировок. Ловко работая специальной дощечкой с тонкими иглами и мерно постукивая ее, дед растил на теле старшего брата раскидистое древо, стилизованных волков и хитрую руническую вязь. Мастер почти не прерывался, по ходу работы нравоучительно вещая высокие речи. После пары дней пришла очередь младшего близнеца, а затем и моя.

Лагман в отставке неспешно подал мне чашу с отваром, над поверхностью которого ароматно курился белесый пар. Смиренно приняв его, я сделал глоток и полетел... Сразу вспомнился Йоль и рыжеволосая бестия, но на этот раз я просто почувствовал невесомость. Казалось, что ниже подбородка ничего нет, и только голова летает над поверхностью земли. В эйфории я посмотрел на Стенульфа, но на его месте увидел могучего зверя, окруженного радужным ореолом. Приглашающим жестом, он указал на кушетку и приступил к работе. После каждого удара дощечки я вновь находил утерянные ранее части тела. Было ощущение, что только священные символы и руны помогали рукам и ногам существовать в реальности. После завершающего аккорда, набитого на груди, ко мне вернулись все чувства. Но легкость осталась, хоть и соседствовала с болью по всему организму.

Сказать по правде, произведения старого мастера выглядели брутально. Хитросплетение огромного змеиного тела вилось от одного моего плеча до другого, проходя между лопатками, опускаясь ниже ключицы, где оскаленная пасть пожирала свой хвост. Стенульф назвал его Йормунгандом, великим Мировым Змеем, началом и концом сущего.

— Почему у вас волки, лапы и священное дерево, а у меня только змея и руны?

— А почему я пути, богами для тебя уготованного не вижу? Сам на себе ты завязан, подобно змею великанскому! — пророкотал дед, хотя я специально спросил близнецов шёпотом, чтобы он не услышал. — Все, волчата, изрядно силы на вас потратил. Теперь три года при мне будете, в благодарность за безмерную помощь мою и содействие! По году с каждого!

Сказать, что мы попали — значит ничего не сказать. Дорого обошелся нам сеанс, однако...

— Зимой этой срок благодарности к концу подходит, хе! Хотя дело уже к весне идет, — Фреки с улыбкой пошкреб заросшую буйной щетиной щеку.

— Срок службы, но не благодарности, брат, — возразил стоящий рядом с ним Гери, — Стенульф как дед родной нам, и останется им.

И это была правда. Не смотря на своеобразный способ оплаты за науку и татуировки, старый мастер действительно относился к нам, как к своим внукам. Он очень многому нас научил, еще больше показал на практике, и делился всеми накопленными за годы долгой жизни секретами, не утаивая детали.

За это время мы много раз были свидетелями, как к нему на поклон приходили звероватого вида люди, ищущие помощи в контроле над внутренним монстром, хевдинги просили совета и его слова в решении спорных вопросов, даже конунги, проходящие мимо, были частыми гостями в его доме, отдавая дань уважения мудрому ветерану.

Под началом Стенульфа мы не единожды сталкивались с опасностью, помогая местным бондам и хевдингам в вооруженных стычках с противоборствующими морскими волками. Как говорили близнецы, эти сражения уже были достойны целой саги. Впрочем, разговорами это не заканчивалось, и саги действительно были воспеты, где деяния трех братьев сравнивались с подвигами великих героев прошлого. Я смотрел на это сквозь пальцы, но не отметить творческих талантов Гери и Фреки не мог. Ведь сражения действительно были, и смерть много раз протягивала свои костлявые руки к нам. К счастью, безрезультатно.

Число погибших же от моих рук уже давно перевалило за несколько десятков, с каждым боем оставляя следы на теле и душе. Нельзя сказать, что призраки убитых преследовали меня по ночам, скорее наоборот. От осознания того, как просто потерять жизнь, даже спать стало легче, ведь ценность каждого момента этой жизни после боя начинала ощущаться гораздо ярче. Но изменения затронули не только душевное состояние.

Близнецы все больше стали похожими на своего отца. Высокие, статные, в каждом их движении ощущалась дикая грация хищника. Постоянные сражения сделали нас деталями одного отлаженного механизма, позволяя дополнять сильные стороны друг друга и скрывать недостатки. Мы уже давно выросли из своих кольчуг и мечей, меняя вооружение каждый сезон.

Это не было проблемой, ведь на фюльке Стенульфа имелась кузница, где я был частым посетителем. Упражнения с молотом, сотворили из моего тела оружие ничем не хуже того, что получалось в процессековки. Знания прошлой жизни прекрасно расширяли опыт местных кузнецов, поэтому на мои изделия имелся большой спрос.

Даже мастер берсерков одобрительно кивал на клинки, вышедшие из моих рук. Один из которых, я торжественно подарил ему после очередного тату-сеанса еще в прошлом году.

— Отличная работа, сын Синдри, ничем не хуже того топора, что передал мне Лейдольв! — он взял крючковатыми пальцами рукоять меча. С шипением клинок рассек воздух перед его слегка сгорбленной фигурой, после чего он щелкнул по кромке ногтем, выбив из металла яркий звон. — Вот настоящая музыка, достойная сводов Вальгаллы! — удовлетворенно прогудел дед, усаживаясь во главе стола длинного дома.

Возможно, он и мало изменился за это время, но было заметно, как годы берут свое, сгибая спину даже такого железобетонного деда. Хотя скорее всего, это я значительно прибавил в росте, потому как почти сравнялся с его могучей фигурой. Мне еще не доставало общей массы, но крепкий костяк генетически одаренного тела наращивал ее быстрыми темпами. Нужно было лишь бросать в топку побольше мяса — благо богатые дичью леса щедро одаривали своими ресурсами.

Вообще, вотчина Стенульфа была в крайне выгодном геополитическом месте. Как он сам поведал, дед стал единственным владельцем этой земли после смерти своей супруги Гунде от старости. Наследников у них не случилось, но жена старого мастера имела детей еще от предыдущего брака, однако и те умерли в военных походах. Поэтому можно сказать, что Стенульф видел детьми всех своих многочисленных учеников.

Однако срок, когда мы сможем покинуть берлогу пожилого сенсея, действительно подходил к концу. Как я уже говорил, к нам не раз приходили вожди викингов и часто просили совета Стенульфа. Но кроме того, они обращали внимание и на нас. Всем авторитетным хевдингам требовались в команду умелые войны, многие из них хотели бы видеть в ее рядах берсерков. Конечно, это всегда был большой риск, но только не в отношении воспитанников Стенульфа. Потому как они исключительно держали своего внутреннего зверя на коротком поводке. Исключением являлся разве что Лейдольв.

Как только подобные разговоры возникали в стенах нашего дома, глаза близнецов загорались огнем предвкушения скорых морских походов. Однако ветеран умело обламывал гостя и хотелки братьев.

— Их время еще не пришло, и долг не уплачен сполна! — обычно следовал ответ, но если у деда было хорошее настроение, а в организме присутствовал солидный градус, то он мог выдать и следующее:

Муж неразумный
клятвы не держит,
сказавши однажды
слова не забрать.

Не знаю радушных
и щедрых, что стали б
дары отвергать;
ни таких, что, в ответ
на подарок врученный,
подарка б не приняли.

Жарко пылает
кровь молодого;
сгорит в нетерпенье, —
что толку от трупа!

Услышав это, гости в большинстве своем, с пониманием кивали и хвалили мудрость Стенульфа. А нам лишь оставалось запастись терпением и внимать высокопарным изречениям старца.

Но всё рано или поздно подходит к концу, и после очередного задания по решению проблемы от лица "лагмана на пенсии", Стенульф встретил нас в сенях с торжественным выражением на испещренном морщинами лице.

— Пора буранов[1] уже отступает! Скоро начнут таять льды и драконы вновь умоются кровью Имира[2], значит пришло время вам вступать под знамена удачливого вождя! — старый мастер, как каменное изваяние древнего божества, застыл, возвышаясь над нами. — И у меня есть такой на примете!

[1] Кённинг, обозначающий зиму.

[2] Кённинг, обозначающий море.

Сборы были недолгими. За последние годы мы с братьями пополнили мощну изрядными богатствами, часть из которых было решено оставить на попечение Стенульфю. Однако самые знатные цацки, конечно же, прихватили с собой.

Вождь по имени Рауд, к которому нас направил старый мастер, волею судеб зимовал сейчас в Тенсберге. По словам, он был молод и совсем недавно организовал свою собственную дружину, а до этого служил хольдом конунга Харальда Косматого, ныне именуемого Прекрасноволосым. О том, что Рауд, человек достойный — сомневаться не приходилось, иначе звериный сенсей не направил бы нас к нему. Тем более, это была прекрасная возможность увидеться с Асвейг и остальными, а ведь прошло более половины жизни с нашего расставания...

Торговый кнорр, хозяин которого безвозмездно согласился подкинуть нас до Тенсберга, мерно скользил по морской глади, подталкиваемый слаженной работой команды гребцов. Ветер затерялся в парусах, а молодой организм требовал выплеска энергии, поэтому заняв свободное место на руме, я взял весло и старался идти в ритм с остальными. Соленые брызги орошали лицо, оставляя белесый след на одежде. От избытка сил хотелось смеяться, кровь бурлила под кожей, заставляя скинуть рубашку и подставить теплеющему солнцу разгоряченное тело.

После пяти часов задорной гребли корабль занял свое место у причала, и мои ноги коснулись родной земли.

— А богато устроился конунг Харальд! — со знанием дела воскликнул Фреки, осмотрев прибрежный порт.

— Чего удивительного, после объединения всех норегов, думаешь можно жить иначе? — внес свои правки Гери.

— Вотчина Прекрасноволосого разрослась! Когда я был здесь в последний раз, она не была так оживлена, а сейчас здесь и яблоку упасть негде. Думаю, мы еще успеем посмотреть на здешних людей и торговлю. Пойдем-ка в мой дом, познакомлю вас с матерью и дедом!

Город конунга действительно стал больше, настолько, что даже наш отдаленный одаль стал практически подворьем Тенсберга. Увидев родные пейзажи, уютный ряд домиков за невысоким забором и старые дубовые ворота, невольно защемило в сердце. За приоткрытыми воротами виднелась оживленная суматоха домочадцев. Немного задержавшись перед входом, я глубоко вдохнул и полностью отворил двери.

Истошный собачий лай оповестил хозяев, что на их землю пришел чужой человек.

— И кого ныне день послал? — раздался трескучий возглас дряхлого старика. Он оглядел меня и близнецов позади, увешанных драгметаллами с головы до ног. — Хель меня заberi! Эгиль?! Ты ли это?! — Хакон застыл, раззявив полубеззубый рот.

— Это я, дед! И я рад, что ты все еще здесь, а не стал легендой по-настоящему! — счастливая ухмылка не могла покинуть моего лица.

— Один Всеотец, как же ты вымахал! Мать тебя совсем не узнает! Асвейг, иди сюда! Асвейг?! — проскрипел дед, теперь его лысая макушка едва ли доставала мне до подбородка.

Длинный дом, больше похожий на перевернутый драккар, выпустил из своих глубин женский силуэт. Она почти не изменилась: все та же статная княгиня, что и девять лет

назад. Однако сейчас на ее лице остановилось выражение удивления и страха, будто она боялась поверить глазам, будто человек перед ней может оказаться не ее сыном, а просто похожим незнакомцем. Но посмотрев на Хакона, на мою улыбку, из ее глаз потоком ринулись слезы, а на губах заискрилась улыбка.

— Мой сын, мой мальчик! Ах... уже не мальчик, но муж! — она засмеялась.

— Магушка, я вернулся! — я обнял ее хрупкую фигуру, забыв на мгновение все эти долгие годы, но внезапно вспомнил про близнецов, и тут же их представил.

— А это Гери и Фреки! Твои племянники, дети Лейдольва! Мы приехали вместе, по наставлению Стенульфа, чтобы встать под крыло хевдинга Рауда!

— Так, а что же мы стоим?! Пир! Идем праздновать возвращение моих внуков! А какие вы все, ну точно волки! Ух, уважаю! — не унимался Хакон.

Пир. После переезда я уже и успел забыть о них, ведь для Лейдольва празднество обычно заключалось в литрах чего покрепче, а Стенульф про пиры обычно вещал подобное этому:

Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;
чем больше ты пьешь,
тем меньше покорен
твой разум тебе.

К тому же, по сравнению с годами ранее, ныне мой организм мог с легкостью принимать в себя алкоголь, но наставления старого берсерка не прошли даром, и употреблял я только из вежливости и за компанию, не переходя границ.

Под трещание незатихающего Хакона, мы расселись за большим столом, но в этот раз в его главе было мое место. Не смотря на старшинство братьев и Легенды, после смерти Синдри в этом доме старшим по праву являлся я. Вскоре к нашему празднику присоединилась Сигрун, и произвела фурор на братьев. Ведьмино обаяние, не исчезло с годами, а слегка осунувшееся лицо лишь добавило глубины ее огромным глазам. От чарующей притягательности вельвы близнецы, особенно Фреки, тут же стали пускать слюни в ее сторону. Но всего один взгляд Сигрун, направленный на них, убил весь их волчий пыл.

— Брат... у нее глаза такие, как будто кадки, в которых щенят топят... неудобно, — прошептал мне на ухо Фреки.

— Она же вельва, ты чего хотел? Мой отец ее от Лейдольва уберег, если тебе интересно, — ответил ему я.

— А она на нас проклятье не найдет, в отместку за отца? — вклинился в разговор Гери.

— Не замечал за ней подобного раньше. Да чего вы скисли совсем? Хотите, попрошу ее руны по вам разложить?

— О, эт можно! — сразу же оживился младший близнец.

Пир только начал набирать обороты, а Хакон успел рассказать о нашем приезде всем соседям, и поэтому в медовом зале становилось все меньше места от пришедших гостей. Слава богам, что он не догадался позвать местных музыкантов... а нет, догадался. Увы!

Гости — ни имен, ни лиц которых я не знал, голосили во всю мочь, пытаюсь перебить какофонию бессвязной музыки, превозносили здравницы, вспоминали события давностью в десятки лет и просто квасили пиво. Когда градус в телах присутствующих был уже значительно повышен, я поднялся с места и поднял рог, призывая всех к тишине. Прочистив

горло, я начал повествовать в стихах о наших подвигах так, как здесь любят — а значит преумножал их стократно. Сколько лет я практиковался в сложении вис, но искусством скальдов так и не овладел. Хотя рифма и такт не главное в этом, а ключевое то, с каким чувством ты слагаешь свою поэзию. Но народом мое выступление было громогласно одобрено.

После чего Хакон проревел: «За здоровье Эгиля и смерть Къетви!» Десятки кубков моментально показали дно в поддержку тоста Легенды. Лица гостей еще некоторое время кривились от проклятий в адрес Къетви, но затем с новыми порциями хмельного возвращались к праздничному кутежу.

— Задвинул ты мощно, мы обязательно поможем в твоей мести! — пообещал Фреки.

Мысли об убийстве Къетви не приносили удовлетворения. По правде сказать, я и сам не знаю, нужна ли мне его смерть, ведь она не сможет вернуть мне отца.

— Это да, только жаль, что Одину на тебя совсем меда поэзии не хватило, брат, — вздохнул старший близнец, а затем с улыбкой сказал, — Ну ты так не переживай, мы тебе после этого поможем и вису написать достойную!

— Ха, и если с бабами худо будет! — «поддержал» младший.

— С этим я сам вам помочь могу, вы лучше не закладывайте так пиво, завтра с Раудом знакомиться пойдем. Вы должны быть в полной боевой!

— Да будь у нас даже один глаз на троих, мы любого его хирдмана сделаем! — самодовольно добавил Фреки.

— Возможно не всех, если Стенульф рекомендовал нам его, значит этот Рауд не так прост. И команда его должна быть не слабой, — добавил Гери, и его губы, застывшие в вечной полуусмешке, слегка выровнялись.

Этот вечер пролетел незаметно: Хакон рассказывал, что происходило после моего отъезда к Лейдолву, поведал все последние новости и значимые события. Мы с братьями, в свою очередь, пересказали нашу жизнь, дополнив мою вису. С особенным упоением близнецы останавливались на кровавых историях. Кроме того, напомнили и о том, что собираемся вступить в хирд Рауда. Гости тут же подтвердили, что это человек достойный и, несмотря на возраст, уже успел удивить своей непомерной удачей и воинскими качествами. Легенда же добавил, что этот вождь чем-то напоминает ему Синдри. Далее я преподнес подарки всем родным: деду широкий пояс с серебряными элементами, украшенный маленькими камушками. Матери подарил красивую серебряную диадему тонкой работы с бирюзой и небольшим сапфиром в центре, а также не забыл и о Сигрун. Ей достался чудесный золотой браслет в виде маленьких переплетенных змеек. На что вельва сказала:

— Уж очень это похоже на свадебный дар, Эгиль Синдрисон. Неужель ты не забыл о своих словах, и хочешь меня в жены? — лукавый прищур поселился в ее глазах.

— Прости, Сигрун, но я не помню, чтобы я произносил слова о женитьбе с тобой, но ты все также прекрасна! — правду говорить всегда легко и приятно, тем более красивой женщине.

— А жаль! Ты уже не маленький мальчик, и я не могла бы тебе отказать. Но это дело твое, а вот братьям твоим откажу, — тон ее резко изменился.

— Почему так категорично? А руны разложить на них сможешь?

— Наши Боги покровители, ммм... в небольшой ссоре, но рунам это не помешает, конечно, если *ты* об этом просишь. — и снова лукавый взгляд. Ох и вельва, а ведь это уже

растление малолетних, правда здесь такой статьи нет. Впрочем, как и любой другой.

— Это прошу тебя я! — слегка опустив голову, сказал ей.

— Тогда жду их завтра вечером, после того как Рауд примет вас в свою дружину, — подмигнула она.

— Ого, для тебя это так очевидно?

— Если бы с тобой говорили Боги, то ты бы этому не удивлялся! — посмеялась Сигрун и направилась к выходу из дома.

Пробуждение в стенах родного дома принесло сердцу чувство покоя.

Никуда не торопясь, я умылся ледяной водой и босяком пробежался по чистому снегу. Сделал зарядку и поупражнялся в работе с мечом, на что домочадцы с уважением кивали, а рабыни-тир бросали заигрывающие взгляды. После такого бодрого начала дня, во мне проснулся дикий аппетит, и я с шумом ворвался в дом, оглядываясь в поисках еды.

Как зная, Асвейг стояла с кувшином морса, а на столе уже располагались глубокая миска каши, вяленое мясо и небольшая головка сыра.

— Доброго утра и приятного аппетита, сын! Сегодня у тебя важное дело, на которое нельзя идти голодным, — с заботой сказала она.

— Спасибо, матушка!

Я решил не пренебрегать ее советом и начал уплетать за обе щеки все, что было.

— Твои рисунки на теле. Ты теперь как дети Лейдолва? — она указала рукой на Йормунганда и другие татуировки, блестящие на мокром от утренней тренировки теле.

— Нет, но во-первых, это красиво, а во-вторых, по мнению Стенульфа, эти символы должны помочь мне быть... Скажем на короткой ноге с Богами.

— Хорошо, так мне спокойнее. А то от ночных походов близнецов, сегодня весь дом на ушах стоял. Думала всех тир мне попортят, — вздохнула она.

— Эти могут, но они держат зверей на поводке, кстати, где они? — спросил я, доедая кашу.

— Еще спят. Я послала служанку, но она так и не вернулась. Либо она просто осталась там, либо осталась там навсегда.

— Ладно, сейчас схожу за ними! — нехотя мне пришлось подняться из-за стола.

После сытного завтрака накатила новая волна дремоты. Но дела не могли ждать, и я направился в комнату к близнецам. Дойдя до двери, я легонько приоткрыл ее, и тут же в меня ударил запах блуда, пота и перегара. Подавив рвотные позывы, я осмотрел комнату: всюду разбросанная одежда, пустые кружки и кувшины с пойлом, и в кучу сваленное вооружение. На одной кровати лежал Фреки лицом вниз с наброшенной шкурой на голое тело, а на другой Гери, держащий во сне за шею служанку в рваном во всех причинных местах наряде. Тир не спала, а испуганными глазами смотрела на меня с мольбой. Ох и братья-волки!

Но стоило мне сделать только шаг, как веки старшего близнеца тут же открылись. Его взгляд метнулся сначала на меня, потом на ближайшее оружие, а затем более осмысленными глазами он вновь посмотрел на мою фигуру в проходе.

— Эгиль, стучаться не учили? — недовольно пробормотал он.

— Может ты сначала руку с ее шеи уберешь, а потом погорим о манерах? — я указал на служанку, которая дрожала как мышь под ним.

Гери нахмурился и только и сейчас обратил внимание на тир. Немного удивившись, он убрал ладонь с ее шеи, и та мигом ушмыгнула из комнаты.

— Уже пора? — негромко спросил он.

— Пора...

— Тогда давай.

— РРРОТАА ПОДЪЕОООМ!!! — я заорал во всю луженую плотку. Казалось, что даже стены завибрировали.

Фреки подлетел с кровати с такой скоростью, будто его запустили в открытый космос с Байконура. Однако приземлившись — кувыркнулся в направлении пояса с мечом. Только схватив рукоять, он заметил, что это мы, и от его реакции уже умираем со смеху.

— Чтоб вас всех! Чтоб вам в глаза чайки нагадили, чтоб ваш уд навек повис, чтоб... — Фреки разозлился так, что с каждым словом веер слюней разлетался по комнате, но это лишь подбавляло масла в огонь нашей истерики.

Понемногу успокоившись, мы отправились на кухню. Близнецы позавтракали, привели себя в порядок и надели все самое лучшее. Выглядела наша компания превосходно: рожи кирпичом, скрытые шлемами, стати на целый хирд. На широких плечах кольчуги, под ними расшитые шелком рубашки. Золота было немного, но покажите хоть одного воя нашего возраста, у кого больше?

Двор Рауда, по словам Легенды, был недалеко к северу по побережью. Найти его было несложно, тем более у принадлежавшему хевдингу причале, был уже спущен на воду прекрасный морской дракон.

За высоким частоколом доносились громкие команды, удары сталкивающихся щитов и звонкий треск рубки на оружии. А за открытыми воротами мы смогли наблюдать то, что слышали ранее.

Две небольшие группы, суммарно состоящие из восемнадцати человек, четко выполняли приказы огневолового вождя, тренируя различные построения и методы ведения боя. Невольно мы засмотрелись на слаженный процесс воинской работы, особенно когда члены двух команд разделились на двойки и перешли к дуэльным спаррингам. Созерцая происходящее, мы не заметили, как рыжий командир спустился с помоста и направился к нам.

— Сегодня я гостей не ждал, и кто же пожаловал к моему двору? — задорно поинтересовался владелец подворья полным молодецкой удали голосом.

Он был среднего для морского волка роста, в удобной одежде, не стесняющей движений, но при этом богато расшитой. Его голова венчалась вьюнами пламенных волос. Из украшений он имел золотую цепь и перстни, а также дорогой пояс, стягивающий крепкий торс, на котором покоились выдавшие виды ножны с вложенным внутри мечом.

— Гери и Фреки, сыны Лейдольва и Эгиль, сын Синдри — братья. Пришли на службу к хевдингу Рауду, по рекомендации Стенульфа, уважаемого повсеместно! — отрапортовал старший близнец.

— Я знаю ваших отцов, они великие воины. Лейдольв Зверь, это имя проклинает немало людей севера. Синдри Стейнсон — человек, с удачей Богов, за что и погибший. Если вы хоть в половину похожи на них, то я приму вас в хирд, — Рауд широко улыбнулся, показав белоснежный оскал с горизонтальными насечками на верхних зубах, — По вашим знакам на руках я вижу, что двое из вас вдоволь испили меда поэзии, и рекомендация великого мастера берсерков говорит, что с внутренним зверем вы товарищи, а не враги.

— Как ты хочешь проверить нас? — я задал ему вопрос.

— В моем хирде нет, подобных вам, близнецам. Поэтому вы сразитесь друг с другом и покажите свое мастерство. А тебя, сын Синдри, я проверю сам! — и приглашающим жестом указал на освободившийся круг. После слов Рауда, тренировка его команды прекратилась, и они заинтересованно оценивали нас.

— Если вы готовы, то можете начинать! — рыжий вождь подмигнул братьям.

Гери и Фреки переглянулись, аккуратно сложили верхнюю одежду, сняв все выше пояса, чтобы не попортить ее в схватке, и оставили из защиты только шлемы. Недолго думая, каждый взял меч и топор. Это не было стандартным типом вооружения; бой с оружием в обеих руках редко практиковался среди викингов, но из соображения зрелищности и нежелания портить щиты, близнецы остановились на подобном выборе.

У людей, окруживших место проведения поединка, на миг сложилось впечатление, что начинается бой человека со своим зеркальным отражением. Абсолютно синхронно близнецы сделали первый шаг. Бой левши с правшой. Меч был напротив меча, топор смотрел на топор. Братья не спешили, планомерно кружась в смертельном танце. Оружия сталкивались лишь на десятые доли секунды, переходя в замысловатые связки и пируэты. Более равносильного поединка не могло существовать, поэтому все решалось холодной расчетливостью. Тот, кто первым угадает момент в помутнении рассудка, тот и выиграет. По крайней мере, в первом этапе сражения.

Поединок продолжался. Мелкие росчерки порезов не убавляли сил братьев. Рауд передал инициативу на проведения боя близнецам, они сами решали, когда он закончится.

Внезапно Фреки сломал идеально отработанное движение, вскинув левую руку с мечом, перехватывая его обратным хватом, и сделал делая укол — будто забивая гвоздь. Гери с невероятной ловкостью успел уклониться, перекручиваясь в воздухе. А приземлившись на ноги, его глаза были уже затуманены. Это означало, что бой переходит во вторую фазу.

После коварного удара, Фреки, предвидел такой исход. Синхронный рев обрушил звуковую волну на всех присутствующих. Собаки в страхе заскулили, пасущихся коз парализовало в судороге, и даже у меня, часто сталкивающегося с этим явлением, слегка сковало ноги.

Дальше сражение было почти неразличимо, будто рой серебряных стрекоз заменил близнецам руки. Скорость их ударов поражала воображение. Было заметно только то, что мелких порезов становилось все больше. Колдовство или нет, но кровь из этих ран не вытекала.

И внезапно бой прекратился. Вот так просто, будто и не было. Близнецы посреди схватки опустили оружие, и без слов вложили его на пояса. Пар от разгоряченных тел обволакивал их силуэты.

— Достаточно ли этого, хевдинг? — хрипло спросил Гери.

— Достаточно! Не дренгами, хускардами возьму вас, сыны Лейдольва! — торжественно назначил Рауд. — Теперь время младшему из братьев показать свою удасть!

В отличии от братьев-волков, стягивать всю одежду я не стал, ограничившись плащом. Верная кольчуга, жирным блеском вороненых колец слегка отражала солнечные лучи. Линзовидный щит и меч, выкованный собственноручно, привычно легли в мои руки.

Гери и Фреки уступили пространство, они не переживали за исход, веря в мои силы. Мне бы их уверенность. Но к счастью, результатом сражения не должна была стать чья-то смерть. Это была лишь проверка моих сил.

Я встал в круг. Рауд вооружился копьём и щитом. Ожидаемо. Разница в наших габаритах была ощутимой, в размахе рук, как и в росте, я превосходил почти всех его хирдманов.

— До первой крови, Эгиль Синдрисон! — прикрывшись окаемкой щита, произнес он.

Ну — понеслась!

Ждать хевдинг не стал, тут же выстрелив копьём, мгновенно лишая меня маневров.

Уклоняясь, я нырнул под древко хогспьета, целясь мечом в ногу соперника. Мой выпад был тут же просчитан Раудом, и срубив напрочь мою тактику он пнул ногой по щиту. Массы хватило удержаться на месте, но моя атака была сбита, за что я поплатился следующим рубящим выпадом широкого наконечника копья. Дело приняло рискованный оборот, лезвие срезало верхнюю часть щита, а за копьем в ход вступил и щит хевдинга, ребром которого он метил в мой подбородок. Еще по реконструкторской памяти прошлой жизни я помнил, насколько страшен такой удар. Зачастую ущерб от легкого жита-баклера был больше, чем от алебарды. В этот же раз мой подбородок не был защищен вовсе, и выбитые зубы это лучшее, на что я мог рассчитывать при исходе попадания. Но я на такое не согласен!

Разминувшись с щитом на волосок в момент уклона, я развернулся и обратным движением руки рубанул по открытой спине хевдинга. Однако и здесь он преуспел — остановив лезвие древком копья. Силы удара не хватило, чтобы рассечь древко, но вот меч в нем завяз, чем и воспользовался Рауд, рывком дернув копье на себя. Опрометчиво. Ведь вслед за мечом летел и мой щит, а рывок хевдинга только дал мне большее ускорение. Со смачным хрустом щит врезался в налобник, порвав ремень шлема и отправив его в полет. Но в месте с тем я почувствовал, как лезвие копья легонько полоснуло меня по открытому предплечью, ведь по сути я сам чуть не насадил себя на хогспьет. И если бы хевдинг хотел, то эта безрассудная атака стала бы последней в моей жизни.

— Твоя победа, Эгиль! Быть тебе моим хускарлом! — донеслось до проясняющегося сознания.

И только сейчас я заметил, что бровь Рауда рассечена, и небольшая струйка крови алеет на его лице. Он хлопнул меня по плечу и направился в сторону длинного дома. Бой продлился всего с десяток секунд, но сердце точно пропустило несколько ударов.

— Молодец, брат! Аки медведь полез на рогатину, но своего добился! — похвалил Фреки, уже с обработанными ранами и бесовской улыбкой на лице.

— Хороший удар, но не придержи наш хевдинг копье, пировать бы тебе среди эйнхериев этим вечером, — добавил дегтя Гери.

— Ой, не нагнетай! Кровь он пустил? Пустил! Победил? Победил! Да еще кого? Хевдинга! Это тебе не Тову за ендову, это сюжет для скальдов! — разошелся младший.

— Насчет этого согласен. Ты сам-то как? Давай руку перевяжу, — обеспокоился Гери.

Тем временем к нам стали подходить хирдманы Рауда. Завязалась оживленная беседа, и сразу же меж нами возникли приятельские отношения. Мы не успели уследить, как в мгновение ока оказались в корчме и уже слагали тосты нашему хевдингу, под бурные овации товарищей по хирду.

Как я уже говорил ранее, Рауд был вождем восемнадцати хирдманов, большая часть которых являлись норегами, также были в команде и даны, трое эстов[1] и еще пара варягов. Варягов звали Ист и Дир. Они рассказали мне, что пересекались с Улебом и поведали, что сейчас он княжит на родине.

После вступления в хирд Рауда, его кормчий Вивиль взял над нами покровительство. Почему он? Потому что кормчий драккара имел второй по значимости голос в команде и решал большую часть второстепенных вопросов. В целом, коллектив собрался отменный, с поправкой на действующее время и место. А значит, каждый член команды соответствовал всем критериям «правильного» викинга: своих Богов — почитать, врагов — убивать, чужое богатство — изъять... список можно продолжить самостоятельно, как и выбрать его последовательность.

Вечером к нам присоединился Рауд, сказал перебраться на его подворье и продолжать праздник там. Тем более он еще официально не принял нас в хирд, и все формальности должны быть улажены, чтобы заключить соглашение перед богами.

Сказано — сделано. Из одной миски поели, из рога выпили, в одном сапоге прошились... под завершение он выдал нам по круглой фибуле, которую мы тут же закрепили на плащах, она символизировала нашу принадлежность к людям Луны — именно такое прозвище было у Рауда. На вопрос прозвища, Вивиль ответил, что хевдинг родился в полнолуние, когда диск луны был близок к горизонту и имел красный оттенок. Так и появилось это прозвище, что в купе с именем означало «Красная Луна». Красиво, однако.

После всех проформ хевдинг отпустил нас, но напомнил, что скоро мы ему понадобится. Ведь уже на подходе весна, и до этого нужно еще подготовиться, в том числе в умении держать строй. А пока мы пошли домой праздновать дальше, ведь родные же еще не знают, что теперь мы в хирде удачливого вождя! А на сколько хватит его удачи с нашим приходом, покажет время...

[1] Эстонцев.

— Щиты плотней! Раз! И раз! Встали! Выпад! Снорри, прикрой Барси!... — гремели команды хевдинга.

Уже второй месяц я трудился в поте лица в строю хирдманов Рауда. По соседству пыхтели близнецы, но судя по горящим глазам, им это было в удовольствие. Эти волки вообще несгибаемые. Даже мне — превосходящему братьев в физической силе, было ой как не просто совладать с их диким напором, и это не учитывая звериный супер-режим.

Сейчас же команда выглядела более слаженной, чем когда мы познакомились с ней. Рауд Луна стал хевдингом два года назад, и многие члены его хирда встали в его ряды не так давно. Но умелое управление, постоянные тренировки и личные качества воинского состава превратили дружину в единый механизм.

Кроме этого, Рауд, прознав про мои кузнечные способности, подкинул кучу работы, которую щедро оплачивал. Теперь его широкую грудь украшала вязь кольчужных колец, но в отличие от знакомых всем звеньев круглого сечения, эти были квадратного. Да, она немного больше весила, но и защитные свойства были не в пример лучше за счет ребер жесткости. Кроме кольчуг я изготовил наконечники для копий и пару мечей. Единственное, что оставляло желать лучшего — это сам материал работы. Поковки северных мастеров часто имели включения различного шлака, что влияло на их качество. Но перерабатывая их вместе с уже готовыми клинками мечей, копий и топоров, взятыми в сражениях, получался гораздо лучший результат. Тем более, когда руку к этому прикладывала еще и знаменитая вельва. Сигрун помогала наносить специальные руны на мои изделия, что высоко ценились в среде суверенных викингов.

Кстати о Сигрун. В тот вечер, когда Луна принял нас в хирд, братья таки пошли просить ее разложить руны. Не смотря на выдержанный амбрэ от близнецов, стойкая вельва бросила кости и предвещала им сражения — достойные саг, богатства — достойные конунгов, желанную смерть и общих детей. Говоря про смерть, она имела ввиду, что умрут они так, как сами того пожелают. А вот с общими детьми возникла сложность, ну да и Боги с ними, тем более никто не исключает, что у братьев уже есть дети. Тем более, если объект желаний зачастую у них был общий, то и проверить от кого дети нельзя, а значит общие!

Но вернемся к тренировке, которая уже подходила к концу. После нее Рауд собрал нас всех в своем медовом зале. Запах при этом стоял, как в казарме. Хотя почему как? Сейчас это казарма и была, но мысли об этом сразу улетучились после слов хевдинга: «Через три дня отправляемся, приготовьтесь к отплытию, вик будет долог!»

Рауд сказал, что наш драккар направится в страны Рейнлэнда, что лежит в бассейне реки Рейн. Отправимся мы в помощь датскому конунгу Сигфриду, который встал лагерем в городе Утрехт. Этот конунг уже пару месяцев терроризировал местное население, да так успешно, что никто и помешать ему не мог. Дело в том, что хозяин местных земель — Карл Толстый сейчас находился в Италии и готовился к своей коронации, забыв о защите вотчины. И даже его союзники не могли помочь ему в охране его территорий, потому как сами вели нескончаемые войны с северными захватчиками.

Наш вик обещал забить под завязку сундуки драккара, и возможность занять пару акров немецкой территории, сделав вклад в будущее. Хотя в это время данные земли

находились на стыке трех областей: Саксонии, Лотарингии и Франконии, а именоваться Германией они будут только через много лет.

Конунг Сигфрид приходился дальним родичем нашему хевдингу, и уже давно звал его встать в свои ряды. Но тогда все еще продолжалась война, устроенная Харальдом ради объединения норегов, и Рауд не мог бросить своего конунга в такой важный момент. Сейчас же, когда Прекрасноволосый окончательно утвердился в роли единовластного правителя Норвегии, Луна смог стать вольным морским вождем, и ему никто не мешал присоединиться к походу Сигфрида.

Оглушительный рык хирдманов отразил их настрой на предстоящий вик. Рауд прищурился от ярких солнечных лучей и оскалил рот в улыбке.

Сердце стало биться быстрее, предвкушая грядущие события. Всего три дня — нужно успеть покончить с делами в Тенсберге. Не сказать, что у пятнадцатилетнего хирдмана их было много, но в жизнь боевитого скандинавского подростка вплеталось сознание немолодого выходца двадцать первого века, которое напоминало о явной угрозе жизни, и подсказывало варианты предотвращения смерти. Один из которых — более качественное снаряжение, коим я и занялся в оставшееся время.

Вспоминая о поединке с Раудом, первым делом сделал наручи. У меня уже были вытянутые пластины, выкованные ранее. И все, что оставалось сделать, это срезать с них лишнее. Затем приклепать их кожаной основе и пришить ремни. Звучит просто, но на деле пришлось повозиться, однако теперь на моих предплечьях красовались дощатые наручи, которые тут же заценили братья и попросили сделать им после похода подобные.

Наше скорое отплытие Асвейг восприняла спокойно, как и любая мать северного война, спросив лишь, когда ожидать возвращения. Но на этот опрос я ответить не мог. Хакон же, в свою очередь, пожаловался на возраст, при котором уже не берут в вики и попросил привезти франкского вина: «Слыхал я, что на бургундских землях тамошние смерды выращивают особый виноград, сок которых только их конунги достойны пить. А чем я хуже?» Возражения если и были, то остались при себе.

И вот наступил назначенный час отплытия. Я вновь стоял на пристани, как когда-то давно провожая отца. Но теперь следовал мой черед отправляться в плавание. Лебединая дорога влечет, раздувая парус драккара. Сходни подняты, и канаты уже не ограничивают свободы гордого дракона. Оскаленная пасть носовой фигуры форштевня яростно смотрит за горизонт, предвещая беду всем, кто попадет на глаза резному зверю.

Объятия фьорда раскрылись, отпуская корабль в открытое море.

Могучие руки хирдманов ворочали длинные весла драккара, двигаясь в такт мелодичной саге, которую запел хевдинг. Она повествовала о том, как Ас по имени Риг странствовал по миру людей. Риг давал советы людям, и вопрошающие, помимо знаний награждались детьми. Так появились трэли, вольные землевладельцы, ярлы и даже конунги. Я не раз слышал эту балладу от скальдов, но именно голос Рауда пробирал до мурашек; ему вторили хирманы, а волны разносили слова саги на мили вокруг.

Путь был не близок. Дельта Масамунда находилась в шести днях хода драккара. Но точно предсказать время до места слияния рек Рейна и Маас было нельзя, ведь все зависело от погоды и расположения Богов — как сообщил кормчий Вивиль. Это был очень мудрый воин, чей возраст уже давно перевалил за четвертый десяток. Он прекрасно знал морские пути, и в дни, когда солнце было скрыто облаками, кормчий доставал большую прозрачную

пластину бледно-голубого кристалла. С помощью нее Вивиль мог найти светило даже в пасмурную погоду.

В ночное время мы спускали паруса и с комфортом засыпали прямо на палубе корабля, подкладывая под голову тюки из овечьей шерсти. И только кормчий или его заменяющий нес круглосуточную вахту у рулевого весла. Места на борту было много: морской змей Рауда располагал пятнадцатью парами весел, но команда насчитывала только двадцать два члена, поэтому некоторые румы пустовали.

Под конец пятого дня на горизонте стала проглядывать зеленая полоса земли. И на утро шестого мы достигли дельты Масамунда. По сторонам от драккара расходились пологие берега Фрисландии, усеянные солончаками и заболоченными участками. Пройдя через слияние рек, мы свернули в рукав Рейна, поднимаясь вверх по течению. Изредка на берегу виднелись селения. Жители которых, завидев хищную морду драккара, тут же разбегались как муравьи. Вивиль направил корабль в левую отворотку и вскоре пред нами предстали стены каменной крепости, величественно возвышающейся над бортом морского дракона. У пристани Утрехта были пришвартованы восемь кораблей, а ворота в крепость гостеприимно распахнуты. Хозяева бастиона явно не переживали о своей безопасности. Ведь кто в здравом уме нападет на орду свирепых северян?

Потеснив рыбацкие шлюпки, мы десантировались на причале, оставив на корабле пару человек.

Сверкая лучшими одеждами, наша бравая команда направилась за величественные стены Утрехта. Интересно, так ли родич Рауда желает видеть нас в своих рядах? Поживем — увидим!

Средневековая крепость.

По рассказам, она была построена еще прогрессивными римлянами и перешла в наследство нынешнему королю этой земли. Не знаю как здесь дело обстояло раньше, но сейчас запах нечистот, смешанный с терпким ароматом казармы и жизнедеятельности скота — образовали непередаваемый букет франкского бастиона. Но мы люди не брезгливые, и к такому привыкли.

Благополучно прошествовав до входа в резиденцию конунга Сигфрида, мы перекинулись парой слов с воями, что несли службу. Дальше преодолели ворота и оказались в просторном зале. Этот холл мог бы свободно вместить и десять сотен человек, но сейчас под его сводами восседало почти вдвое меньше. Во главе тронного зала на возвышенности сидели двое, азартно передвигая фигуры хнефатафла. Окружающие игроков дружинники, перебивая друг-друга, советовали, какой фигурой сделать ход в следующем раунде. Их споры были такими яростными, что казалось, будто вслед деревянным фигурам полетят и головы. Но после гневного рыка одного из дуэлянтов, хирдманы приутихли и дальше наблюдали молча.

— Сигфрид, следующим ходом твой маленький конунг[1] падет, предлагаю нам и дальше играть на твое золото! Еще пару партий и я сам стану конунгом! — с улыбкой заявил невысокий, но крепкий мужчина с обширной плешью среди каштановых волос.

— То, что я поставил тебя правой рукой, дало мне намного больше богатства, чем я потерял сейчас, Гудфрид! — ответил улыбкой второй. Несвойственная войнам севера полнота отличала его от остальных собравшихся. Пшеничные локоны перетекали в толстую цепь на его шее. Шелковый кафтан и отороченный мехом плащ покоились на массивной фигуре, делаая его похожим на короля в представлении мультфильмов. Если бы не украшенное шрамами бородатое лицо и узловатые руки, в чьих силах гнуть подковы. Не снимая их с лошади.

Наконец дуэлянты обратили внимание на вошедших гостей.

— Вот это да, ты наконец соизволил появиться племянник! Неужто Харальд покорил все земли, не оставив на картах места без своего имени?! — гулко расхохотался конунг Сигфрид.

— Он оставил немного и для нас, дядя! Рад тебя видеть в добром здравии! Ооочень добром! — Рауд, смеясь, похлопал по животу сверкающим чешуёй доспеха.

— Давай, присоединяйся к нам! Съешь этих мягких франкских булок, да выпей терпкого вина. Тогда ты тоже прибавишь стати, что уж говорить, — вздохнул он, — не смотри так, как только наши драккары сойдут с причала, мой жирок сгорит, как и земли Рэйнлэнда!

Последнее конунг Сигфрид добавил для красного словца. Потому как богатые, плодородные земли могли дать больше золота, чем военные походы. И каждому в этом зале хотелось иметь часть этих территорий.

Немного пообщавшись с родичем и разделив с ним последние новости, Рауд представил своих хирдманов конунгу и его людям. Упомянул он и нас, сделав акцент на зверских натурах братьев. Хотя их природа и так ясно читалась всеми, ведь татуировки когтистых лап

на кистях близнецов сложно было не заметить. Конунг же, в свою очередь, также представил близкий круг соратников. В их числе был ярл Гудфрид. Этот человек являлся отличным стратегом. Именно он посоветовал Сигфриду вовремя выйти из военного конфликта, происходящего в западной Лотарингии, в ходе которого морские волки понесли тяжелые потери. И пока все силы противника были стянуты на Западе, Сигфрид нанес внезапный удар на восточные земли. Пройдя огнем и мечом по руслу Рейна, он собрал богатую жатву с местного населения, подчинив несколько городов. Во всем этом конунгу помогал Гудфрид.

После всех приветственных слов, Сигфрид выделил нам пару домов в пределах крепостных стен, и сказал отсыпаться с дороги, потому как вскоре нам будет не до отдыха.

Но часто ли бойкие подростки слушают советы старших товарищей? Поэтому, не долго думая, мы с близнецами направились во внутренний двор каструма[2], где видели группу меряющихся удалью людей. Они организовали небольшой круг, в центре которого боролись два поединщика. Борьба не была замысловатой, скорее походила на попытки сломать ребра сопернику или свернуть ему шею. Окончанием служила сдача одного из оппонентов или его полный нокаут. Хоть ударов кулаками я не заметил, но тычки ладонями и ощутимые выпады локтями присутствовали.

— Братишка, ну это по твою душу развлечение! — оскалился Фреки.

— Почему бы и вам не попробовать себя? — спросил я.

— А кто против нас выйдет? Мы лучше за тебя поболеем, — ответил Гери.

— И золотишко поставим! — находчиво добавил младший близнец.

А борьба двух бородатых детин тем временем подходила к своей финальной стадии. Один из соперников зажал голову другого удушающим приемом, попутно волоча его лицо по песку. Немудрено, что после ужина землей неудачливый поединщик начал хлопать по рукам оппонента в знак прекращения схватки. Выплюнув плодородную почву изо рта, проигравший не смутился результатом поединка. И, как ни в чем не бывало, начал вести вполне светскую беседу о различных техниках борьбы, в которых, по его мнению, у него имеется больше опыта.

Вклинившись в круг, я снял кольчугу и тунику, передав их братьям. Также стянул все драгметаллы и распоясался.

— Эгиль Синдрисон, хускарл хевдинга Рауда Луны!

— Аудун Ветроудуй! Хускарл ярла Гудфрида! — вперед вышел щербатый парнишка среднего роста, но крупного телосложения.

— Пожалуй я догадываюсь, почему тебе дали такое прозвище, хе, — в толпе прозвучало несколько смешков на мою шутку.

— Та не! Наш Аудун, когда драккар в штиль попал, предложил всей команде в парус подуть! Вот за смекалочку ярл и дал ему прозвище, — пояснил его сопалубник.

— Да он отовсюду мастак ветры дуть! — добавил кто-то в стороне, и его поддержали дружным гоготанием. Что подтвердил и сам Аудун, продемонстрировав свои великолепные навыки.

Таким образом моим первым соперником стал мастер метеоризмов. Почему первым? Потому что в себе я уверен, и золото лишним не бывает. Во время нашей разминки братья активно взяли на себя роли букмекеров, принимая денежные ставки у зрителей и возможных участников импровизированного бойцовского клуба.

Общие правила нам были известны, и после задорной команды Фреки мы двинулись навстречу друг другу.

Ветроудй не стал применять голову по назначению, и решил просто использовать ее как таран, помчавшись в моем направлении словно баран. Подсечка слегка остудила его пыл, но продолжать борьбу с ним мне не хотелось, поэтому скручивание плеча заставило грозу парусов сдаться. Отряхнувшись, он немного расстроился длительностью схватки, но кувшин вина в руках его товарища вернул Ветроудю улыбку.

— А ты неплох, сын Синдри, давай со мной! — сходу влетел в круг победитель прошлого поединка, — Ты, наверное, слышал, но я повторю, Бруси из Раумсдаля! — и без объявления войны рывком подлетел ко мне.

Судя по лаконичности его движений, у него была какая-то тактика и он её явно придерживался. Поэтому я чуть было не проморгал момент того, как Бруси начал заходить мне за спину. Видимо он частенько практиковал этот финт, а следующим движением шел на удушающий. В таком случае не будем обламывать отработанное движение, лишь подправим конечный результат броском через спину. Не ожидал? Когда-то я так заработал четыре победных балла на турнире по самбо. Но Бруси молодец, не упал пластом, а ловко перекатился и вновь оказался на ногах. Тем интереснее!

Мы поработали еще минут пять, но разбойнику из Раумсдаля сильно не хватало техники. Объективно говоря, простому воину все эти болевые и удушающие не так нужны. Сложно представить ситуацию, где пара викингов сражаются сначала на мечях и щитах, а потом бросают оружие и месят друг друга кулаками. Единоборства здесь имеют скорее прикладное значение, которое и кровь разгонит, и позволит увлекательно скоротать с друзьями часок-другой.

Свою же кровь я уже неплохо разогнал и закончил схватку излюбленным приемом оппонента. К сожалению, упертый норег не пожелал сдаться, и кратковременно уснул. Но звонкие пощечины его друзей быстро привели Бруси в чувства.

Третьим в круг вошел немолодой воин, но легкость его походки говорила о многом. Стянув рубашку, свету предстал его испещренный шрамами могучий торс. Однако лицо при этом оставалось чистым от ран, лишь в бороде местами темнели подпалины: "Хольд конунга Сигфрида, Дарри Наковальня. Начнем?"

— Я готов!

Верный брат молота неспеша встряхнул руками и сходу прошел в ноги. Я чуть не встретил его лоб коленом, но в последний момент отдернул себя и навалился сверху на Дарри. Разница в нашем весе была минимальной, но из-за более длинных конечностей мне было сподручно держать его на удобном расстоянии. Между тем Наковальня умудрился незамысловато схватить меня за предплечья и сдавить своими пальцами так сильно, что я чуть не взвыл. Не руки, а настоящие клещи! С великим трудом я подсёк ему ноги, и мы оба завалились на землю. Это была моя ошибка.

Кто же знал, что он просто поудобнее перехватится и продолжит своими пальцами рвать мне мышцы. Еле как я занял верхнюю позицию и вдавил локоть в его солнечное сплетение, затрудняя дыхание и причиняя ощутимый дискомфорт. От этого он старался выползти из-под меня, усиленно работая корпусом. Но теперь настала моя очередь брать инициативу в свои руки, которыми я и провел рычаг на его локоть. Дарри сопротивлялся как мог, но даже стальные мышцы подчиняются законам физики.

И вновь триумфальная победа, и крики близнецов вместо фанфар. Этот поединок дался мне ой не просто: как бы меч завтра держать смог — руки ходуном ходят. Так что в дальнейшие схватки пройду без моего участия.

— Пока ты там в грязи валялся, мы разузнали, что этот Дарри один из лучших кузнецов в Мидгарде... эээ, ну после тебя, конечно! Говорят, он выпытал примочки франкских оружейников, а еще ходил на восток и узнал секрет жидкого железа, что не надо чистить от шлаков. Ты ему подари что-нибудь, что сам выковал, авось поделится знанием! — шепотом пояснил Фреки.

— И возьми свой выигрыш, твое мастерство принесло нам три марки серебра, братец! — подбросил мне тугой кошель Гери, который едва не сделал скворечник в моей грудной клетке.

— Чуть не убил!

— Не самая плохая смерть, умереть засыпанным монетами, — прыснул младший близнец.

— Не думаю, что золото откроет тебе ворота Вальгаллы, — обронил старший.

— Вальгаллы может и не откроет, но многие другие настезь распахнет, — добавил я.

Так, с новыми знакомствами и ощутимым прибытком мы отправились на боковую. Ведь совсем скоро нас ждет покорение чужих земель, массовые убийства и другие смертные грехи во всех своих проявлениях. Или скоропостижная смерть, но это не точно.

[1] Хнефатафл или просто тафл, это древняя скандинавская игра. Основным смыслом которой для первого игрока, это «съесть» фигурку конунга, а второго — не позволить этого сделать и вывести конунга в угол игрового поля.

[2] Римское фортификационное военное поселение.

Неделя в Утрехте пролетела как на курорте. Отдых вышел на славу. Мы расслаблялись в компании тир и вкушали изысканные блюда дополненные неповторимым терруаром местных вин. К тому же успели присоединиться к совместным тренировочным баталиям, где шесть сотен бойцов разом имитировали захват вражеской крепости. Участвуя в этом, я понял, что именно таким образом Сигфрид с легкостью подчинил себе несколько городов на пути. Во период военной выучке мы также разбивались на команды и "играли" в захват знамени, что естественно не обходилось без травм. А еще разделялись на фелаги[1], где мы с братьями проявили себя в лучшем свете, что отметил сам конунг Сигфрид.

Помимо развлечений и тренировок, я успел завязать дружбу с Дарри. Он оказался отличным мужиком, но, как и все кузнецы, свято хранил свои секреты. С собой в поход я взял не так много вещей, однако среди них был выкованный еще в Тенсберге рондель. Честное слово, не знаю зачем я его сделал. Вроде хотел скрамасакс, а вышел ромбовидный в сечении кинжал милосердия[2]. При должном умении он смог бы спокойно пробить кольчужный покров насквозь, но чаще сего им я пользовался вместо шила. В любом случае клинок вышел достойный, за него мне не было стыдно даже перед именитым кузнечным мастером. И мастер подарок оценил. Один раз взглянув, он сразу понял всю прелесть применения этого кинжала.

— Ты сам делал эту сталь, сын Стейна? — Наковальня пригляделся к волнистому рисунку на клинке.

— Я пытался сварить смесь железа и чугуна в тигле, но слиток получался хрупким. Перепробовал кучу способов, но все были неудачными. Потом такую же смесь поместил в железный короб, который и расковал. На удивление получилось. Так сейчас и кую все, — поведал свои тонкости я.

— Узор на клинке... Такие я видел на лучших восточных саблях. Его называют «кара табан». Удивлен, что у тебя получилось его добиться без варки стали. Ты отличный мастер, достойный Бога-кузнеца Вёлунда! Это очень дорогой подарок, Эгиль. Пойдем ко мне в кузницу, я постараюсь подобрать тебе что-нибудь взамен, — Дарри показал за крепостные стены.

Широкая центральная дорога вывела нас за ворота. Дальше мы свернули на песчаную тропинку и направились к кузнице, что лежала на за пределами форта. Она стояла особняком, сторонясь других ремесленных строений. Чем дальше отходили от крепости, тем тише становилось вокруг. Опустевшие мастерские тоскливо глазели провалами окон; люди покидали дома в спешке.

— Где все ремесленники? Разве вы не брали их в плен?

— Мы ведь не сразу прибыли в Утрехт. Сначала пощипали другие города, а когда приплыли сюда, то здесь почти никого не было. Крепость сдалась еще до нашего прихода. Но мы все равно выловили с пару сотен людей по лесам, вот только среди них умелых не сыскалось. Хотя нет, вру! Прибежал тут один парнишка, сын горшочника. Сказал, что мы его семью убили, а он выжил значит.

— И что с ним стало?

— Мы все подумали, что у него кукуха поехала, но поведение парня позабавило

Сигфрида. Конунг спросил его имя и потом сказал: «Мальчик, который выжил, ты пришел, чтобы умереть?» — Дарри взял театральную паузу.

— А дальше?

— А дальше этот парень залепетал что-то непонятное на своем языке, начал руками махать... ну конунг и огрел его первым, что под руку попало. Оказалось, что черенок метлы крепче головы горшочника... Давай заходи, ты же и сам кузнец, печных духов бояться не должен! — приглашающим жестом отварил дверь кузницы Дарри.

— Секретов своих поведать не могу, ты уж извини, но думаю тебе многое откроется, даже если просто посмотришь на убранство кузни, — Наковальня окинул взглядом помещение, сложенное из дикого камня и толстого сруба.

— Ты пока можешь осмотреться, а я сейчас подберу тебе что-нибудь!

Внутри располагалась внушительная печь с замазанными глиной стенками, и закрытые кожаные меха, сопло которых терялось в недрах горнила. На стенах были развешены большие и маленькие молоты и кувалды. Недалеко от печи лежала высокая корзина с углем. Еще в этой части помещения стояли пары бадей с водой и маслом, а также дубовый стол, с выстроенными на нем рядами тиглей и горшочков. И конечно же наковальня. Она представляла собой обтянутый металлической лентой пень с закрепленным на нем пластом железа.

Дальше имелся проход, за которым находилась небольшая спальня. Здесь и поселился Дарри.

— Ну вот, а это тебе! — после пары минут вышел из дальней комнаты Наковальня.

В руках он держал то, что я как раз и собирался выковать вместо ронделя. Отличный скрамасакс! В локоть длиной и с толстенным обухом. Таким и люки канализационные подцепить можно было бы. Когда я пригляделся, то заметил настоящий булатный узор. Хаотичный рисунок расходился замысловатой рябью подобно волнам в омуте.

— А ты послушай, как он звенит! — Наковальня передал мне нож. Я подвесил кинжал за темляк и аккуратно щелкнул ногтем по клинку. Кузницу наполнил колокольный звон, благовест которого длился пару минут.

— Век бы слушал! Он теперь твой, Эгиль! — ухмыльнулся в седеющую бороду мастер. — Отдарок за подарок!

— Ты по праву лучший кузнец на моей памяти, Дарри!

— А вот я на Йоль встречал одного мастера, который назвался Велентом. Он сказал, что кормит своих гусей мелкими кусками расколотых мечей, а после собирает кусочки по двору и перековывает их.

— И зачем?

— Он сказал, что от гусяного чрева сталь тверже становится. Ну не буду же я каждому встречному верить, и проверил... и знаешь что? Меч действительно получился тверже! Хотя сейчас таким методом я не пользуюсь, да и гусей столько не напасешься, — хихикнул Дарри.

— А говорил секретами не поделишься! — я похлопал его по плечу. — Я рад, что завел дружбу с таким замечательным мастером. Надеюсь, духи кузни не станут против небольшого праздника в их доме?

— Этих шалопутников углем не корми, дай пива выдуть. Уж, зело им оно нравится. Мы с ними в этом похожи, хе! — как по волшебству в руках Наковальни появилась крынка хмельного.

Что ж, за знакомство!

Это был последний день в Утрехте, потому что на рассвете мы отправились покорять Кёльн!

[1] Небольшое боевое объединение или группа бойцов в составе хирда.

[2] Мизерикордия, кинжал милосердия (фр. *misericorde* — «милосердие, пощада») — кинжал с узким трёхгранным либо ромбовидным сечением клинка для проникновения между сочленениями рыцарских доспехов, является собратом ронделя.

О скором покорении Кёльна нам сообщил Рауд, который был на совете вождей и их приближенных. К коим мы пока отношения не имели. На собрании обсуждали стратегию военных действий и последующую дележку взятой добычи. Было решено разделить флот на две части. Пять кораблей первой группы во главе с конунгом Сигфридом пойдет вверх по руслу Маас до одного из религиозных центров Лотарингии — Эльсло. Следующей целью паломнического пути истинноверующих северян служила базилика города Льеж. Затем два монастыря в Стаvlo и еще один в городке Прюм, что удобно расположился на старом римском тракте из Эльсло ведущим вглубь материка.

Вторая группа, частью которой являлась наша бравая команда, держала свой разбойничий путь вверх по течению Рейна в большой и богатый город Кёльн, упомянутый ранее. Следующий рейдерский захват должен проходить в месте проведения церковных сборов — Кобленц, главный монастырь которого скрыт за каменными стенами древней империи. А дальше наши группы должны встретиться недалеко от города Трир и, возможно, взять его в осаду.

Вот и весь план. Сложен ли он? Да скорее нереален! Но кого это интересует; акулы уже учуяли кровь, и их не остановить.

Стараясь обогнать вести гонцов, драккары стремительно разрезали килем полноводный Рейн. Корабль Красной Луны шел первым в колонне, задавая темп остальным суднам в кильватере. Днем я не замечал времени, ворочая длинным веслом, а ближе к сумеркам мы увидели за поворотом реки большой город. Кёльн встретил нас сонной безмятежностью.

Оставив корабли на приличном расстоянии в остром колене Рейна, большой отряд викингов стал пробираться по заросшим высокими кустами холмам к городским укреплениям. Вид с пригорка нарисовал подсвеченное огнями костров франкское поселение, поделенное на жилые квадраты. Стройные секции домиков, плотно стоящих друг к другу, соседствовали с древними руинами, а над городом возвышались башни и угловатые крыши богатых соборов. Через реку в ее самом узком месте был перекинут длинный каменный мост, ведущий к одним из пяти крепким воротам. Кёльн выглядел неприступным.

— Как нам перебраться через стены? — спросил у Рауда один их фризских хевдингов Сигфрида, присоединившийся к нашему отряду.

— Франки не знают, что мы здесь. Может их вои и несут службу у врат, но к нам они не готовы. Ночь безлунная, мы можем подойти к ним вплотную, лишь бы лестницы достали до кромки их заборола.

На пределе слышимости две полные сотни вдоль берега подкрались к наиболее низкой части стены, переплыв небольшой ров. Ночь была столь темна, что мы шли практически на ощупь, а звук шагов скрывался за шелестом речных волн.

— Я пойду первым, со мной Ист, Дир, Глум Легконогий, Эгиль и Халь, — прошептал Луна.

Услышать свое имя среди группы диверсантов было неожиданно, но приятно. Это значило, что хевдинг уверен в моих умениях и может доверить настолько ответственное задание.

— Я подам сигнал, когда ворота будут свободны, — Луна и Вивиль аккуратно

приставили высокую лестницу к стене. Слава Богам, что она оказалась вровень укреплению. И Рауд тут же начал карабкаться вверх. Лестница плотно примыкала к каменной плите, и слегка поскрипывала под его тяжестью; казалось, что от малейших звуков может проснуться весь город, но следом за хевдингом полез еще более крупный Халь, стройный Глум, затем и остальные, а горожане наивно не обращали внимание на подозрительный шорох.

Все выбранные Раудом вои отлично работали в ближнем и дальнем бою, и тут же нашли свои цели. Ворота располагались в метрах тридцати от нашего участка стены и охранялись четырьмя франками. Вдоль стены, сонно кивая головой стояли еще несколько служивых.

Одновременные броски четырех норманнов[1] мгновенно оборвали жизни неудачливых стражей. На шум падающих тел обернулся франк, стоящий на стене, но упал за ее пределы, пронзенный моей стрелой. Оставшейся защитник нашей части крепости был расторопнее и успел закричать, прежде чем Глум пронзил его копьем. Но для жителей Кёльна все было уже решено, потому что Ист и Дир подняли тяжелый дубовый засов, впустив в своды крепости неумолимый поток захватчиков. Инфернальный рев викингов вторил надрывным крикам горожан. Загорелись факелы, разжигая деревянные перекрытия домов. Изредка на нашем пути появлялись вооруженные франки, но их попытки дать отпор вызывали лишь безумный смех захватчиков. Викинги подобно смертоносным вирусам распространились по городским артериям сея смерть и разрушение на своем пути. Власть силы и безнаказанности опьяняла.

Кровь из отрубленной культи франка брызнула мне в лицо, разозлив меня еще сильнее. Ему уже никогда не держать меч в правой руке, как и головы на плечах. Отсеченный череп покатился в сторону огромного собора, направив меня к новой цели. Застланный безумием разум послал тело за новой порцией кровавой жатвы. Массивная дверь Божьей Обители сопротивлялась отчаянно, но сдалась под яростными ударами найденного у франка топора. Развалив в щепу дверь, я тут же метнул франциску[2] в первого встречного монаха. Остальные служители Господа даже не пытались убежать, рыдая от страха. В нос ударил запах мочи.

— Жалкие смерды даже с достоинством не можете умереть! — мой рев еще долго отражался эхом под куполом собора, ему откликались резкие взмахи меча и вопли убиваемых монахов.

Этой ночью я совершил еще много грязных поступков, влекомый самыми низменными позовами. Когда сознание начало проясняться, первой мыслью было: «Что же я наделал?» Но ответ пришел сам собой: «Что хотел!»

Я понимал, что можно бесконечно прикрываться лозунгами противоборствующих фракций, поступать так исходя из интересов страны или высших сил, но итог всегда один. Каждый делает только то, что хочет. И кровь на моих руках только для меня, это я посвятил ее себе, и я сам захотел ее пролить. Но жаль, что в момент амока на моем пути оказались беззащитные служители церкви. Надеюсь, смерть для них — лишь начало пути, и они попали туда, куда хотели.

Разграбление продолжалось несколько дней, норманны обобрали Кёльн до последней нитки самыми изощренными способами: простым грабежом, наживаясь на выкупе знатных граждан их родственниками, рабовладельчеством. Все это принесло огромную прибыль каждому, особенно тем, кто выделился во время осады. Этим промышляли близнецы, которые получили по три доли от добычи на брата, потому что единолично справились с целым отрядом франков. В зверином режиме им только драки и подавай, хотя я не далеко от них ушел... Пока братья отсыпались, я решил пройтись по Кёльну. Дорога вновь привела

меня к собору, и после минутной паузы я решил войти внутрь.

Мертвые тела монахов убрали, но все мозаичные плиты пола были в густых красно-бурых разводах. Все украшения храма оказались варварски вырезаны. В помещении не осталось ничего хоть сколько-то ценного, кроме барельефов и фрески, на которой ангелы собирали алый виноград. Сейчас их взгляды наполняла скорбь. Или это мне только кажется...

Когда я вышел на центральную улицу, увидел Дира с факелом в руке.

— Варяг, зачем тебе факел днем?

— Хочу поджечь вооо-он тот дом! — он указал рукой на большое здание впереди.

— А что там? — заинтересованно спросил я.

— Айда за мной.

Указанное варягом здание оказалось библиотекой. Занавешенные окна не пропускали свет, но редкие щели прожигали пространство потоками света; пыль мерно оседала, напоминая снегопад в безветренный день. Широкие полки вовсю были заставлены книгами и свитками. В центре рядами ютились пюпитры, обращенные лицевой стороной к пустующей кафедре. Проходя мимо полка со свитками, я невольно развернул один из них. Мда, надеяться на понимание было ни к чему, но я восхитился тонкой и кропотливой работе писаря.

— А знаешь, не буду поджигать тут ничего, — доложил варяг, — вот зима наступит, придут холода, тогда и подпалим!

— Зачем вообще жечь книги? Их же на худой конец можно продать.

— А ты зачем всех монахов в капусту покрошил? Их тоже продать можно было, — задел за живое Дир, — рабы они плохие, конечно, зато многие врачевать способны.

— Но эти бумаги — бесценное знание, — возразил я.

— Ага, что-то я не вижу тут очереди, где хоть один человек за ломанный дихрем купил бы эти свертки. Знания, это прекрасно! Вот только зачем нужно оставлять его нашим врагам? — он развел руками, отчего факел прочертил темный развод на побелке потолка.

— Грамоте тоже можно научиться, тогда свитки принесут тебе пользу.

— Франкам она не помогла, а мне проще вот этим, — варяг потряс факелом — золото добыть, чем искать способы в каракулях на бумаге. И давай, раз жечь сейчас не будем, так пойдем, душно здесь.

Уберег ли я библиотеку — сложно сказать. Но попытка была, и надеюсь мне это зачтется.

К вечеру очухались братья-волки. После пробуждения каждый опрокинул по литру разбавленного вина, и вместе мы пошли смотреть на выделенные нам доли награбленного добра. А смотреть было на что: позолоченная минора с гравированной звездой Давида. Весил подсвечник добрый килограмм, сколько золота в нем непонятно, но смотрелся шикарно. В комплект к нему шла медная ханукия. Кроме того, в карман близнецов вошли несколько крестов разного состава, и пара неплохих франкских шлемов. А на сдачу отсыпали кошель серебряных монеток с именем Карла Великого, равный марке по весу.

Мой улов был не столь выдающимся, однако тоже солидным. За успешную диверсию городских ворот мне прибавили еще одну долю. В итоге моей добычей стали четыре марки серебра и золотой перстень — уж очень мне он понравился в момент дележки. Кстати о ней, пока близнецы наслаждались беспробудным сном я сражался за их материальное благосостояние как лев. И справился с этим весьма успешно, ведь моим учителем был Хакон

Легенда, а уж этот старик мог бы и душу у дьявола выторговать.

В общем все были довольны, осталось лишь договориться с муками совести, потому что Кёльн являлся лишь первой остановкой в странствии бедных мореходов с Севера. Их недостаток должен вырасти милостью монастыря города Коблец, но будут ли так щедры монахи?

[1] Так называли морских разбойников жители Западной Европы, а слово нурман или урман, чаще использовали наши соотечественники для именованя северных флибустьеров.

[2] Боевой топор франков, основное распространение имел за пару веков до описываемых событий, но встречались и более поздние находки.

Торопиться не было нужды. Но и задерживаться не стоило, иначе на подмогу горожанам и священнослужителям может выступить целая армия равнодушных владельцев этих земель. После столь наглого вторжения в размеренную жизнь франкского города, вся округа уже стояла на ушах.

Для выхода из Кёльна пришлось снимать мачту, чтобы преодолеть мост. В дальнейшем на нашем пути это случалось не раз. В один из которых, разбушевавшиеся франки пытались осыпать драккары булыжниками, но залп из стрел, а затем и копий решил проблему хулиганов.

С попутным ветром весь путь до Кобленца занял не более, чем половину дня. Красавец монастырь стоял на живописном речном острове, клином разделяющим поток Рейна на основное русло и приток Мозель. Помимо храма в пешей доступности располагалась внушительная крепость, а поля за ней дробились мозаикой сельских угодий.

Стены, огораживающие базилику, в неприступности могли поспорить с крепостными. Взять нахрапом их будет непросто. Но когда нас пугали сложности? Хорошо хоть, что рва нет.

Солнечный диск только начал клониться к горизонту, когда экипаж четырех драккаров вольготно встал у высоких ворот монастыря. Крепость, что лежала на отдаленном холме, мы просто проигнорировали, как и ветхие халупы крестьян. Если за ее каменными укреплениями если и было богатство, то оно не шло ни в какое сравнение с монастырским, а про смердов и говорить нечего. Потому что сбережения простых людей рано или поздно попадали в церковь. И этот факт был крайне выгоден для сребролюбивых скандинавов.

На длительную осаду мы не рассчитывали, но небольшой военный лагерь под монастырскими стенами вырос сам собой в считанные минуты. Звуки колокола оповестили о вечерней молитве, вслед за ним послышался надрывный хор христиан:

— *A furore Normannorum libera nos, Domine*[1]! — звучало за стенами.

Но как говорится: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!» Возможно поэтому уже на следующий день у зубчатого парапета появилась фигура в золотой рясе и визгливо начала что-то вещать. Однако пару слов из монолога парламентаря было известно каждому уважающему себя норманну: золото и серебро!

Среди нас были и те, кто свободно общался на языке франков, в их числе состоял наш хевдинг, который тут же стал рьяно спорить с эмиссаром церкви о цене. Торги были долгими, под их завершение обессиленного представителя монастыря увели с парапета под руки. Но итогами переговоров Рауд был доволен, а у меня от них буквально отвисла челюсть...

Тысяча фунтов! Или по-другому — пол тонны серебра! И это только за то, чтобы мы убрались отсюда и не насаждали своим присутствием Кобленцу в ближайшие пару лет. Сундуки с богатством договорились спустить утром.

И вот он — торжественный момент! Медленно, но верно огромные сундуки, что сами по себе являлись сокровищем, опускались к земле. Оперативно к месту приземления подвезли две телеги, одна из которых была вытянута и накрыта плотной тканью. Четыре крупных нурмана слаженно перетаскивали сундуки в небольшую телегу, и под улюлюканье

товарищей повезли ее к драккарам.

— Вы получили, что хотели! Убирайтесь! — перевел Вивиль крик настоятеля храма.

— А знаете... мы тут подумали. У вас так много серебра, что вам оказалось не сложно расстаться с малой его частью. Правду говорят ведь, что ваш Бог просит делиться? А наш требует забрать все! — насмешливо ответил Рауд.

— Но ты поклялся вашим главным языческим богом! — на священнослужителя было жалко смотреть.

— А ты разве не знал, что одно из имен Одина — Бог Лжи?! — расхохотался Луна и сдернул с длинной телеги тент.

Под ним оказался внушительный таран, который тут же подхватили десятки сильных рук и с грохотом опустили его на монастырские ворота. Монахи были настолько растеряны, что не сразу додумались обрушить шквал камней и стрел на клятвопреступников. Когда же их посетила эта мысль, таран был уже прикрыт щитами и сделал весомую вмятину на вратах.

Дерево жалобно скрипело и громкий треск озаменовал, что проход открыт.

Нетерпеливые близнецы, синхронно взревев, одними из первых влетели во внутренний двор монастыря. Брызгая слюной, они устроили кровавую баню под гул церковного колокола. В этот раз его благовест сообщал о вторжении, призывая всех на помощь, но помощи не было. Гарнизон близлежащего замка навряд ли сунулся бы сюда даже с двойным перевесом в его пользу.

Колокол пробил в последний раз; звонарь, пронзенный копьем сверзился с высоты — в момент падения потянув за веревку-стремя.

Во дворе не осталось никого, кроме десятков истерзанных тел.

Перед продвижением дальше Рауд сказал мне охранять тыл, чтобы никто не пересек монастырские ворота, особенно люди Севера, потому что те непременно захотят скрыть добытое добро от остальных. А на глазах у свидетелей, это сделать проблематично.

После случая в Кельне, я был рад такой службе. Тот приступ ярости заставил надолго погрузиться в себя, пока я не нашел верные выводы. И сейчас, как и в будущем, я хотел бы избегать подобных расправ, тем более над безоружными. Да, у монахов были луки, но против плотного, укрытого щитами хирда, они абсолютно бесполезны.

Немного забывшись, я повел плечами. Даже на улице было различимо, как в недрах базилики рев Гери и Фреки резонирует в ее сводах. Слышался привычный для викингов иллитерат бойни. Но внезапно из общего гвалта я вычленил звуки коротких перебежек. Пять монахов в серых рясах крались от кельи к келье, и зайдя в одну из них так и пропали.

Оставив ненадолго пост, я решил посмотреть, куда спрятались беглецы. Внутри аскетичного затвора стояла кровать, небольшой сундук-стол и стул. И все. В ней даже окон не было.

Одно из двух, либо они телепортировались с помощью молитвы, либо в комнате лаз. К сожалению, молебен способствует трансгрессии лишь в теории, потому что под кроватью обнаружился узкий изнорок, в котором я чуть было не застрял. Пришлось даже снять с пояса меч и ползти с ним в руках. Нора вывела к небольшому проходу, а тот выходил к заросшей высокими кустами пойме реки, где два монаха судорожно пытались запрячь в телегу двойку лошадей. Еще восемь сидели в возу, пряча залитые слезами лица в рясах.

Несчастливым конюхам наконец удалось унять дрожь в руках и закрепить запряжку, но тут они увидели меня и застыли. Лики ужаса отразились в их глазах, рты искривились в беззвучном стоне. Один монашек попытался сорвать с шеи небольшой серебряный крест,

наверное, этим хотел купить себе жизнь, но сидящий рядом аббат ударил его по рукам и смиренно стал дожидаться своей участи.

Кони перебирали копытами на месте, но после шлепка плоской стороной меча по крупу, дернули повозку вперед. Обескураженные конюхи как истуканы смотрели на меч и не могли двинуться с места. Пришлось поместить его в ножны и показать рукой вслед отдаляющейся телеги. На второй раз до них дошло, и сверкая пятками, они ломанулись за ней.

Вздыхнув, я полез обратно через лаз к своему посту. Аккуратно, приставляя ноги на свои же следы, чтобы в случае чего, меня не заподозрили. К счастью, никто за время моего отсутствия не покинул стен монастыря, и весь внутренний двор так и остался пустующим. Отряхнувшись у ворот, я присел на брошенный посреди таран и принялся править меч.

На душе было прекрасно! Даже не смотря на литры крови, впитанные землей вокруг, мертвые и умирающие тела, поруганные реликвии и святилища. Есть то, на что повлиять я не могу, а что мог, то сделал. Я не пытался замолить грехи, когда отпустил тех франков: религиозностью и в прошлой жизни не обладал, но спасенная жизнь, никогда не бывает одна. Спасая кого-то, спасаешь и себя. Так хоть немного получилось унять грызущего совесть червя. Конечно, можно поспорить с тем, а спас ли я монахов? Скорее просто проигнорировал, но так даже лучше, ведь я не убил их, не сообщил о них другим, даже по карманам шарить не стал.

Тем временем стали возвращаться довольные работники ножа и топора, с церковными реликвиями в руках. Вивиль, облаченный рясу главного настоятеля, (к слову, ему она была явно к лицу, в отличие от крикливого первовладельца) через весь двор прокричал мне:

— Парень! Все, можешь бежать в христово святилище, тебе и твоим братьям по доле с общей добычи! Мы близнецов в телегу положили! Спят!

— Добро! — на бегу ответил я.

Все налаживается. Главное делать добрые дела! Сделал, и на тебе подарок судьбы. И жить хорошо и жизнь хороша!

А дальше? А дальше осада одного из богатейших городов франкских земель — Трира!

[1] «От ярости норманнов избави нас, Господи!»

Но не всем планам суждено сбыться.

Трир встретил нас высоченными стенами, за которыми алели черепицей сотни уютных домов. С высоты холма просматривались многочисленные церкви и огромный амфитеатр, просторные форумы, высокие дворцы и общественные термы, а у восточной стены лежал грандиозный ипподром. Улицы нарежали весь город на ровные секции, издали он походил на извилистый лабиринт, попасть в который можно было с каждой из четырех сторон. Но есть одно «но»...

Западные ворота. Ярл Гудфрид назвал их Порта Инклита, к ним вел мост, пересекающий всю ширину полноводного Рейна. Площадка перед въездом не отличалась большим размахом и вести осаду из нее было проблематично.

Порта Медиа или Средние Ворота высились на Южной стороне. Перед их сводами располагалось обширное кладбище. Дорога от этих врат вела к еще одному крупному городу — Мец, который мы пропустили на своем пути.

С Востока зайти в Трир можно было через Порта Альба. В отличие от остальных ворот города, они не отличались недосягаемостью, однако из-за того, что врата вели в амфитеатр, въезд в них был гораздо уже прочих.

Но более остальных нас поразили Северные Ворота — Порта Нигра! Эти великие врата скалились десятками бойниц в направлении врага. Даже просто смотря на них, ощущалось гнетущее давление. Провалы бойниц, будто гнезда ласточек, рассыпались по серому песчанику четырехэтажных крепостных стен. Южные и Северные Ворота выглядели близнецами, но будь я во главе войска, то никогда бы не пошел на штурм Порта Нигра, сделав выбор на любых других въездах в Трир.

И сейчас шесть сотен дерзких захватчиков встали лагерем под стенами несокрушимого средневекового мегаполиса. Было кристально ясно, что без огромных потерь Трир взять не удастся — за время наших походов, его жители успели подготовиться к длительной осаде и гарнизон города мог дать серьезный отпор.

Однако конунг Сигфрид, если и расстроился, то не сильно, потому что в первую очередь Трир был просто местом встречи, где члены руководящего состава могли поделиться успехами и обговорить дальнейший план действий. А успехи были у каждого из вождей, и их драккары едва ли не касались верхушкой бортов кромки воды от добытого добра.

При захвате Эльсло, Сигфриду так понравился этот богатый город, что конунг решил сделать его своей резиденцией, переехав туда из Утрехта, что крайне рекомендовал Гудфрид. Строго говоря, советы расчетливого ярла и в этом походе позволили конунгу обойтись практически без потерь, и с большей для Сигфрида выгодой. Уверен, окажись ярл в моем времени, то стал бы блестящим политиком.

Под стенами Трира загорелись большие костры. Викинги праздновали, оглашая местность криками, громогласными песнями и диким хохотом. Боюсь представить реакцию франков, ведь для них это были поистине адские звуки. Но нурманы будто забыли о городе, бахвалясь о свершенных подвигах друг перед другом. У многочисленных костров тут и там можно было услышать виси и здравницы конунгу, что собрал всех нас здесь.

Перед небольшой ночью искры тускло выхватывали угрюмые лица близнецов.

— Че они празднуют-то? — сплюнул в костер Фреки.

— То, что в этом походе мы все стали очень богатыми. — ответил я.

— Мне как-то радости не сильно прибавилось, что у смердов серебро забрал... — сказал младший.

— Да, нам нужны битвы, честная рубка, я пресытился козлодоями и их пастырями, — оскалился Гери, — я не получил крови. Здесь только разбавленное вино.

— Точно, брат! — дернул белой бровью Фреки.

— И что вы предлагаете? — спросил я у них.

— Ты помнишь, в середине пути между Кобленцем и Триром мы видели на холме крепость? Возьмем ее.

— Гери, ты хочешь, чтобы мы втроем осадили каменную крепость?

— Она же мелкая! Мы с Гери и вдвоем весь ее гарнизон уложим, тем более ты с нами будешь!

— Ну допустим пришли мы туда, а как через стену перемахнем, там же минимум два моих роста?

— Это не сложно. Мы тебя подтолкнем, тебе останется только часовых снять, — рассказал план старший из сыновей Лейдольва.

— Хорошо, но как мы потом доберемся до Эльсло? — я обвел глазами близнецов.

— Я говорил с Раудом. Сигфрид намерен еще с седмицу буянить под Триром, на случай если город, как и Кобленц, решит поделиться нажитым. А если не захочет, то хирдманы конунга пойдут на северо-запад, где они оставили корабли. Тогда группа нашего хёвдинга тоже загрузится на драккары и двинется в обратный путь. К этому времени мы уже дней пять будем хозяевами этой крепости, — Гери хлебнул пива из монастырского кубка и продолжил, — когда Луна будет проплывать мимо, он заберет нас. План он одобрил, только с собой сказал взять еще и Иста...

— Лишнее, на мой взгляд! — перебил брата Фреки.

— Раз вы все уже решили без меня, то может хотя бы скажете, чем же вам приглянулась именно эта застава? Их ведь тут как блох на собаке; в дне пути от одной — другая вырастает!

— Нее, брат, эта особенная! Да и остальные в руинах, а там она ровнехонько меж двух богатых городов! Не думаю, что франки ее оставили без золотишка, добрых клинков и припасов. Да и гарнизону там не более дюжины должно быть — на один укус, хе! — когда дело касалось драки и наживы, Фреки начинал соображать гораздо резвее обычного.

— Эгиль, что толку коптить небо под этим городишком? Боги уже устали чистить облака от наших костров, да и мы застоялись. Идем? — Гери скорее утверждал, чем спрашивал.

Я кивнул головой на его предложение. Конечно, я мог отказаться, но подобного решения никто бы не смог понять. Как можно в здравом уме вести носом от хорошей драки с возможностью неплохо подзаработать? Хоть наша вылазка, это одна большая авантюра, но риск скорее подстегивал, чем удерживал от ее свершения. С этой мыслью я провалился в сон, а проснувшись мы выдвинулись в путь.

Желанная цель находилась в двух дневных переходе от Трира и по прикидкам расстояние до крепости составляло около пятидесяти километров. Для современного человека это кажется пустяковым делом, но только не в том случае, когда путь нужно преодолеть пешком. Однако мы люди подготовленные и сложностей не боимся. Поэтому без лишних слов собрали скарб и направились вдоль реки.

Идти было легко и приятно: засеянные злаками поля напоминали о далекой Родине, пышные виноградники чередовались с ухоженными фруктовыми садами. Плодородная франкская земля казалась Эдемом в сравнении с почвой северных широт. Не удивительно, что Сигфрид решил подмять под себя столь богатые территории. Разве справедливо, что они принадлежат одним франкам?

Мягко ступая по широкому тракту, я думал: где лучше построить дом, какие культуры я мог бы выращивать, много ли скота содержал бы мой хлев? Но мечты о тихой жизни Кости Смирнова с юношеским задором сметал взбалмошный мальчишка. Порой я чувствовал раздвоение личности. Эгиль грезил о десятках битв, сотнях врагов, падших под свист верного меча, тысячах красавиц, желающих его одного и бесконечной славе, что покроет собой все мироздание лучами его величия. В такие моменты земной шар казался не больше камня под подошвой ног. А когда я оглядывался на близнецов, то видел в их взгляде отражение моих мыслей. Эх, как здорово снова быть молодым!

Не зная усталости, мы шли весь день, периодами покидая тракт из-за поднятой пыли вдалеке. Скорее всего тому виной торговые обозы, но не хотелось рисковать и нарваться на патрульный конный отряд. Благо поля сменились заросшими густым лесом холмами. Где мы с относительным комфортом и заночевали. А с первыми лучами, что с трудом пробивались через сочную изумрудную листву вновь отправились в дорогу.

Несколько раз перед нашим носом пробежала семейка кабанов. Мы брали с собой солонину и в еде не нуждались, но трудно совладать с собой, когда от количества дичи разбегаются глаза. Как раз в такой момент Ист метнул копье в одного жирного поросенка, на копье, к слову, он его и пожарил. Нагулянное за весну сало с шипением шкварчало над огнем. От дразнящего аромата и румяной корочки мяса можно было сойти с ума. Настоящей глыбой гастрономических дел оказался Ист. Побродив по округе, он нашел стебли дикого лука и другие травы, украсил ими свое произведение искусства, чем сразил нас окончательно. Даже мои, привыкшие к разнообразию кулинарии, вкусовые рецепторы, отказались поверить своему счастью с первого захода. Но совместными с братьями и варягом усилиями таки заборол поросю.

Обычно перед битвой не наедаются, но сегодня мы решили распоясаться. А отправив в топку минимум по два кило на человека, распоясаться пришлось в прямом смысле.

После столь сытного ужина начало клонить в сон. Но пропустить эту ночь, значило отсрочить взятие крепости еще на сутки. Поэтому разгоняя кровь по вялым конечностям, мы вновь отправились в дорогу. Наконец лес стал редеть и в его просветах выглядывал залитый закатными лучами форт.

Небольшое, по римским меркам, сооружение блестело на вершине холма. Правильный прямоугольник метров двадцать на тридцать с пятью возвышающимися башнями являл

собой хорошо укрепленный каструм. Пока мы наблюдали за ним, в проемах башенных бойниц пару раз сверкнули шлемы. Вход в крепость был только один, остается надеяться, что и часовые дежурят лишь в центральной башне. Огромным минусом было то, что вокруг крепостных стен царила пустошь: ни деревьев, ни кустарников, даже высокая трава педантично была выкошена. Поэтому действовать представлялось возможным только ночью.

— Не люблю сумеречные битвы, боги не увидят, как я проливаю чужую кровь в их честь, — уныло пожаловался Ист.

— Они на тебя не смотрели бы даже днем. Все взгляды богов только на нас и Эгиля направлены. А уж какие взгляды на нас девки бросают... покажи, Эгиль! — подмигнул Фреки.

— Я не силен в пантомиме.

— Тихо! Ветер от нас, не хватало еще, чтобы какой-нибудь лопоухий франк ваш базар услышал, — цыкнул Гери.

Вскоре солнце окончательно скрылось за горизонтом, окрасив облака в глубокий пурпурный цвет, а купол бескрайнего неба темнел в ожидании звезд. В след звездам зажглось кострище в центральной башне, рассеивая сгущающийся мрак.

Мы выждали еще пару часов и короткими перебежками двинулись в направлении заставы. Нам так и не удалось выяснить, есть ли в других башнях часовые, поэтому пришлось идти на риск.

Пока все шло благополучно, и наш разбойничий квартет успешно добрался до заставы. Теперь пришел черед предварить второй этап плана. Близнецы встали в метре от стены лицом друг к другу и скрестили ладони на уровне колен. Коротко разбежавшись, я оттолкнулся от упора братьев и резко взмыл вверх. Толчок братьев был столь силен, что меня подбросило вровень с парашютом, и я без проблем оказался наверху. Однако мелкие камушки и песок на фасаде стены не позволили твердо устоять на ногах, и я кувырком слетел вниз по ту сторону укрепления... оказавшись перед очумелой мордой франка, что стоял, спустив штаны, в намерении справить нужду.

Он уже успел раскрыть рот для крика, но моя ладонь затолкала его слова обратно в глотку.

— Тихо-тихо... — второй рукой я медленно ввел отцовский кинжал между его ребер. Легкая стеганная куртка была не в силах оказать сопротивление острой стали.

Неудачливый защитник крепости дико вытаращил глаза и попытался прокусить кожу руки, вот только работа веслом и молотом превратили ладони в задубевшие лапы. Когда он испустил последний вздох я аккуратно прислонил его тело к стене и перекинул через нее веревку. Не издавая лишнего шума, на парашюте показались темные фигуры Иста и близнецов. Я, тем временем, обследовал территорию крепости на наличие врага, но пока увидел лишь двух часовых, что сиротливо ютились у пламени, сложив копья и луки к стене.

Очень неосмотрительно, и за это несоблюдение воинского устава их ждет немедленное наказание, что мгновением назад сорвалось с тетивы Иста, а следом и моей.

Так, три вражеские единицы повержены, но сколько еще скрыто в казарме? Видимо этот вопрос не слишком интересовал близнецов, потому что они с оглушительным ревом вломились в недра вытянутого здания, пробуждая своим криком все живое в радиусе пары километров. Я знал, что с Гери и Фреки любая стелс-операция превращается в кровавую мясорубку, и поэтому как можно быстрее взлетел по ступеням, ведущим к внутренним помещениям донжона. Винтовая лестница вела на второй этаж, почти на ощупь я бежал

вверх. Но тут мощный пинок выбил весь воздух из груди. Сила удара отбросила меня вниз, заставив пересчитать костями все каменные выступы лестницы. Повезло, что Ист успел отскочить и сразу принял врага на копьё. Вернее сказать — сделал попытку. Длинное древко больше мешало в рубке на винтовой лестнице.

Как только пришел в чувство после падения, с удивлением обнаружил, что остался без серьезных увечий. Еще раз поблагодарив судьбу за молодое и здоровое тело, я ринулся на помощь варягу, дела которого были не ахти.

А наш враг был хорош!

Командующий крепостью, в этом сомневаться не приходилось, в одном исподнем и мечом наперевес уже срубил наконечник копья варяга, и с каждым взмахом все ближе подбирался к шее Иста. Будь это обычная лестница, я уже давно бы пришил стрелой этого ловкого коменданта к любимым франками гобеленам, но узкое пространство и сломанный при падении лук, лишили меня такой возможности. Однако на поясе еще висела пара метательных ножей, один из которых прорезал воздух в направлении франка.

Выбитые искры сверкнули в полумраке пролета. Проворный комендант, благодаря шестому чувству увернулся от острого лезвия ножа, но и этой секунды хватило, чтобы варяг успел подбить ему колено, а я пронзить мечом бедро франка насквозь.

Дикая тяга к жизни и выброс адреналина позволили продержаться коменданту еще минуту, но бурный поток крови уносил по ступеням остатки его бытия. Даже после смерти дикий командир крепко сжимал рукоять меча скрюченными пальцами.

— Думаю, этот здесь был один, но не расслабляемся! — загнанно просипел Ист, и перерубил связки кисти коменданта, чтобы из них выпал клинок. На всякий случай нужно полагать.

Мы переступили через braveго франка и оказались в небольшой комнате, тускло освещенной свечей. Стены были богато усеяны картинами из вышивки, картами, дорогими тканями и львиной шкурой. Откуда командующий крепостью отыскал эту большую кошку неизвестно, об этом не знала и скулящая на углу кровати девушка.

— Какая лань! Ты погляди на ее перси, а волосы какие, золотом отливают! — забыв об усталости восторженно сообщил Ист, — Как закончим, так и попользуем... — и осекся под моим взглядом, — Мы все попользуем, хочешь, первый бери! — примирительно выставил руки он.

— Нет, нужно проведать близнецов. Слышишь? Все затихло, значит они уже закончили, — сказал я и пошёл к лестнице.

— Ага, а я здесь пока осмотрюсь... — последовало в ответ.

В казарме меня ожидала груда изрубленных тел. Резкий запах крови и другого содержимого организмов ударил в нос. Сосчитать поверженных людей было сложной задачей из-за кучи разбросанных вокруг рук и ног. Отсеченные головы безучастно взирали на место недавней резни.

На дальней кровати лежал в глубоком обмороке Фреки, а рядом с ним сидел обессиленный Гери.

— Всё? — выдохнул он.

— Всё, — ответил я, — осталась одна девушка, тир командующего крепостью. Её хозяин мёртв.

— Нужно выбросить трупы... жарко... скоро начнут смердеть... — устало проговорил он.

— Да, позову Иста, отдохай, — Гери кивнул и лёг на койку, спихнув с нее обезглавленный труп на пол.

Подходя к донжону, я услышал крик Иста: «Тварь!» и глухой удар за ним. Резко поднявшись по ступеням, увидел лежащую на полу девушку с пробитым черепом. Она была уже мертва, а варяг зажимал рану на боку.

— Эта порткона[1] пырнула меня ножом! — плюнул он в сторону наложницы.

Я перевёл взгляд на его рану. Она попала ему в печень. Дела варяга совсем плохи. А навыками походной медицины я не владел в полной мере. От близнецов сейчас тоже толку ноль... Так, думай!

— Давай, ложись, убери руки от раны! — поддерживая его за голову, помог лечь, — Какого рожна нужно было кольчугу снимать?! Ладно, так! Придётся тебе попрощаться со своей шёлковой рубашкой — вспоров тунику и исподнее, я увидел рану.

Длина около полутора сантиметров, края ровные, кровь бурно бежала на кровать. Оглядевшись по сторонам, я нашёл кусок чистой ткани, которую комендант использовал как полотенце. На моем поясе всегда висел кошель с мазью Сигрун с ниткой и костяной иглой, а также парой сыпучих порошков для разных целей. Ещё с детства ведунья говорила мне о необходимости такого набора. Осталось только вспомнить как им пользоваться.

Увидев непрекращающийся поток крови, варяг застонал.

— Не скули, сейчас лечить будем! — мне не нравился Ист, как и Дир. В сравнении с Улебом, эти братья позорили честь настоящих варягов. Но они были моими товарищами по команде, и я не мог позволить Исту умереть. Обильно вымазав кусок полотенца в мази, я аккуратно затолкал его в рану, отчего варяг глухо зарычал.

Рядом с девушкой лежал нож, кровь покрывала клинок глубиной на три пальца. Глубоко вошёл. В таких случаях, наверное, нужно сшивать края печени, но для этого мне бы пришлось вспарывать ему брюхо. А от такого лечения Ист точно бы склеил лапы. Так, никто сегодня больше не умрет! Похоже, последнее я произнес в слух, потому что варяг слабо улыбнулся.

Мазь начала действовать и кровь стала сочиться слабее. Я поменял тампон на новый и закинул ноги Иста на облучок кровати, чтобы восстановить приток крови к голове.

— Ты, Эгиль, врачевать умеешь? Ведаешь? — не очень смело спросил варяг. Иными словами, он интересовался, колдун ли я. Опасения Иста понятны, если к вёльвам частенько обращались за советом и помощью, то колдунов, мягко говоря, сторонились. Вообще, если прилюдно назвать мужчину колдуном, то можно и языка лишиться. Вместе с головой.

— В моей семье есть вёльва, она пыталась научить меня врачеванию. Вот на тебе и посмотрим, помогли ли мне ее наставления, — Пока говорил проверил остроту иглы. Пойдёт!

— Может она тебя и словам заветным обучила? — в голове сразу всплыли воспоминания о нападении ярла Хринга Эйриксона, когда Асвейг и Сигрун прилагали все силы, чтобы спасти хирдманов отца. Тогда вёльва приговаривала заклинания, слова которых запомнились мне на годы вперед:

От полома кости,
от потока крови,
от вывиха членов...

Склейся кость с костью, слейся кровь с кровью,
К суставу сустав, как слепленный, пристань...

Параллельно с чтением заклинаний я освободил рану от тампона и сделал первые стяжки. Ист терпел мужественно, лишь изредка скрипел зубами. Когда кривой шов полностью стянул рану, я присыпал сверху зеленоватым порошком и накрыл чистой тканью, зафиксировав ее обмотками варяга.

— Фух! Ну все, что мог — сделал! — после всех событий сил не было вовсе. Пот градом катился по лицу, застилая глаза.

— Ты еще можешь сделать кое-что для меня. Эта рана немного зудит, а мать говорила мне, что во сне все болезни проходят.

— И?

— Выруби меня.

— Чего?! А раньше ты не мог попросить?! — Ист пожал плечами.

— Ох, ты уверен? — он кивнул. — Может хотя бы глаза закроешь. Ещё выпадут поди.

Я потянулся и без замаха залепил ему кулаком в подбородок. Голова мотнулась, а когда вернулась в исходное положение, пациент уже был в царстве Морфея. Как и заказывали, ему все равно несколько недель лежать с такой колотой раной, если раньше не окочурится, конечно. Ничего страшного от легкого сотрясение мозга не будет.

В этот момент я даже немного завидовал варягу, ведь все, что мне сейчас хотелось, так это сна.

Но до этого мне предстояло еще что-то решить с телами убитых. Моих сил не хватало, чтобы выкапывать яму такой глубины, чтобы упокоить их всех, а оставлять тела просто гнить мне не позволяла совесть. Поэтому я решил возвести большой костер, на котором и почтить смерть всех убитых франков. Благо дров в крепости было навалом.

Через часа два я сумел водрузить все шестнадцать тел на бревна, и зажег огонь. Вскоре ревущее пламя поглотило всех падших, поднимаясь выше крепостных стен. В коматозном состоянии я побрел к казарме, но оступился и упал перед ее входом. Земля показалась мне настолько мягкой, что причин встать и дойти до кровати я не видел. Да так и уснул там, где упал.

[1] Portkona — продажная женщина.

[2] Sose benrenki,

sose bluothenki,

sose lidirenki,

Ben zi bena, bluot zi bluoda,

Lid zi geliden, sose gelimida sin...

Нашему герою это неизвестно, но текст подобного заклинания был найден в одной трирской рукописи, записанной примерно в девятом веке.

А проснулся от удара по голове. Засыпать перед дверным проёмом казармы, было плохой идеей.

— Ба, что не день — то люди в ноги кланяются! Хорошо живём! — бодро воскликнул Фреки, и от этого череп ещё сильнее сдавило тисками. — Да шучу я! Ты себя, братец, совсем не бережешь! — он помог мне подняться, потянув за руки буд.

— После того, как вы отрубались, Ист чуть не умер. А может и умер, надо проведать, — вчерашний день всплывал рванными обрывками в памяти.

— Ладно, пойду по ветру схожу и посмотрим.

Ист выглядел паршиво. Бледный лоб покрывала липкая пелена, губы приобрели синюшный оттенок — варяг потерял слишком много крови. «Надо поменять ему повязку. Принесёшь воды?» — попросил я Фреки.

Под повязкой обнаружилась бурая желеобразная масса. Но сам шов и края раны выглядели относительно чисто. Через минуту появился Фреки с кадкой чистой воды в сопровождении старшего брата.

Пока я занимался осмотром, братья безмолвно наблюдали за моими действиями. За всё это время варяг так и не пришёл в сознание. Когда же я наложил свежий компресс, Гери наконец спросил: «Расскажешь, что произошло?»

Поведав о всех эпизодах вчерашней ночи, я устало осел на стул возле кровати.

— И от этой железки Ист лежит на смертном одре? Мда, измельчали варяги! — протянул Фреки, крутя в руке кривенький ножик.

— Не от железки он при смерти, а от строптивой тир. И не суди о всех по одному дураку, — осадил младшего Гери.

— Ну да... может поедим тогда? Смысл на него смотреть, чай не жбан с пивом — не пропадёт. Есть хочца, мочи нет! Ещё и всю ночь мясо жаренное снилось! — облизнулся Фреки.

— Это из-за погребального костра... Да, пойдём. Я потом ещё посплю... А вы посмотрите, много ли добра дала нам эта крепость, — попросил я близнецов.

Обильно наполнив живот франкскими запасами, я нашёл лежанку почище и вновь провалился в забытие. Во сне повторялись сцены прошлого дня, вот только в этот раз я не позволил Исту надругаться над девушкой и увёл её с собой. Но вместо благодарности я почувствовал, как кольчужные кольца со звоном разлетаются от кухонного ножа и холодное лезвие без сопротивления погружается в моё тело. Рабыня смеялась, а её волосы окрасились в пламенно-рыжий цвет, сжигая всё пространство вокруг.

От кошмара я резко подскочил. В комнате царил мрак, а за окном уже замерцали звёзды. Ого, почти сутки проспал!

На улице негромко разговаривали близнецы, а увидев меня синхронно улыбнулись.

— Ну ты дал храпа, аж стены гудели!

— Ты сам бы себя, Фреки, слышал: рычишь по ночам как собака!

— Как волк! — погрозил он пальцем.

— Или так, — согласился я. — как там больной?

— Вроде лучше, даже в сознание приходил. Сказал, что если его Ирий не заберёт, то сосватает тебе сестру свою, — поделился Гери.

— Ну уж нет! Пусть лучше отправляется в свою варяжскую Вальгаллу. Не нужны нам такие родственники! — прервал брата я.

— Погоди отказываться, Ист сказал, что у неё большие достоинства, даже огромные! — Фреки обрисовал руками фигуру, напоминающую форму древней скульптуры Венеры.

— У него что, коровы в роду были?

— Если считать Аудумблу[1] праматерью Одина, то в твоём роду тоже была корова, — подловил Гери, — ты же потомок Всеотца по матери?

— Закрыли тему! Лучше скажите, что мы добыли?

— О! Серебра здесь оказалось немного. Мы перерыли всё, но насобирали только на две марки. Хоть все франки оказались поклонниками своего Христа, только у коменданта оказался золотой крест. Но главная добыча здесь! — Фреки указал на сваленное в кучу вооружение.

На всех защитников крепости имелось всего четыре шлема, причём два из них хранились в комнате коменданта, а оставшиеся носили часовые. Но вот кольчуги были почти у всех. Богато жили пограничники! Кольчуга, не самый дорогой доспех, что объясняется простотой её изготовления, но даже она по меркам этого времени была роскошью. А вот поистине сложным в производстве был доспех франкского командира, что выделялся среди всего вооружения: ровные ряды пластинок, сплетённые друг с другом кожаными шнурками, блестели подобно чешуе. Теперь стало понятно, откуда у коменданта шкура льва, доспех-то византийской работы. Возможно раньше франк служил в более южных широтах.

От защитного к наступательному. Мечей среди добычи оказалось немного, но все из них имели отличное качество, копий же набралось десятка два. Среди груды оружия я даже смог подобрать себе новый лук на замену подарка от деда. Пусть он не чета сломанному произведению искусства, но я всё равно вырос из старого, а без лука я чувствовал себя как без рук.

Если суммировать всю добычу, то наш поход окупился сполна!

Жаль византийский доспех мне не подошёл, но близнецам он был впору. Вздохнув, я оставил их делить бронь и направился к варягу. Обнаружил его в сознании. Лицо Иста, всё ещё бледное, заметно оживилось от моего появления.

— Эгиль, мне гораздо лучше! — сходу заявил он. — Не знаю, что именно меня спасло — твоё лечение или твои заклятья, но я жив только благодаря тебе...

— И у тебя ещё будет возможность расплатиться! — прервал его я. — Давай посмотрим, как заживает? — под бинтами обнаружилась подсыхающая рана, края которой будто начали срастаться. Такими темпами через пару дней можно будет снимать швы. Чудеса!

— Тебе, наверное, уже говорили братья, что у меня есть старшая сестра — красавица, да такая, что к нам на подворье каждый день женихи свататься приходят. Да вот только мы с Диром её цветок для самого достойного бережём...

— Погоди. Старшая?! А тебе сейчас сколько лет?

— Двадцать четыре зимой было, мы с ней погодки. А что не так?

— Да ничего, мне просто недавно шестнадцать исполнилось, — Ист при этом немного растерялся.

— Ох и могуч же ты, для годов своих! Зато девушка она опытная...

— Ты же сказал, что цветок её берегли?

— Эээ... кх-кх, я говорю, что она умеет всё; и по хозяйству, и поёт красиво, и роду хорошего. А потом и вторую жену возьмёшь, да хоть третью! Парень ты молодой, удачливый! А дети какие у вас будут...

— Придержи, варяг, какие дети?! Давай так, за жизнь я возьму услугу с тебя! — в этот момент Ист предельно сосредоточился. — Всё просто, когда я позову тебя — ты придёшь!

— Добро, — серьезно кивнул он.

— Ну и всё. Отдыхай, Ист, скоро принесу ужин.

Зачем я взял с него эту "услугу" сам не знаю. Просто вдруг показалось, что мне нужно сказать это, а своей интуиции я привык доверять. Да и тем более разговоры о сватовстве сестры ретивого выходца с Ладоги, не входили в мои планы на этот вечер. Впрочем, как и на любое другое время суток.

Так потекли томительные дни ожидания Рауда, в которые мы по большей части предавались сну и чревоугодию. Кажется, что от этой «командировки» я прибавил в весе на добрые килограммов пять. Варяг стремительно шёл на поправку, и на четвертый день я снял с его раны швы. Сейчас на её месте красовался свежий розовый шрам, но излишне двигаться я всё равно ему запретил. Но и ограниченный в движении Ист нашёл себе занятие, вырезая ножичком аккуратные поделки из дерева.

Умелый варяг мастерски владел искусством карвинга и состряпал множество фигурок. Среди них можно было угадать и наши очертания. Особенно удался Фреки. Варяг точно попал в образ, добавив идиотскую улыбку и текущие слюни. Гери же улавливался по обширному шраму на лицу, удачно совпадающему с трещиной на деревяшке. Моя фигурка шла в комплекте с сестрой мастера, как и описывал Фреки, достоинства девушки делали её вширь больше, чем в высоту. Ист ещё нарезал совсем крошечных болванчиков, больше похожих на картошку, чем на детей. Видимо он видел меня быком осеменителем, потому что таких пупсов было штук пятнадцать. И все разные, что характерно. Мысли о не выданной замуж сестре беспокоили варяга больше, чем перфорированная печень.

А на пятые сутки мы заметили драккар хёвдинга!

[1] Аудумбла или Аудумла, это имя коровы, которая появилась одной из первых в мире. Как и все копытные, наша коровка очень любила облизывать соленые камни. И толи камни были мягкими, толи язык бурёнки излишне шершавым, но за три дня она смогла вылизать породу до такой степени, что она превратилась в могучего гиганта Бури, который приходится Одину дедушкой.

Корабль Красной Луны встретил нас восторженным рёвом. Каждый хирдман норовил хлопнуть по плечу, выразить уважение и всячески похвалить за свершённый подвиг.

Дир помог перенести носилки со своим братом, которому также досталась минута славы. А мы и не стали говорить, что ранение он получил не от полчищ коварных врагов, а от испуганной франкской невольницы.

Ещё перед тем, как мы отправились на штурм крепости, Рауд сказал, что всё добытое в ней будет принадлежать только нам. Кроме самого форта, разумеется. Но обделить вождя подарком было неправильно, поэтому загрузившись на драккар, мы первым делом водрузили на плечи вождя тяжёлую шкуру льва, скрепив её лапы фибулой. Такого зверя викингам ещё не доводилось встречать, и хёвдинг благосклонно принял новый плащ из могучей кошки.

В тот момент, когда глаза сопалубников от нетерпения узнать нашу историю уже подёргивались, Рауд кивнул головой в знак того, чтобы мы начали её повествование. А близнецы только этого ждали, и куплет за куплетом выдали могучую песню, которую назвали «Волки в овчарне».

Это было нечто! И когда только успели?! События, что длились не дольше двадцати минут растянулись в целый час отборных строк, изобилующих красочными эпитетами кровавой резни, устроенной братьями.

К слову, в этой драпе, а именно так называется жанр такой хвалебной песни, уделили и мне немало внимания. Иста же упомянули лишь вскользь, как слитого вначале персонажа, что пал в неравной борьбе, а жертва его была отомщена настоящим героем. Варяг на это не сильно расстроился, потому что реальность с тычком в спину от хрупкой дамы, куда хуже проигранной, но достойной схватки. А так хоть принял бой от страшного франкского зверя, что подобно берсеркам перекинулся в монстра, невиданного ранее никем. Когти его — сабли, клыки — наконечники копий, а голова, как горящий стог сена, что может пожрать своей пастью быка за один присест.

Конечно, удалой варяг не смог свергнуть чудовище, и жестоко пострадал от его неистовства, но тут пришёл я и укротил страшного зверя, шкура которого украшает ныне стан великого хёвдинга.

Себя близнецы тоже вниманием не обделили, и это мягко сказано. Франков, что полегли от мечей волкобратьев стало раз в десять больше. Гери в своём куплете отметил, что из костей врагов можно было бы отстроить богине мёртвых Хель шикарный дворец. А Фреки с сожалением отметил, что из-за деятельности братьев Конец Сущего — Рагнарёк, наступит гораздо раньше. Ведь они решили проблему строительных материалов для Нагльфара[1] на годы вперёд.

Эффект от драпы был ошеломительным, и близнецы заслуженно принимали поток оваций от товарищей по команде, впрочем, как и я, и в меньшей степени Ист. Также Рауд заценил новенький доспех на Фреки, который достался тому в ходе напряжённой битвы остроумия.

За обладание защитной амуницией экстра-класса, братья устроили скальдическую перебранку, в коей они пускали острооты самыми изощрёнными способами, при этом не переходя в явные оскорбления. Иными словами, в стихотворной форме подкалывали друг

друга. Наблюдать за их баталией было тяжко. От смеха у Иста чуть разошлись швы, а у меня свело лицо. Но в противостоянии всё-таки одержал победу Фреки, видимо опыт тупых шуток сказался, и доспех достался ему.

Во время пути, Рауд поведал, что Трир, вопреки хотелкам конунга Сигфрида, так и не решился инвестировать в своё светлое будущее и не выделил серебро для откупа от ненасытных северян. Поэтому, прождав недельку, лагерь викингов оперативно собрал вещички и отправился на кораблях в Эльсло. Этот город мало отличался от Утрехта, являясь типичным римским поселением, окружённым каменными стенами со шпилями невысоких башен. Его причал гостеприимно принял наш драккар, а большие ворота радушно впустили в недра крепости.

Сигфрид выделил каждому вождю, вставшему под его стяг, по солидному подворью. Но возле нашей усадьбы сейчас было не протолкнуться. Многие, что были наслышаны о невероятной истории, где четверо простых хускарлов взяли полный франков каструм, хотели лично увидеть этих людей и послушать драпу о волках в овчарне. А когда лицезрели перед собой подростков, что только стали входить в силу, то мало верили в правдивость нашей истории.

Тогда же начались бесконечные вызовы на дуэли, как будто викинги не насытились битвами и жаждали всё новых сражений и испытаний для себя. Ещё немного и чья-то кровь густо украсила бы перекрёсток, если бы Гудфрид вовремя не подсуетился. Ради такого дела, ярл подговорил Сигфрида провести аналог олимпийских игр с щедрыми наградами победителям. Конунг предложение принял, даже не взирая, что призовой фонд собирался из его мощны. Сложно обеднеть, когда франкские сокровищницы широкой рукой делились своими многовековыми накоплениями.

Было решено провести ряд состязаний, которые условно можно было разделить на боевые и спортивные. К первым я могу отнести дуэльные схватки на гуманизированном оружии, борьбу, стрельбу из лука и метание копий на дальность в цель.

А в спортивные дисциплины входили: поднятие тяжёлых камней, метание брёвен и игра в мяч. Ранее я упоминал, что местная вариация лапты дело опасное и беспощадное, её вообще можно было бы отнести к боевым состязаниям. Но по сравнению с боями, в этой игре люди умирали чуть реже. Не обделённые умом головорезы, могли померяться смекалкой в хнефатафле, если же ими больше двигал азарт, то игра в дальдозу[2] с лихвой могла испытать их удачу. И кошельки.

Я не стал переоценивать свои силы и заявился только на турниры по стрельбе из лука и борьбе, поскольку против воинской элиты в дуэльных схватках мне долго не простоять, а для поднятия тяжестей моему растущему организму ещё не хватало пары десятков килограмм, чтобы создать конкуренцию скандинавским богатырям. Тем более, некоторые, обиженные удачей нурманы, частенько бросали в мою сторону злокозненные взгляды, завидуя недавнему подвигу. В общем, я решил поостеречься.

Гери и Фреки же изъявили желания попробовать силы в метании копья. Они порывались испытать себя и в личных поединках, но по объективным причинам это было невозможно, потому что среди берсерков подобных состязаний не проводилось. И хорошо! Кто их поймёт, вдруг в разгар боя им друзья — врагами померещатся.

Первыми шли соревнования по меткости, как наименее зрелищные. Лидером в метании копья стал хольд ярла Гудфрида, с отрывом от броска Гери в несколько метров. Нужно

отметить, что даже без звериного допинга, близнецы обладали гораздо большей физической силой и выносливостью, в сравнении с обычными воинами. Но даже это не помешало дюжему хольду вырвать победу со значительным преимуществом, запустив снаряд в яблочко на расстояние около шестидесяти метров.

Следующей шла стрельба из лука. Скандинавы не слишком уважали её, отдавая предпочтение копьё, но и в этой дисциплине были свои мастера. Основная конкуренция состоялась между мной и, перешедшим на сторону викингов, англосаксом. Мне повезло, что мы находились с ним в равных условиях и стреляли из схожих луков, выданных для соревнования. Но даже без своего двухметрового монстра, выходец из Нортумбрии умудрялся посылать стрелы гораздо дальше остальных участников. Однако решающей стала техника стрельбы. Мы оба остановились на отметке примерно в сто пятьдесят метров, и я решил сдвинуть мишень ещё на три десятка шагов вперёд. Сомневаюсь, что конструкция этого лука позволила бы пустить стрелу дальше.

Изготовившись, я встал на позицию.

Выдохнул. И доверившись внутренним ощущениям натянул тугую тетиву. В следующий миг, звонкий щелчок хлестнул по коже наручи. Стрела взвизгнула и под большим углом отправилась в полёт.

Через несколько секунд красный круг мишени был поражён. Я позволил себе вздохнуть и сам удивился своей меткости.

Зрители разразились одобрительными криками, подначивая англа. Но этот парень, ещё без присущей его народу чопорности, открыто похвалил мой выстрел. Затем выбрал стрелу и приготовился, выжидая благоприятных условий.

Первая стрела не долетела пяти шагов до моей мишени. Это уже было поражением, но нортумбриец не остановился, решившись идти до конца. Ему потребовалось ещё пять выстрелов, прежде чем последняя стрела клюнула в край мишени. Для северян это был непостижимый уровень, и они щедро наградили его овациями.

Альбионец на ломанном языке искренне выразил восхищение моему мастерству и удалился. На прощание мы договорились обсудить тонкости различных техник, подбор стрел и изготовление самих луков. А я мысленно поблагодарил Хакона за науку. Как он и говорил, мне удалось стать лучшим из людей севера в обращении с луком. Сейчас же мне предстояло немного отдохнуть, потому как борьба шла следом за соревнованиями по поднятию тяжестей.

На этих состязаниях победил мой знакомец Дарри. Могучий кузнец смог оторвать от земли валун весом в два центнера. Наковальня даже попытался взвалить его на плечо, но злополучная глыба раскололась на две части. В ярости кузнец обматерил паскудные каменюки, и в сердцах поднял каждый кусок над головой, запустив их один за другим подальше от себя. Болельщикам идея Дарри так понравилась, что многие присоединились к метанию тяжёлых снарядов, невольно организовав новую спортивную дисциплину. А куски расколотого надвое валуна называли *halfsterkur*, что можно перевести как «половина силы». Их поднятие стало аттестатом зрелости. Лишь немногим из дренгов покорялся этот вес, остальные же тренировались на камнях полегче.

Наконец пришло время борьбы, участвовать в которой намеревалось огромное количество удалых разбойников. Настолько много, что Гудфриду пришлось сделать ремарку об участии не более двух воев с одного хирда. После короткого совещания, от нашей дружины Рауд выдвинул меня и сам присоединился к участию в борьбе, для разогрева к

предстоящим дуэльным поединкам.

Интересно, будь я хёвдингом, стал бы участвовать в подобном? Непобедимых людей нет, а в случае поражения можно потерять авторитет удачливого вождя. Но такие вопросы Рауда не беспокоили, и он с грацией льва, вошёл в круг импровизированной арены. Таким образом, в первом части турнира сформировалось восемь пар бойцов.

...Резко повалив своего оппонента в пыль, Луна прижал его горло ногой. Бой длился минут пять, и всё это время хёвдинг умело контролировал противника, позволяя ему верить в свою победу. И когда накал зрительского внимания запылал в зените, кот пресытилась игрой с мышкой. После победы, Рауд обернулся и подмигнул мне, подбадривая к предстоящему поединку, который значился вторым в турнирной сетке.

Раскалённое летнее солнце слепило глаза. Протолкнув зрителей, я мягко ступил на тёплый песок ристалища. От жары всё тело покрылось влагой ещё до начала схватки. Перехватив кожаным ремешком волосы в хвост, я терпеливо стал дожидаться противника.

— Скалласкальп, хёвдинг конунга Сигфрида! — раздалось в толпе. Люди учтиво образовали неширокий туннель, представив зрелого воина с полностью гладким черепом и роскошной пшеничной бородой, заплетённой в две толстые косы. Прежде я видел его только в шлеме, но благодаря шикарной растительности на лице тут же узнал. Его драккары был в нашем отряде, когда мы штурмовали Кобленц и другие города, и Рауд частенько упоминал его имя. Хотя имя это было или прозвище — сложно сказать. Потому что первая часть означала «лысый», а вторая «ножны». Но про себя, я дал ему позывной Лысый Череп, макушка которого будто светилась на солнце.

Скалласкальп одним движением стянул дорогую тунуку и призывно зыркнул на меня. Чтобы не испытывать терпение толпы я тоже назвал своё имя, упомянув и звание. Ближние лысого гнусно загомонили, на что последовал незамедлительный ответ угрозами от моих товарищей по команде.

Хорошо, что в нашем поединке запрещены прямые удары руками, ведь кулаками Скалласкальпа можно было бы забить железнодорожный костыль. Прямо сейчас он обтёр свои вёсла, служившие ему вместо ладоней песком и, чуть косолапя, направился ко мне. Ох, не прост этот хёвдинг, и двигается как настоящий борец. А он точно не из моего времени? Уж больно на мастера по греко-римской похож, да и борода эта хипстерская...

Все эти мысли ветром пролетали в голове, в то время, пока расчётливый разум пытался анализировать противника и предвосхитить его действия.

Мда, Шерлока Холмса из фильма Гая Ричи из меня не вышло, и я смачно проехался лицом по земле, чертыхаясь от попавшего в глаза песка. Как это произошло для меня оставалось загадкой, но вспоминая техники борьбы в партере, я попытался связать ноги противнику. Безрезультатно. Физическое превосходство и опыт крушили любые попытки навязать Скалласкальпу мои правила. Он их просто игнорировал, и мне приходилось вертеться ужом, чтобы просто избегать его смертоносных ручищ. Лишь раз мне удалось повалить его, зафиксировавшись над ним, но это чудовище обхватило меня руками и сдавило до хруста костей. И на этом Лысый Череп не остановился, планомерно стягивая всё сильнее и сильнее свою ужасную гарроту. От безысходности я начал осатанело пинать его коленями, чтобы хоть как-то ослабить стальную хватку и освободить свои руки. Частично мне это удалось, и одна рука обрела подвижность. На пределе сил я принялся душить его ослабевшей рукой, чувствуя, что от натуги вот-вот взорвётся черепная коробка. Мне показалось, что

удавка Скалласкальпа ослабла, но даже так я не мог сделать даже маленький вздох...

...Звон, подобно капле, разбившейся о гладь горного озера, эхом затерялся в голове. Следом за первой каплей, с неба сорвалась и вторая. И третья. Затем бушующий поток низвергнулся вниз, смывая всё на своём пути.

— Ах!!! — воздух разорвал высушенные лёгкие.

— Давай, дыши! — голос Гери возвращал в реальность. — Не заставляй лупить тебя по лицу и дальше!

Мокрые волосы налипли на глаза, перекрывая обзор. С трудом поднявшись, я огляделся. Точно также приводили в чувство моего противника. «Победил!» — самодовольно подумал я. «Ты чуть коней не двинул! Дурень, какая победа?! Тут в лучшем случае ничья!» — злорадно выплюнул внутренний голос. И действительно, даже простое дыхание сейчас создавало сложность. Как бы рёбра не были сломаны.

Скалласкальп достаточно быстро пришёл в себя, удивлённо осматриваясь и потирая красную шею. Затем он натолкнулся взглядом на меня и, опустив уголки губ озадаченно кивнул головой. При этом кожа на его голове собралась складками, осыпая приставший песок.

— В этой схватке нет победителей. Нет в ней и проигравших! — резюмировал ярл Гудфрид, выступающий в качестве судьи. — Но бой был достойным, и отмечен конунгом! Кто следующим желает испытать себя... — поезд развлечений не на секунду не замедлял свой ход. И хоть мне не удалось одержать победу в этом противостоянии, верные выводы были сделаны. А как известно, иногда это бывает гораздо полезнее.

Отмахнувшись от близнецов, я подошёл к невысокому плетню и, облокотившись на него, начал пальпировать рёбра. Поверхностный анализ дал понять, что в медицине я ни черта не смыслю, но вроде ничего сломано, что без сомнения радовало. Вдоволь надышавшись, я потянулся и, наклонившись пару раз в разные стороны, удовлетворённо хмыкнул. Рядом с забором лежала перевёрнутая бочка, сидя на которой открывался неплохой вид на предстоящие поединки. Солнышко приятно пригревало, возвращая потерянное настроение, но, как это часто бывает, некоторые люди считают своим священным долгом испортить его окончательно.

— Занятная змейка! А ты, получается, тоже свой хвост в рот берёшь? А может и чужие, да? — прозвучал в паре метров наглый хриплый голос.

[1] Нагльфар (норв. Naglfar) — в германо-скандинавской мифологии — огромный корабль, сделанный целиком из ногтей мертвецов. В Рагнарёк он будет освобождён из земного плена потопом и выплывет из царства мертвых Хель, а борту его будет страшное войско йотунов, собранное для последней битвы с богами.

[2] Далдос (дат. daldøs) — старинная настольная игра семейства боевых гонок из Дании. В Норвегии эта игра с небольшими отличиями известна под названием daldøsa. Представляет собой стилизованный драккар с фишками по бортам. Основная механика завязана на бросках четырёхгранных костей и «пожирании» фишек противника.

Оскорбления. На них можно реагировать по-разному. В детском доме всё решалось кулаками. В среде ролевиков — шутками или ещё большим потоком колкостей. Когда же возраст переступил некоторую черту, а фронт и вовсе прекратился, а воспринимать жалкие попытки конкурентов-кузнецов вывести меня на эмоции казались жалкой насмешкой. Однако есть вещи, которые нельзя стерпеть ни в прошлой жизни, ни в настоящей. И это одна из них.

— Выбирай, как ты хочешь умереть? — ледяным голосом произнёс я, но в голове бушевал настоящий огненный ураган. Чтобы успокоить барабанную дробь сердца постарался как можно медленнее сделать глубокий вдох.

Я медленно развернулся в сторону источника гнева, и увидел паскудную ухмылку на крупном лице здорового мордворота. Его свиные глазки маслянисто блестели под сводом кучих бровей. За необъятной спиной хрюка стояла его шестёрка, призывно положив руку на оголовье меча.

— В постели с твоей мамашей Асвейг! Хочу, чтобы от страсти сердце разорвалось, как и её влажное чрево, когда... — договорить он не успел.

Два метра — ничтожно малое расстояние для выпада мечом. Этого и добивался свиномордый, провоцируя меня на публичную расправу. Ведь человек, что достал оружие первым и считается инициатором драки, а значит, его можно убить практически без последствий. Но, к несчастью жирного отребья, мне были известны законы, и следовать его плану я не собирался. Вместо того, чтобы освободить ножны, я резко подскочил с бочки в направлении врагов. Словно предвкушая, как меч впивается в моё неприкрытое тело, товарищ свина выхватил клинок и...

Его угловатая голова грохнулась наземь, сверкая белками закатившихся глаз. Сведённое судорогой тело сложилось пополам, напоминая циркуль, что начертил обрубок шеи багровую дугу. Сам свиномордый успел до середины вытащить меч, но жёсткие руки Фреки с щелчком затолкали клинок обратно, попутно выворачивая кисть мордворота.

За годы, проведённые плечом к плечу с братьями, между нами образовалась тонкая связь, позволявшая мистическим образом ощущать малейшее дуновение беды. Можно назвать это интуицией или чутьём, какое бы название не носило это чувство — нас оно ещё не подводило. Так и сейчас, как только я почувствовал опасность, то почти в тот же момент увидел сосредоточенный взгляд Гери. Подобно своему отцу, близнецы могли обтекать чужие взгляды, словно растворяясь для них, выжидая нужного момента для убийственной атаки. И в тот момент, как подельник свина выхватил меч, Гери протяжно опустил на его шею свой.

Как это часто бывает, сразу же налетела куча людей, словно акулы, почуявшие кровь. Набежавшие сопалубники зачинщика драки яростно растолкали локтями толпу, прорываясь к своему товарищу. Гери сделал подсечку свиномордому, отчего он тяжело повалился на землю, сплёвывая попавший в рот песок. Вокруг нас всё сильнее смыкались клещи обступивших товарищей хрюка. Ноздри близнецов начали раздуваться как кузнечные меха, а глаза наливаются кровью. В эту секунду я отрешённо подумал, что возможно эти берсерки и ульфхендары не просто обезумевшие от ярости люди, а скорее провидцы. Ведь их алые глаза, могут быть отражением ближайшего будущего, где весь мир залит кровью из истерзанных

ими людей. С тихим шелестом запели ножны, им вторил утробный рык детей Лейдольва. Подобно братьям, мной овладел жгучий раж, застилая разум единственным желанием — продать свою жизнь подороже!

— ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?! — прогремел зычный рёв конунга.

— Люди хёвдинга Рауда Луны убили Эрлюга и схватили Вигфуса Борова! — прозвучал крик из разъярённой толпы.

— Опустить оружие! Все! Что же нам скажут сами хирдманы Рауда? — уже спокойнее сказал Сигфрид.

— Вигфус Боров, — этой туше отлично подходило данное прозвище, — с Эрлюгом нанесли мне тяжкое оскорбление и первыми достали мечи! — выждав десять секунд ответил я. От моих слов по скопищу вновь прошла гневная волна.

— Помогите ему встать! Вигфус Боров, ты оскорбил, а затем и напал на этого человека? — Сигфрид опустил взгляд на поднимающуюся тушу свина.

— В моих словах не было оскорблений, конунг! — сплёвывая ответил тот. — Меня лишь заинтересовала змея на коже этого юнца. Кто же знал, что он сам подобен гаду и начнёт плевать ядом на дружеский интерес. Он сказал, что готов отплатить смертью для меня, за моё тёплое отношение старшего товарища! Неблагодарный мальчишка! И я честно ответил, что смерть от любви с его красавицей-матерью, лучшая смерть! — хитрый взгляд мелких буркал Борова обжёг лицо.

— И почему Эрлюг достал оружие? — последовал въедливый вопрос.

— Потому что зазнавшийся отрок ринулся с кулаками на нас. Видимо он так расстроился ничьей в поединке с моим хёвдингом, что решил отыграться на невинно-убиенным Эрлюге! — Вигфус указал на обезглавленный труп и махнул рукой подошедшему Скалласкальпу. — А потом его безумные братья впали в неистовство и излили ярость на своих же товарищей! Гери убил Эрлюга, а полуликий Фреки напал на меня. Но даже силы ульфхендара не хватило, чтобы устроить бесчинство надо мной, и только вдвоём они смогли взять верх над моим телом, но не духом, конунг! — всё больше расплылась его жирная морда.

— Эрлюг первым показал меч? — к счастью, речь Борова не сбита Сигфрида.

— Ему пришлось защищаться, да... — сокрушённо вздохнул Вигфус, отчего заколыхались его сальные брыли.

— Эгиль, ты согласен со словами Вигфуса? — конунг обратился ко мне.

— Нет! Эти двое специально нанесли мне оскорбление, обвинив в мужеложстве! Это не те слова, которые стоит прощать! Мне следовало сразу вспороть их глотки мечом, но таких тварей я удавил бы и голыми руками! Мои братья были рядом и помогли восстановить справедливость!

— Кто может подтвердить сказанное тобой, Эгиль, сын Синдри? — прозвучал глубокий голос.

— Я был свидетелем этому, конунг, — вкрадчиво отозвался ярл Гудфрид.

Это было неожиданно. Если он действительно наблюдал за происходящим, то у него глаза есть даже на затылке. Сомневаюсь, что Гудфрид делал это из чистых побуждений, потому что такие люди всегда ставят личную выгоду превыше чувства исполненной справедливости. И сейчас расчётливый ярл сделал мне услугу, и неизвестно, каким образом я буду за неё расплачиваться. Но это произойдёт в будущем, а сейчас...

— Решено! За убитого Эрлюга вы выплатите верегельд его родичам в размере восьми

марок серебром, но так как он первый оголил меч, сумма сокращается вдвое. Теперь Эгиль! Эти же восемь марок стоят оскорбления Вигфуса, ты можешь выбрать возмещение серебром или хольмганг[1] на условиях Борова, но без права выставять вместо себя другого поединщика! — огласил конунг Сигфрид.

— Хольмганг! — последовал мой ответ.

— Без кровной мести! — выкрикнул Боров, на что благосклонно кивнул конунг. Вот только посмотрев на близнецов, всем было абсолютно очевидно, что они плевать хотели на подобные условия.

Толпа радостно заревела. Ведь помимо турниров намечается и настоящий бой на смерть.

— Ты правильно поступил, Эгиль. Серебро приходит и уходит, а потерянную честь не вернуть никогда! — сказал подошедший Рауд.

— Тем более, что после победы над этим поросёнком, ты только завоюешь нам ещё больше славы, — добавил Гери.

— Или проблем, хех, — прыснул Фреки.

После разговора с хёвдингом, я выяснил, что Боров родом из Агдира, и только недавно пришёл на службу к Скалласкальпу. Он уже успел завоевать неблагозвучную репутацию крайне жестокого и хитрого человека, многие его действия шли вразрез морали, и он не чурался использовать любые методы для достижения цели. А какие цели он преследовал, когда решил напасть на меня, только богам известно. Но больше меня беспокоило то, что он упомянул имя матери. И если имя отца даже сейчас ещё у многих на слуху, то Асвейг точно нельзя назвать знаменитой. Вопросы ещё некоторое время роились в голове, но я постарался выбросить их, готовясь к хольмгангу.

Поединок назначили после дуэльных сражений на перекрёстке двух дорог. Вигфус презрительно обозначил, что схватка будет проходить на любом оружии, но без права замены щита. По стандартным условиям их меняли до трёх раз за хольмганг, но чаще всего битва оканчивалась сразу после разрушения первого.

И вот последняя дуэль завершилась. Весь турнир я провёл в мыслях о предстоящем сражении, и не следил за ходом схваток. Но когда мои товарищи по драккару начали скандировать имя нашего хёвдинга, я невольно очнулся. Рауд без проблем дошёл до полуфинала и сейчас его противником был высокий обоерукий боец. Как только начался поединок, стало понятно, что Луне придётся несладко, ведь Бентейн, а именно так звали этого воина, показывал невероятное искусство владения оружием. Его пляска затупленных мечей, стальным смерчем неслась на хёвдинга. И не было бреши в потоке ударов Бестейна. Рауд непостижимым образом отбивался, но с каждой секундой всё больше сдавал позиции. В конечном итоге, после очередного размена ударами, обоерукий умудрился чиркнуть по шее Луны, на этом бой и закончился. Хёвдинг удивлённо потёр шею и с хитринкой кивнул оппоненту. Бой был закончен заслуженной победой Бестейна, впрочем, как и следующая схватка, а следовательно и турнир.

Теперь настал мой черёд.

Дорожка от турнирного ристалища вела к перекрёстку. Уже сейчас здесь была масса людей, живым забором обозначая границы сходки, первые ряды которых держали огромные щиты с драккаров, во избежание случайных попаданий. Зрители предстоящего боя вежливо разомкнули строй, пропуская меня вперёд. А на самом пересечении дорог стоял Вигфус широко расставив ноги. Боров был необычайно толстым для этого времени человеком. Его

обрюзгшая фигура скрывалась за кучной сетью воронённых колец. Если у большинства кольчуги были свободного края, то у Вигфуса бронь трещала по швам, плотно обтягивая его тушу.

В правой руке он держал щит, а в левой — короткое копье, что на фоне необъятного тела смотрелось тростинкой. Одной из особенностей Борова была правосторонняя стойка. Нельзя сказать, что левшей в среде викингов не было — они зачастую перекрывали правый фланг хирда и крайне ценились в дружине. Его голову прикрывал шлем, нащёчки которого расходились в стороны от оплывшего лица. Завидев меня, Боров гнусно усмехнулся:

— А я думал, ты засышь, щенок! — мерзкий голос прорезал тишину. У меня не было желания отвечать на слова этого человека, поэтому я просто его проигнорировал. Между тем, Боров продолжил. — Я заметил, ты высокого роста — ничёсь, я подпрыгну! Я достану! — брызнул он слюной. — Смотри у меня, и смотри в оба. И оглядывайся по сторонам, — всё больше расплылся Боров, цедя сквозь зубы слова, — Это тебе не языком болтать. Это тебе, Эгиль, за свои слова отвеча...

— Завали клюв, соловей! От твоих гнилых слов всех уже тошнит! — я схватил меч, а второй рукой нащупал метательный нож. Как только Вигфус сделал первый шаг, я метнул в его ногу небольшой клинок. Но Боров двигался с удивительной лёгкостью для человека подобной комплекции. Снаряд пролетел мимо. Я успел метнуть ещё лишь один нож, перед тем как тяжёлый копейный тычок обрушился на спешно выставленный щит.

Боров виртуозно пользовался своей массой, вкладывая её в сокрушительные удары копья. Я вертелся как уж, стараясь не принимать весь ущерб на щит, потому как даже после первого укола Вигфуса, в деревянной конструкции защиты образовалась сквозная прореха.

Мой план состоял в том, чтобы заставить Борова выдохнуться, и уже после добить. Играть в героя, прущего на амбразуру и мериться силой в сходке с амбалом — не мой вариант. Только скорость и расчетливость могли принести победу.

Второму ножу удалось вспороть по касательной кабанье бедро. Но на этом Фортуна прекратить наше с ней сотрудничество и направила поток удачи на Вигфуса. В момент смещения мне под ноги попал камень, оступившись на нём я потерял баланс и пропустил копье на щит. Доски разошлись, и если бы не кожаная подоснова, то в руках осталась бы лишь половинка плоскости щита. Теперь же он больше мешал, чем защищал. Но это сыграло и в мою пользу, ведь увидев моё удручающее положение, Боров ужесточил свой напор и бил уже наобум.

— Ты захлебнёшься в крови, как твой папаша в море! — внезапно выкрикнул он.

Да откуда эта туша знает о причинах смерти Синдри?! Почему всё время упоминает мою семью? Внезапно я осознал, что наш бой не более, чем месть Вигфуса мне. Но кто он такой, чтобы мстить мне или моей семье? И за что?

Размашистый удар проскользил по умбону. Вот оно! Разогнанное до огромной скорости копье увлекло Борова за собой. Его левый бок открылся, и я что было сил направил острие меча в натянутую до предела кольчугу. Кольца выстрелили шрапнелью, разрываясь от холодной стали меча.

Клинок преодолел защиту и почти до гарды погрузился в тучное тело Вигфуса. Кончик лезвия острым пиком показался у правой ключицы Борова, окрасив его ворот в красный цвет. Я сильнее ухватился за меч, проворачивая рукоять, и резко вытянул его из открывшейся раны.

— Ублю-кх...док! — подавился кровью свиномордый.

Но даже смертельная рана не охладила его пыл. И он с ещё большей яростью набросился на меня. Копьё гудело от сопротивляющегося воздуха, лезвие прорезало пространство, но так и не могло достать меня. Однако каждый последующий взмах отнимал силы Борова, пока они окончательно не иссякли. Полностью обескровленный и изнеможенный, он свалился на землю, подняв облако пыли.

— В этом хольмганге боги были на твоей стороне, Эгиль, сын Синдри! И всё, что Вигфус Боров брал с собой на поединок с этого момента принадлежит тебе! — возвестил конунг Сигфрид. — Это был отличный бой, хускарл!

— Спасибо, конунг... — перевёл дыхание я.

— За честное и непредвзятое судейство, а также за организацию поединка, ты должен внести в казну марку серебра! — добавил коварный Гудфрид. Ох, не в этом времени должен был родиться ярл... ох, не в этом.

Пока близнецы вносили от моего имени серебро, сопалубники Борова оперативно освободили его от снаряжения и с трудом потащили его прочь. На месте недавней битвы остались лишь шлем, пробитая кольчуга, витая гривна со связкой молотков Тора, копьё и щит. Одежду Вигфуса я великодушно разрешил оставить мертвецу.

Слегка покачиваясь от усталости, я посмотрел на темнеющее небо. Мысли текли медленно, словно тягучий мёд. И осознание победы поселило улыбку на обессиленном лице. В чистый от звуков разум ворвался водопад возгласов моих друзей. Словно пробивая плотину, их крики становились всё громче и громче. И вот бушующий поток подхватил меня и понёс за собой.

Куда? Конечно же в корчму!

[1] Хольмганг (др. — исл. *hólmganga* — «прогулка по острову») — поединок двух викингов. Все условия схватки обговариваются заранее. Отказ от поединка влёт за собой бесчестье. Убийство во время сходки не считалось таковым, а трактовалось как воля богов.

Единственным желанием после хольмганга было провалиться в сон. Но мои товарищи думали иначе, и с улюлюканием потащили моё выжатое тело в кабак.

В этот вечер наш хирд выжрал весь алкоголь корчмаря, спел десяток раз драппу о волках в овчарне, и затеял одну массовую драку. К счастью, всё обошлось без последствий. Но на турнирное награждение двигаться самостоятельно у меня уже не было возможности, и я плыл на руках близнецов. Дважды услужливые братья меня уронили — последний раз в лужу, так что «взбодрившись», я смог взойти на пьедестал своими силами. Кстати, призом по состязанию в стрельбе был лук. Боги, видимо, услышали мои молитвы и послали мне сложный композит тюркского типа. Вроде как я даже пытался его натянуть, но в глазах двоилось, и поймать нужную тетиву так и не вышло. Дальнейшие события напрочь выбило из моей головы, и, думаю, к лучшему.

Стоит ли говорить, что пробуждение было мучительным. До такого состояния я не допивался даже в прошлой жизни. И не придумав ничего лучше, я подозвал жестом трэля. Во рту будто йотуны нагадили и лишний раз раскрывать его не хотелось. Тем более любые звуки знатно отдавались болью в голове, поэтому я на пальцах показал, чтобы трэль прикатил телегу. Общими усилиями он облокотил меня на небольшой воз. Дальше жесты были бессильны и я, срывающимся на хрип голосом, приказал вести меня до причала.

— Да кати ты её уже! — сип, словно тёрка разодрал горло.

Испугавшийся холоп, что было мочи принялся тащить телегу. Каждая кочка отзывалась набатом в черепной коробке. Наконец, колёса зашуршали по мосткам. И еле как выбравшись из дроги, я пластом слетел в воду.

Неготовый к такому шоку организм, казалось, полностью перезагрузился после фатальной ошибки. Из памяти экстренно удалило все ненужные процессы, запуская единственную команду — выжить!

Руки мощными толчками вытянули к поверхности конфуженное тело. Жадно наслаждаясь воздухом, я с шумом пытался продышаться.

Успокоив бешенное сердцебиение, я отклонил голову и подобно морской звезде вытянул конечности в стороны. Солнце играло яркими бликами на поднятых барашках волн. Тёплая вода ласково трепала длинные волосы, норовя плеснуть брызги на закрытые веки. Боль и тошнота утихли, оставив место лишь блаженному покою.

— Конунг велел русалку поймать и в тяжкие цепи её заковать!

— Русалка по волнам уйдёт, пусть конунг дальше слёзы льёт... — буркнул я знакомому голосу строчки популярной баллады, слегка изменив её текст.

— Давай на берег, водяной, — расцепив глаза, я увидел ухмыляющуюся рожу Иста, — думаю тебе будет интересно, что тебя искал Скалласкальп!

Ну вот надо ж было так испоганить момент! И ведь ещё стоит, лыбится.

— А как он искал? Наверде «где этот мертвец?!» или «не знаете, где найти Эгиля?» — выбираясь на берег любопытствовал я.

— Эмм... что-то среднее. Он же хёвдинг, тут сложно сказать. Да ты не тушуйся, я своего зятя в обиду не дам! — хвастливо заявил Ист подавая мне руку.

— Один Всеотец, с такими защитниками, мне то-очно ничто не грозит! — усмехнулся

я. — Может он что-то хотел передать?

— Ага, что приглашает тебя в гости, и братьев твоих тоже.

— Спасибо, Ист! А Рауд знает об этом? — я попытался нащупать дорожку к отступлению.

— Конечно, он и велел тебя найти и передать эти слова, — а вот это уже вдвойне странно.

После водных процедур я полностью оклемался и направился с Истом на наше подворье. Между делом, всё это время трэль так и стоял с телегой на причале. Я уже успел забыть о нём, но заметил его переминающийся с ноги на ногу силуэт и отпустил. Классовое неравенство не позволяло рабу своевольничать. Хотя те же скандинавские трэли вполне вольготно себя чувствовали, и могли даже вести диалог со свободными людьми. А вот подчинятся кому-то, кроме хозяина были не обязаны.

Дома меня встретили близнецы, увлечённо рубящиеся в хнефатафл. До сих пор поражаюсь их пофигизму. В одних портках, но опоясанные мечами, сидят, не обращая внимание ни на что вокруг. Но это только мнимая беспечность, готовая в любой момент оцетиниться клинками любой угрозе.

— О! Эгиль! Тебя тот лысый хер искал, — лениво протянул Фреки, не отвлекаясь от игры.

— Он и вас, вообще-то искал, — ответив им, я прильнул к кувшину с морсом.

— Не, только тебя. Нас же он просто так позвал. Чтобы мы не порубили всех его хирдманов, если ты вдруг задержишься, — вполне обыденно ответил Гери, почёсывая пятку.

— Ваша самоуверенность сведёт вас в могилу.

— Тогда ты за нас отомстишь, — ничуть не расстроившись ответил Фреки.

— И умру сам... — добавил я. На что оба брата только развели руками.

Наскоро одевшись и приведя внешний вид в порядок, я выдвинулся к Скалласкальпу.

Пока шёл до его резиденции, волосы окончательно высохли. Весна уже на всех порах переходила в лето, и ощущалась на градусов тридцать тепла. Было желание скинуть с себя отороченную шёлком рубаху, ладные синие шаровары и ботинки, но элегантные северные модники не оценили бы посылы. Тем более, когда речь идёт об официальной встрече с уважаемым человеком.

К дому лысого хёвдинга меня впустили без проблем. Проблемы возникли уже на самой аудиенции. Прямо с порога.

— Ты должен мне, Эгиль Синдрисон! — вместо приветствия сурово заявил Скалласкальп.

Я состряпал на лице самое невозмутимое выражение и пустым взглядом вперился в хёвдинга. На секунду пожалел, что со мной нет близнецов.

— Поэтому, чтобы искупить свой долг, я предлагаю тебе и твоим братьям вступить в мой хирд, — благодушно произнёс он.

В горле пересохло и, будто прочитав мои мысли, Скалласкальп кликнул слуг, чтобы мне принесли вина.

Слава Богам! Теперь риск, что меня грохнет гладкоголовый вождь минимален, иначе он нарушит законы гостеприимства. А законы здесь чтут.

— Тебя и близнецов-ульфхендаров я сделал бы хольдами. У меня два корабля, и их рундуки[1] ждут ваших задниц. Насчёт Красной Луны можешь не беспокоиться, я уже обговорил с ним этот вопрос.

— Скалласкальп, ты известен как достойный вождь и великий воин, — издали начал

я, — твоё предложение честь для меня, но...

— Напомню, ты убил двух моих хирдманов, хурскарл, — с нажимом перебил меня хёвдинг. В этой ситуации не было абсолютно никакого смысла доказывать, что убил я только одного, причём в честном поединке.

— Но я верен Рауду, — твёрдо ответил я.

Скалласкальп испытующе вперился в меня краснеющими буркалами. Вены на его черепе вздулись и поползли толстыми червями под кожей. Двое его молодцов тут же сдвинулись позади меня.

А мой меч пришлось оставить в сених, на поясе только скрамасакс. Но что толку от него, если противников втрое больше, и все они являются элитой военного сословия.

Жизнь, странная штука — до безумия скоротечна. И может оборваться крайне неожиданно.

— Ха-хах! А Луна в тебе не ошибся! Этот лис поставил пять марок, что ты останешься при нём! — подавился смехом лысый вождь. — Эх, потерял столько серебра... Но людей, хускарл, ты мне найдёшь! — с угрозой в голосе отчеканил он.

Не камень — настоящая скала упала с души.

У Скалласкальпа было наипаскуднейшее чувство юмора, а может его и не было вовсе. Зато теперь я меньше переживал за свою шкурку. Осталось лишь найти лысому новых хирдманов. Вот только где их на франкской земле искать?

— Передай Рауду, что мои люди принесут его выигрыш сегодня вечером. А вообще-то я сам скоро передам. И, Эгиль, ты всегда можешь изменить своё решение. Под моим парусом ваша троица добьётся гораздо большего. Будь-то добыча или слава, — проникновенно сказал он напоследок.

Слова были излишни. Кивнув ему, я направился к выходу.

Ах, чистый воздух. Иногда для счастья нужна сущая мелочь. Туника неприятно прилипла к коже, толи от жары, толи от переживаний. Интересно, растёт ли здесь валериана или ромашка? Ввиду последних событий, было бы неплохо успокоить нервы.

Тем не менее я зашагал к Рауду.

На подворье хёвдинга не оказалось. Норег из нашей команды по имени Снорри сказал, что Луна отправился на встречу с конунгом. Заявляться на собрание важных господ я ещё не имел статуса, а деятельная натура требовала занятий, поэтому следующим решением я принял идти в кузницу.

Как оказалось, Дарри и здесь успел навести свои порядки и занял отличную мастерскую на отшибе Эльсло. Но перед походом в кузню, следовало переодеться и как минимум показаться перед братьями. А то не ровен час натворят делов.

Это заняло не больше десяти минут. Близнецы вполуха послушали мой рассказ о вербовке Скалласкальпа и сразу дали рекомендации для набора нужных ему людей. Удивительно, но Гери и Фреки не просто праздно шатались, но и заимели при этом полезные знакомства. По их словам, они знали пару человек, желающих сменить команду. Инициатива наказуема. Поэтому я передал всю головную боль этого вопроса им. И со спокойной совестью удалился в сторону цеха Наковальни.

Вот кто-кто, а суровый кузнец всегда был рад меня видеть. Еле как высвободившись из могучих объятий крепыша, я предложил ему выковать кое-что по моим эскизам.

Но чтобы рассказать о совместном с Дарри проекте, нужно немного углубиться в историю.

Всем известна гонка вооружений? Холодная война, ядерное оружие... А ведь всё началось гораздо раньше — с палеолита и простейших копий. Тогда древним людям не нужна была особая защита в честной рубке один на один. Зачастую кожаные или меховые одежды справлялись с частью ударов, нивелируя их основной урон. Однако с появлением луков и дротиков нашим предкам понадобилось нечто, что убережёт их и от дальнобойного оружия. Вот и первые щиты. Дальше — больше! На смену каменным и костяным лезвиям пришли металлические. А вместо простых одежд — первые доспехи. В таком рассуждении много вольностей, но основной посыл понятен. Каждый раз, когда оружейное производство делало скачок вперёд, через определённое время доспешные мастера находили противояс.

Сейчас же основным типом защитного снаряжения торса являлась кольчуга. Признаться честно, она отлично справлялась с режущими и даже рубящими атаками, но хорошие колющие удары не оставляли шанса даже самой крепкой из кольчуг. Многие мечи, если и имели острие, то в большинстве случаев оно было скруглённым. Собственно, зачем что-то выдумывать, если всё равно большая часть людей не имеет защиты вовсе. Конечно, сложно нанести хороший колющий тычок противнику со щитом, с другой стороны, этот самый щит — материал расходный. И как только он выйдет из строя, то меч с ярко выраженным острием даст гораздо больше манёвра для атак. Это я и хотел добавить в конструкцию меча на эскизе.

Вторым нововведением я предложил корзинчатую гарду. В среде серьёзных северных мореходов было обыденным отсутствие одного или нескольких пальцев. Латные рукавицы здесь либо не знали, либо не умели делать или не хотели попросту носить. Поэтому, когда я рассказал братьям анекдот про викинга, который хотел держать меч до старости, но его пальцы закончились раньше — никого не рассмешил.

Итоговый чертёж представлял собой типичный палаш или скьявону. Что, впрочем, мало отличалось от мечей викингов, не считая фигурной защиты кисти.

Перед тем, как показать мастеру наброски меча, в голову закралась желчная мысль: «А зачем мне делиться передовыми технологиями с местными кузнецами?» Ответ не заставил себя долго ждать: "Потому в нынешних условиях я не смогу получить желаемый результат, если решу всё делать самостоятельно." Тем более эти "передовые технологии" передовыми и не являются. Защита руки появилась задолго до эпохи викингов, к примеру, у той же фалькаты ещё до нашей эры. Местные умельцы просто не могли не видеть подобного оружия на фресках или статуях.

А это значило только то, что на данном этапе, все эти ухищрения им никоим образом не сдались. К тому же, в отличие от Дарри, я так и не смог стабильно получать сталь необходимого качества. У Наковальни этот процесс поставлен на поток, и уровень его умений был несоизмеримо высок.

— Работа непростая... — почесал кудрявую маковку он. — Занятные каракули, и откуда в твоей голове идеи рождаются?

— Приснился он мне, вестимо меч во сне Боги послали, — пожал плечами я.

— Вёлунд — не иначе! Тебе послали, а от меня-то ты чего хочешь?

— Хочу, чтобы вместе мы сон явью сделали. Не получается у меня стали, подобной твоей. До твоего мастерства мне всю жизнь идти! — умаслил я Наковальню.

— Ты это брось... — засмутился могучий кузнец. — В твои года я только гвозди да подковы шлёпал. А может ты железо не то варишь? — спохватился он.

— Разное пробовал — всё в пустую.

— Я вот своё!... Эх, от сердца отрываю. Ну ладно, ты эт только никому! — пригрозил он. — Есть в Финнмарке одна круча, ну как круча — гора, так вот из неё железо самородками бьёт! Да такими чистыми, что их можно хоть сразу на клинки выковывать. Но я сначала всё равно от шлака отбиваю и в тигли потом. Шоб проварилось оно всё, значить, — хлопнул он в ладоши, — сам я уже давненько на той горе не был. Её колдуны-лопари да саамы меж собой делят. А за жёлтый металл готовы хоть всю кручу по камушку разобрать. Да... — вздохнул он.

— Вот поэтому я обратился к тебе, друг! Предлагаю следующее: с тебя сталь, а я из неё два таких меча выкую. Один тебе, один мне. Но на обоих клинках будет твоё клеймо. Идёт?

— Экий ты ловкий! Условия хороши, но как друга тебя спрашиваю. Зачем тебе это? Поковки из моей стали я тебе и так продать могу. Почему свои заслуги на меня сложить хочешь? — нахмурился Наковальня.

— И как другу тебе отвечу. Потому что хочу наблюдать за работой мастера, как ты тигли наполняешь, как печь разгоняешь. И за эти знания, пусть хоть все мечи не видят больше моего имени на клинке! — с душой молвил я.

— Значит так мои секреты выторговать хочешь? — процедил он, сложив на груди руки.

— Без нужного железа, мне твои секреты не повторить. А такой материал есть только у тебя, и где гора волшебная я не знаю.

Молчание затянулось. Гулкая дробь от постукивания пальцев Дарри по столу наполняла кузницу.

— Добро! — спустя минут пять выпалил Наковальня и в последний раз грохнул пятерню на дубовую поверхность.

Так началась наша работа.

Кузнец разжёт горн, нагоняя жар большими мехами. В полной тишине мастер заложил в специальный тигель кусочки железа и чугунную стружку. Затем припорошил всё костной мукой и положил поверх серебряный дихрем. Следом за монеткой присыпал мелким речным песком и накрыл крышкой. Полный горшочек весил кило полтора, и повторяя прошлую процедуру, Дарри сделал ещё один такой тигелёк. Обе ёмкости кузнец отправил в печь и начал рьяно раскачивать меха.

— Шо ты, орясина. Раз напросился в ученики, так помогай! — утирая пот со лба, посмеялся Наковальня.

Поначалу меха поддавались легко, но после пятнадцати минут непрерывной качки, тело уже не слушалось и меня подменил Дарри. Так, постоянно сменяя друг друга, мы пропахали до вечера. Под конец работы подле каменных плит горна виднелись белёсые разводы обширной лужи пота, что быстро испарялась от жара печи. После бесчисленного количества смен, Наковальня достал кадку с глиной и принялся замазывать толстым слоем все щели и стыки горна. Теперь печь больше напоминала термитник, в чреве которого зияло бушующее пекло.

— Теперь пусть сутки там отдыхает да греется, — устало проговорил он.

— Может остывает?

— Может и так... — буркнул кузнец.

— И как ты один с этим справляешься? Немудрено, что потом неподъёмные камни ворочать можешь... — обессиленно осел я на лавку.

— Дома-то я не один. Двух сыновей учу, всё в макушки их непутёвые умения кузнечные втемашить пытаюсь. Ульф и Берт у меня на мехах стоят, — смахнул пот с глаз

Наковальня, — им для роста полезно, да и дело это весьма почётное. Сам ведь знаешь, хороший кузнец — он похлеще некоторых конунгов будет. Поценнее! — прильнув к бурдюку, булькнул Дарри.

— Эт точно, — на фоне гулко гудела печь. Кузнец утер мокрые усы и предложил воды мне.

— А у вас — норегов, до Харальда вашего Прекрасноволосого, энтих конунгов было, шо червей у дохлой собаки, хе!

— Спасибо за знания, Дарри! Что ж, увидимся завтра! Надеюсь и я смогу что-то новое тебе показать! — неохотно поднялся я.

— Ээ-э, погоди! Торопыга! Завтра мы изново будем тигли нагревать, да поставим их на отжиг. Всё только начинается! — пробасил Наковальня. — А ты думал, стану я свои тайны хранить, коль всё так просто? — ухмыльнулся мастер.

Мне стало страшно за его детей. Точнее за окружение этих самых детей. С таким папаней они обещали вырасти всамделишными богатырями. Уверен, если они смогут направить свои силы и умения в нужное русло, то мир надолго запомнит их имена. А если нет, то былины про нечеловечески сильных йотунов, вполне могли бы иметь правдивые основания в лице детей могучего кузнеца.

— Умно, и как же ты к этому пришёл? — отвлёкся от мыслей я.

— Путём проб и ошибок! А уж ошибок по молодости у меня было... не сосчитать! Ох, отец и ярился, когда все его поковки испоганил... — улыбнулся воспоминаниям Дарри.

После небольшого приступа ностальгии, мы с Наковальней пожали руки и договорились о встрече завтрашним утром.

Когда я вышел из кузницы, на улице уже смеркалось. Надеюсь, что Рауд вернулся с совета вождей и готов принять своего хирдмана.

А поговорить нам было о чём.

[1] Рундук зачастую выступал и местом хранения вещей, и скамьёй для гребли на корабле.

Очередная глава подошла к концу. Уже близится финал этой книги, но не истории Эгиля.

Как я уже упоминал, это моя первая работа, и скажу честно — писательство крайне захватывает. Я стараюсь вести повествование сверяясь с историческими данными и сагами, но вполне допускаю некоторые вольности. Надеюсь, что и для вас они допустимы.

Спасибо, что читаете, добавляете в библиотеку и ставите лайки. Каждый просмотр и любая активность невероятно важны для начинающего автора. Я буду благодарен вашим комментариям. Они помогут создать более качественное произведение, поэтому надеюсь на обратную связь. Благодарю, что вы здесь!

ZaNo

Широким жестом Рауд указал на лавку подле себе и собственноручно налил мне полный рог терпкого вина.

— Чем порадуешь, хускарл? — загадочно начал он.

— Да вот виделся со Скалласкальпом, — на лице хёвдинга отразилось неприкрытая маска удивления, — он просил передать, что обеднел.

— Вот как? Мой ему совет: нужно лучше подбирать людей! Тогда и достаток будет больше и слава. Ведь слава моего хирдмана — моя слава, верно? — Луна пригладил рыжую шевелюру, с весёлым прищуром ожидая моей реакции.

— А если без шуток, почему ты был так уверен, что я не уйду из твоего хирда?

— Прямой вопрос — прямой ответ. Обожаю! Ты ведь и сам знаешь, что среди всех вождей Сигфрида только я да Гудфрид по-настоящему думаем головой. Все эти хёвдинги, как бы тебе сказать... мыслят ровно так же, как и их отцы и деды. Это не плохо, но и не хорошо. Мир-то меняется, парень, и нужно успевать меняться самим, — Луна отсалютовал золотым кубком и приложился к нему губами, — эх, умеют же франки вино делать... ммм, — смакуя, он прикрыл глаза, — о чём это я, да! В тебе я вижу жажду. Желание открыть неизвестные земли, проложить новые торговые пути и заработать настоящую славу и почёт. А вот в Скалласкальпе этого нет...

— Как же он тогда стал хёвдингом двух драккаров?

— Об этом нужно спросить его отца. Знатный род и толика удачи позволили нашему лысому другу стать чуточку известнее в узких кругах. Но это его предел, сын Синдри. И утолить твою жажду ему не суждено. В отличии от меня! — Рауд ухмыльнулся, показав украшенные насечками зубы.

Этот диалог заставил взглянуть на хёвдинга другими глазами. Стенульф был прав, когда велел встать под его стяг. Дух новаторства и великих амбиций окружал Рауда почти материальным ореолом.

— Тем более, как я уже сказал, Скалласкальп не умеет выбирать людей. В его хирде нет единства. И веса в нём, как в вожде маловато. Боров наглядно это показал, когда решил отмстить за ничью своего вождя в поединке с тобой. Хоть, думается мне, это не единственная причина... — снова смочил горло Луна. — И даже если он обещал тебе место хольда, то что славного быть единственным волком среди псов, когда ты можешь оставаться в верной стае подобных тебе?

— С тобой не поспоришь. И раз я такой крутой, что принял правильное решение и остался твоим хирдманом, то разве мне не полагается часть серебра от вашего спора?

— Ха-ха-ха, вот это настоящий викинг! Но нет, я дам тебе возможность заработать другими способами. А сейчас можешь идти и позвать своих товарищей по команде. Кстати, слышал я, ты сдружился с хольдом конунга — Дарри. Это хорошо! Учись у него, и создавай великие творения. Но продавай всё только мне, а уж я отдам за них гораздо большую цену, чем другие. Хирд Красной Луны есть, и будет лучшим среди прочих!

— А я всё думал, когда ты мне это скажешь. Я согласен, хёвдинг! — охотно принял его предложение я. — Что вы обсуждали на совете?

— Это я и хочу рассказать, зови остальных!

Собрание вождей

Что нужно сделать, чтобы стать сильным мира сего? «Родиться в знатной семье!» — скажут многие люди среднего достатка. «Иметь пробивной характер!» — с уверенностью добавляют владельцы оного. «Нужна удача!» — внесут лепту авантюристы.

Все те, кто восседал за длинным столом главного зала Эльсло обладали всеми или частью перечисленных качеств. Одного взгляда на этих людей хватало, чтобы узреть огромный опыт, скрытый за их широкими плечами. Каждый из них хранил долгую историю восхождения и имел преданных последователей. И несмотря на то, что за столом расположились лишь пять фигур, в их тени скрывался строй из шести сотен воинов.

— Проверенные люди сообщили, что в нашу сторону готовится огромное войско, — разорвал тишину Сигфрид, — точное число неизвестно, но оно превзойдёт нас минимум вдвое. Я хочу услышать ваши предложения.

— Засядем в крепости, пушай попробуют выковырять! — залихватски выкрикнул Скалласкальп.

— Что тогда будет с драккарами? Думаешь, ковырялки франков не потянутся к кораблям? — осадил Рауд.

— А почему бы нам просто не уплыть на драккарах. Зачем участвовать в заведомо гиблом деле? Так ли нам нужен этот городок? — в словах лысого хёвдинга появился смысл.

— Потому что Эльсло *мой* город, я забрал эту землю по праву сильного и не отдам её жалкому конунгу франков. С каким бы войском он не пришёл! Поэтому жду стоящих мыслей.

— Можно оставить корабли поближе к морю и вернуться в Эльсло. Время позволит? — спросил фризский хёвдинг Эльпи у конунга.

— Должно. Но без кораблей мы малоподвижны.

— Не скажи, конунг. В отличии от вас: норегов да данов, мы, фризы, отлично управляемся с лошадьми!

— Отличная идея, Эльпи, сын Этеля! — похвалил земляка ярл.

— О чём это вы? — нахмурился Скалласкальп.

— Как упомянул Эльпи, фризы отлично сражаются в конном строю. И единственная причина того, что сейчас мы выступаем пеше, это драккары. Они дают нам больше скорости, но много лошадей на них не перевезёшь. Предлагаю следующее. Мы с Эльпи отправимся на девяти кораблях к устью Мааса или к Утрехту через Рейн. Оставляем драккары там и идём во Фризию за лошадьми. Снаряжаемся и возвращаемся к стенам Эльсло.

— А если вы не успеете дойти до крепости к приходу франков? — не унимался лысый вождь.

— От залива до Эльсло два дня быстрого ходу. Конно — вдвое меньше. Если не успеем, тогда уйдём. Без конницы они нас не настигнут, наши лошади лучшие на этих землях! Но тогда вам всё равно нужно будет двигаться на север. Это сейчас они знают, что мы здесь. Стоит только выйти из крепости, так можно сразу потеряться в густых лесах. И потом ищи-свищи, а среди деревьев строем не повоюешь. Если же останемся в Эльсло, хватит ли припасов, чтобы держать осаду? На дворе вот-вот лето, мешки с продовольствием уже показывают дно. Откуда мы наберём еды, если будем окружены врагом? С таким численным перевесом, нам не дадут даже вылазку сделать. Лучше уж воспользоваться неожиданностью и внести сумбур в ряды франкского войска, когда они не обнаружат нас здесь, а потом

напасть с двух сторон. Конница сомнёт их строй, а объединённые хирды серпом скосят испуганных мирян. В этом наш шанс! — уверенно подвёл черту фризский ярл. Рауд согласно кивнул словам Гудфрида.

— Я вас услышал. Идея ярла Гудфрида сходиться с моими мыслями. У нас есть не больше пяти дней. Двое суток на сборы. На третьи ярл и Эльпи выплывают, а остальные выдвигаются на север. Донесите моё решение до остальных!

Вот что поведал нам Рауд. Неожиданно ли это было? Без сомнения, да! Но, когда решил стать викингом, другого ждать не стоит.

Жаль, что наш с Дарри проект откладывается в долгий ящик. Сделать отпуск стали, вероятно, мы успеем, но замахиваться на дальнейшую ковку точно не выйдет.

Удивительно, что первой мыслью после слов хёвдинга были размышления о кузнице. Ведь буквально через дней пять случится массовое сражение, исходом которого станет смерть бессчётного количества людей. И никто не может обещать, что именно я останусь жив. Как и все мы. Но, видимо, часть природного скандинавского фатализма воздушно-капельным путём передалась мне от братьев.

Потому как Гери и Фреки точно не расстроились предстоящим событиям. Близнецы вообще плевать хотели на любое численное превосходство противника, и на свою жизнь тоже. Братья говорили, что если Богам угодно забрать их в Вальгаллу, то они с радостью сбросят смертные тела.

Я же на Богов не надеялся, и нехило так переживал за свою шкурку. С другой стороны, ощущение грандиозной битвы влекло к участию в ней. Живущие в этом теле подросток-максималист и рассудительный взрослый мужчина никак не могли найти точки пересечения. Из-за чего меня всё время бросало из стороны в сторону. Теперь ещё фатализм прибавился. Чудесно! К счастью, пубертат не вечен и вскоре должен уступить место зрелости и гормональной стабильности.

Когда наполненная тревогами ночь сменилась утром, я снова встретился с Дарри. Мы наскоро поделились мыслями о грядущем походе и приступили к делу.

Большая печь Наковальни ещё хранила тепло в своих недрах. Кузнец достал молоточек и принялся выстукивать дверцу горна, чтобы освободить тигли. Глиняная замазка покрылась вереницей трещин, легко поддаваясь рукам Дарри. В этом деле главным было не сколоть лишнего, иначе ошибка могла привести к большим теплотерям, и, следовательно, меньшему времени на отжиг. Но мастер отлично знал своё дело и через пару минут на столе красовались оба тигля.

Дарри внимательно осмотрел их и удовлетворённо хмыкнул, вернув обратно в чрево печи.

Затем последовательность вчерашних действий повторилась, отличием было только более низкая температура. Однако поддерживать её пришлось до глубокой ночи, не допуская резкого понижения тепла. Наковальня словно носом чувал, когда нужно поддать жару, а когда следовало остановиться и не притрагиваться к мехам. Порадовало то, что под конец такого кузнечного марафона я и сам начал ощущать, когда нужно нагнать градуса. Дарри при этом туманно прошептал: «Теперь ты слышишь. Железо, оно живое, заговорённое. Как и всё вокруг. Даже камни... они общаются, нужно только слушать...» Честно сказать, от его уставленных в одну точку глаз и шёпота мне стало немного не по себе. Ну да что взять с мастера такого уровня. Наковальня имеет право на маленькие странности.

Усталости за эти дни накопилось изрядно. Не успел я после взятия крепости отойти, так сразу в турнире стал участвовать, а потом этот Боров и кузня. Теперь ещё и войско франков... Когда я мечтал о насыщенной и яркой жизни, в голову приходили другие картинки. Сейчас же я мечтаю просто о сне. «Хоть завтра отдохну...» — сказал сам себе.

Но у судьбы были другие планы.

— Эй, проснись! Ну ты и соня. Тебя даже вчерашний шторм не разбудил...

— Чего?! Какой нахрен шторм?! Отвали, Фреки, дай поспать!

— Всю ночь поливало! Видать Асы пьянку закатали и от пива водопадом опростались... Видел бы ты, какое там говно на улице — шагу ступить не успеешь, а на ноге уже полпуда грязи... Да вставай! У нас тут строевая подготовка намечается.

— Твою ж! Когда?!

— Вообще-то уже началась, — сказал он и укатил, не дожидаясь меня.

От резкого подъёма потемнело в глазах. Только сейчас до ушей стали доноситься приглушённые выкрики команд.

Оделся я и собрался быстрее армейского норматива. По пути влил в себя морс, зачерпнул воды из кадки и размазал по лицу. Длинные волосы перекрыли обзор, и на бегу я повязал их в хвост кожаным ремешком. Осталось только подхватить щит и копье. Готово! Кольчуга, шлем, пояс с мечом и скрамасаксом — ничего не забыл.

С грохотом за мной захлопнулась дверь и, ступив с порога, я чуть было не потерял сапог. Мда, обувь как в болоте увязла за жирным слоем глубокой бурой жижи. Побегашь тут... Вытянув ногу, я как можно скорее пошёл к разворачивающему стяги войску.

От моих ног осталась вереница глубоких следов, похожих на пулемётную очередь кратеров. Из-за ночного ливня все передвижения на ближайшую пару дней будут просматриваться как на ладони. Ещё и скорость войска упадёт. Попадос!

Между тем, я таки добрался до нашего отряда.

— Вот и ты, Эгиль! Опоздал, в следующий раз будь вовремя, иначе лишу части доли на добычу! — пожурил хёвдинг.

— Опоздать всегда удаётся вовремя! — отшутился я.

Учения начались. В отличии от имитации захвата крепости, здесь нам предстояло двигаться одним слаженным механизмом, и чётко следовать приказам командующих. А до шести сотен бойцов ещё нужно было докричаться. Поэтому вместо сплочённых построений у нас выходила кривая многорукая амёба.

Только под конец дня, благодаря осипшим связкам хёвдингов у нас начало что-то получаться. До римских легионов далеко, но построение «кабанья голова» или «свинья», в котором войско выстраивается клином — выполняли. Что уж говорить и про пресловутую стену щитов — эта позиция впитывалась ещё с молоком матери у маленьких викингов.

Трудно сказать, как покажут себя все эти построения в ходе сражения, потому что весь потенциал норманнского строя раскрывается в работе хирдом. А хирды у нас, это команды консолидированные, и со скрипом стыкуются с другими. В любом случае — время покажет.

А сейчас грядёт большая стирка! Так как на телах храбрых разбойников не было и сантиметра чистого места.

В желании хоть как-то сократить долгие часы постирушек, я вспомнил своё недавнее пробуждение после гулянки в честь завершения турнира. И в шутку предложил товарищам просто занырнуть во всё облачении в реку.

Но соратники восприняли юмор серьёзно и инициативу поддержали. Вскоре вода в порту перестала сиять кристальной прозрачностью.

Хирдманы во всю мочь веселились и плескались в реке. Огромный норег Халь разбежался по мосткам и оглушительной бомбочкой грохнулся в воду. С его то весом и кольчугой в придачу, он сразу ушёл ко дну. Спихватившись, мы еле вытолкали богатыря на берег.

На этом аккорде купания было решено прекратить. Благо кольчуги уже не скрипели от песка и с одежды не валились комья грязи. Теперь следовало покрыть доспех жиром и оставить сохнуть.

Заливистый смех не затихал до самого подворья. Здоровенный Халь хохотал громче всех над собой. На секунду показалось, что эти могучие викинги просто дети, которые беспечно играют и радуются каждой мелочи. И следующий день в их мыслях подарит им новых приключений с верными друзьями.

Но реальность такова, что приключения не всегда приносят веселье. И неизвестно, сколько из моих товарищей выживут в предстоящей битве. Зачем только Сигфриду упёрлось отстаивать Эльсло?

От этих раздумий мой смех утих сам собой, а к горлу подступил горький ком.

— Смерть от франков нам не грозит, — пронзительный взгляд Гери скользнул по хирду, — почти всем.

— Откуда ты знаешь? — негромко спросил я.

— Богам так угодно.

— Тогда ответь, кому грозит? — стальные глаза старшего близнеца напоминали заледеневшие колодцы. Он глубоко вздохнул и отвернулся.

— Не пытайся изменить предначертанное. Всем нитям норн суждено оборваться. И если ты вмешаться в судьбу, то лишь истончишь её пряжу. Лучше уж умереть в зените славы — в бою, чем волочить жалкое существование, — донёсся до меня его тихий голос.

— Не слишком ли мудрые речи для юного головореза? — съязвил я.

— Не слишком. И тебе ли об этом говорить? — ухмыльнулся он здоровой стороной лица.

— О чём шепчитесь как девки дворовые? — вклинился меж нами Фреки и повис на наших плечах.

— О том, что надо было тебя вместе с последом собакам скормить, — скинул руку младшего Гери.

— Это ещё почему?

— Да ты синим родился. Отец как-то сказал, что подумал сначала, будто тебя йотуны подменили. Видимо не зря он так подумал, уж больно ты...

— Отмороженный... — добавил я.

— Ой, шли бы вы... к йотунам! Не будь меня, было бы скучно!

— И то правда! Но давайте уже домо-оой... — зевок прервал мою речь.

Заснул я легко. Сказалась насыщенная неделя и обилие физической нагрузки. Сон принёс заслуженный отдых, и на утро я проснулся свежим и бодрым.

Как только солнце показалось на горизонте, драккары сошли с причала и удалились в сторону Северного моря. На прощанье Вивиль махнул рукой и прокричал, чтобы мы не забирали всех франков себе и оставили для него хотя бы парочку. Рауд не хотел отпускать такого ценного бойца, но как можно было доверить рулевое весло другому человеку?

Остаётся надеяться, что фризы постараются как можно скорее вернуться на лошадях и вольются в наш строй.

Совсем скоро оставшееся войско покинуло стены крепости. Сигфрид указал направление на северо-восток и четыре сотни воинов сделали первый шаг под командой конунга. «Что дальше будет — неизвестно,» как пели в одной песне, но предсказать скорое будущее мог каждый боец. Вопрос лишь в том, когда мы встретим врага?

Чем дальше наше войско продвигалось от Эльсло, тем гуще становились окружающие тракт леса. За ночь непроходимое грязевое болото подсохло и идти стало легче. Широкие холмы радушно укрывали протяжённую колонну северян так, что увидев со стороны её голову, судить о численности воинов не представлялось возможным.

По правую руку на протяжении всего пути бурлила просторным потоком Маас. Вдалеке виднелся впадающий в реку резвый приток.

— Привал! — пронёсся по колонне приказ конунга.

Когда наш, замыкающий войско хирд, дошёл до точки назначения, остальные уже во всю собирали лагерь у кромки леса.

Остаться в стороне не хотелось, поэтому я подхватил закопчённый медный котелок и пошёл к реке, чтобы набрать воды. У спуска стоял невысокий Глум и напряжённо всматривался вдаль.

— Видишь дым? — указав взглядом, спросил он.

— Нет, — сколько не всматривался, но разглядеть на сером фоне неба я ничего не сумел.

— А он есть. Мне почудилось, будто костром тянет. Я сначала тоже ничего не видел, но там, смотри! Вон там, ага, в двух рёстах отсюда! Еле заметно стелется. Там видать ложбинка меж холмов, а в низовье костёр кто-то жжёт. И не один, потому что вокруг будто затуманенно всё... — задумчиво резюмировал Легконогий.

Два рёста, это же около четырёх-пяти километров! Как он вообще с этого расстояния что-то увидел, огня-то нет.

— Если там и вправду костры, тогда осведомители нашего конунга плохо работают и франки гораздо ближе, чем нам казалось!

Первым делом о скверных новостях я сообщил Рауду. Хёвдинг выслушал их с хищным прищуром. Затем ничего не сказав, он рывком поднялся и направился к шатру конунга. Разговор Сигфрида и Луны был коротким, и когда Рауд показался у нашего костерка, то громко объявил:

— Мои brave вои! Нашему хирду выпала блистательная возможность стать палачами целого войска франков!

Течение сносило меня всё дальше. Я уже преодолел половину реки, но проплыть восемьдесят метров — это одно дело, и совсем другое, когда двигаться приходится вопреки бушующему течению. Маас здорово прибавила в объёме за недавний ночной ливень, и сейчас река обильно выкашивала молодую прибрежную поросль диким потоком.

Моё прошлое предложение постираться в реке после строевой подготовки, по мнению Рауда как-то прочно связало меня страстью к воде. Поэтому он предложил мне первому преодолеть Маас и проложить путь для остальных. Предложение было почётным и не подразумевало отказа, да и не принять его означало показать слабость. Ну уж нет, лучше попробовать и облажаться, чем отказаться и назвать себя трусом.

Пояс с подвязанной верёвкой сильно тянул назад. Когда внезапно под ногами заскользил песок, я уже подумал, что не смогу доплыть и соратникам придётся вытаскивать

меня за страховку. Но вода уже по пояс, затем по колено и вот ноги глубоко увязают в склизком иле, поднимая мутный осадок со дна.

Верёвки хватило с лихвой, и я подвязал её к стволу старой раскидистой ивы. Мои товарищи один за другим полезли в воду, придерживаясь за натянутый канат. В ожидании соратников я разлёгся на сочной траве, переводя дыхание. Через минут десять весь отряд был по эту сторону берега и экстренно высвободил сухие вещи из заплечных мешков. Мне передали мою кольчугу и вооружение, и через пару мгновений я стоял в полном боевом облачении.

Рауд мотнул головой, закидывая мокрые волосы назад и надел на голову чёрный шлем. Мы все перед вылазкой подержали полированные части облачения над огнём, чтобы на них остались тёмные разводы от копоти. Любая заметная деталь могла выдать наше расположение врагу, и поэтому такие приготовления оберегали нас от случайного солнечного блика.

Как же вообще получилось, что наш маленький хирд рискнул в одиночку пойти на войско франков? Об этом нужно спросить Рауда.

Безрассудный хёвдинг решил, что горстка его людей способна водить за нос тысячную армию. Идея вождя заключалась следующем: первое — выследить франкское войско, второе — по возможности напасть на врагу, третье — наконец позволить обнаружить себя и увести армию противника к удобному для нападения северян месту.

Вот только есть один нюанс. И даже не один. В том случае, если первые два пункта будут успешно выполнены, то с заключительным возникают основные сложности. Находясь далеко от собратьев, мы не имеем возможности угадать время возвращения фризского ярла. А без конницы эта военная авантюра заведомо лишена шанса на успех.

Ох, Боги, надеюсь Стенульф был прав и вы приглядываете за мной. И если вы действительно существуете, то сейчас нам крайне необходимо ваше покровительство!

Густой зелёный покров даже не пытался скрыть вязь наших следов. До холмов, указанных Глумом, оставалось недалеко. Но как только мы вышли из поймы притока Маас, то сразу нырнули в тень спасительного леса. Путь стал заметно длиннее, однако так вероятность быть замеченным существенно уменьшалась.

Двигались резвой рысью в полном облачении, но за полчаса бега усталости не было. Во время пути я смотрел только под ноги и на спину товарища. Мягкий изумрудный мох приятно пружинил на каждый шаг, скрывая лишние звуки. Только гудящее дыхание хирдманов нарушало лесной покой.

Вскоре Легконогий указал на выход из чащи. Теперь каждый мог отчётливо почувствовать прогорклый запах дыма от многочисленных костров.

Картина, что открылась перед нами повергла меня в оцепенение. Никогда прежде я не видел такого количества воинов. Осведомители Сигфрида не ошибались, указав, что франков вдвое больше.

Сотня костров освещала силуэты тысячи бойцов противника. Десятки шатров и палаток, зонтиками выростали из земли. Целый табун лошадей стреножено ютился у ручья. К счастью, лошади в армии франков выступали лишь тягловыми животными, и не годились для боя. Но масштаб вражеской армии этот факт не умалял.

Даже неугомонные близнецы присмирели, лицезрея лагерь противника.

Однако одного взгляда на Рауда хватало, чтобы ощутить его непоколебимость. Будто выцеливая глазами слабые точки войска, он с блуждающей улыбкой что-то беззвучно

шептал.

— Хёвдинг? — прервал молчание Халь.

— Хёвдинг... Когда мы опрокинем франков, то обращайся ко мне — ярл! — хищно усмехнулся медноволосый вождь. — Они пришли совсем недавно и были в пути долгое время. А значит выдвинутся они не раньше, чем завтрашним утром. Но спать мы им не дадим! — оскалился Луна.

— Что нам делать? — спросил жилистый норег Барси, сдвинув шлем на затылок.

— Сначала понаблюдаем. Надо узнать, где они хранят еду. Думаю, для этого у франков несколько мест — их нужно найти. Глум, ты самый глазастый! Ищи командующего войском... Хотя я и сам нашёл. Это тот, кто владеет тем богатым шатром! — указал он пальцем на большую, украшенную палатку, что больше походила на скинию. — Тогда, Глум, ищи его приближённых.

— Понял!

— Дальше! Без лошадей им придётся тащить всю поклажу на себе. Поэтому у франков их быть не должно! Подпалить бы всё здесь на потеху Сурту, да из-за гадской сырости не получится...

Поджечь всё к чертям — любимый вариант северных мореходов, вот только земля до сих пор отвратно чавкала от влаги. И как они нашли столько растопки для костров?

— Обдумайте мои слова, и если есть предложения — высказывайте! — заключил Рауд.

С каким-никаким планом даже самое неосуществимое дело не кажется таковым. После недолгих размышлений, Луна ещё спрашивал каждого из двадцати своих хирдманов касательно их идей. Остановились на том, что действовать будем глубокой ночью, и действовать одновременно, подавая друг-другу разные сигналы.

Глум таки разглядел, где находятся франкские командиры, а Снорри выяснил расположение часовых. Еду противник брал из связки покрытых пологом телег. Дозорные караулили на всех важных объектах лагеря, включая провизию и лошадей. Но к этому мы были готовы.

В последнее время я всё чаще примеряю на себя шкуру земноводного. Вот и сейчас иду по плечи в воде, раздвигая рогоз. Моя цель лошади. Нужно отвязать их и спугнуть, когда мне подадут сигнал. А перед этим хорошо бы разобраться с двумя часовыми.

Ух, вода-то холодная! Не как во фьорде, конечно, но приятного мало. После обильного ливня температура в резвом притоке Маас заметно опустилась. Тем более, когда барахтаешься в воде с час.

Пытаясь унять клацающие зубы, я наблюдал через камыши, когда же дозорные перестанут болтать и наконец отвернуться друг от друга. Ноги уже давно онемели, но может это даже к лучшему, потому что я не хотел знать сколько пиявок присосалось к моей тушке.

Вот! Первый сторож встал и отошёл к кустам. Так, руки — не дрожать!

В ладонь приятно улеглось лезвие метательного ножа. Короткий взмах... есть! Пока тело дозорного заваливается я успею убрать второго.

Чёрт! Ног не чувствую совсем! Второй часовой уже развернулся к звуку падения, но ослеплённые костром глаза не дают ему разглядеть торчащий из головы товарища нож.

— Лаубод... Лаубод! — позвал он друга, но отвлёкся на шелест камыша.

Совсем мальчишка...

Второй нож глубоко увяз в шее молодого франка, почти мгновенно забирая его жизнь.

Струйки воды еле слышно стекали на землю, когда я, пригнувшись, заскользил к поверженным караульным.

Дыхания нет. Забрал ножи и начал развязывать стреноженных лошадей. Да... будь это боевые кони, то первым делом они огласили бы округу громким ржанием, а потом забили бы меня копытами до смерти. Но эти стоят, смиренно пощипывая травку. Отлично, осталось только дожждаться сигнала!

Чтобы хоть как-то скрыть своё присутствие здесь, я утопил тела франков и хаотично разбросал песок на берегу. За этим делом до меня и донёсся отрывистый птичий свист.

Молодец, Глум! У него, как и у нашего хёвдинга, были самые сложные задачи — пробраться в центр лагеря. Задача Легкононого была в том, чтобы разобраться хотя бы с частью продовольствия противника. А Рауд решил ликвидировать вражеское руководство. Звучит нереально, но на деле дойти до ядра франкского лагеря — возможно, если знать как. Глум и Рауд Луна знали.

Я ответили сигналу трубным мычанием речной выпи, и хлёстко шлёпнул ближайшую кобылу по крупу. Лошадь всхрапнула, и что было мочи рванула галопом из франкской стоянки. К ней присоединились её товарки, и вот уже целый табун помчался прочь от лагеря.

Скорее! Пока войско ещё не проснулось! Тёмная вода вновь скрыла меня с головой. Бррр, во второй раз ещё холоднее. Но не время думать об этом!

Кролем, не поднимая волн, я добрался до неприметного участка заросшего берега. А теперь бежать, заодно и согреюсь!

Синеватая луна освещала путь не хуже маяка, и даже в плотном строю деревьев она находила лазейки своим бледным лучей. Для этой вылазки мне пришлось оставить кольчугу и шлем, а из оружия я взял только скрамасакс да набор метательных ножей. Поэтому обратный путь пронёсся быстро, и я сумел добежать до места встречи почти не запыхавшись.

— Рубашку попортил... — вздохнул залитый кровью Рауд, сидящий на пне с мечом на коленях. — Не моя, — перехватил он мой взгляд.

— Как прошло? — с другой стороны опушки, беззвучно появился Глум.

— Дождёмся остальных и расскажу. А пока ждём, вы слышали имя Арнульф Ван Маас?

— Нет, — ответил я, а Легконогий отрицательно покачал головой.

— Уж не знаю, насколько важной шишкой он был, но теперь этот человек мёртв.

Сразу после удачной вылазки на нас началась облава. Размер вражеского войска позволял ему тянуть свои хищные лапы во все стороны для наших поисков. Весь остаток ночи и последующее утро мы провели в бегах. Казалось, что взгляд противника неотрывно буравит наши спины. Мы петляли, кружили по своим же следам, чтобы хоть как-то запутать франков в направлении нашего движения и численности хирда. К тому моменту, когда Рауд просипел остановку, я уже не мог отличать ни деревьев, ни троп, даже лица товарищей плыли перед глазами неразличимыми масками в этом зелёном лабиринте. Но Глум, будто охотничий пёс, безошибочно провёл нас по ему одному понятному маршруту.

— Оторвались... — задыхаясь бросил он.

— Но где же мы? — от земли приподнялось осунувшееся лицо Халя. В этом забеге его богатырское сложение сыграло с ним злую шутку. И как только выдалась передышка, норе тут же свалился ничком. Его примеру последовали ещё несколько хирдманов. Близнецы уселись спиной к спине и закрыли глаза. Если они сейчас так и заснут, то Лейдольв может гордиться так похожими на него сыновьями.

— Разве ты не понял? Мы с противоположной стороны франкского лагеря, снова у них под боком! — слова двуязычного хёвдинга хриплым шелестом затерялись в кронах вековой роши.

— Но как? — не веря, выдохнул я. На что Глум развёл руками, а Рауд с ухмылкой подмигнул.

Так и не получив ответа, я постарался восстановить в памяти все недавние события.

У каждого из нас было своё задание.

Я должен был спугнуть лошадей, Глум — избавиться от провизии, почти все хирдманы участвовали в снятии дозорных для безопасного продвижения Рауда к центру заставы. Когда все этапы плана были выполнены, а сигналы прозвучали, тогда мы спешно ретировались в разных направлениях к точке сбора.

Последним к знаковой опушке приковылял Халь со связанным франком. Здоровяк прыгнул выше головы и умудрился взять языка.

Допрос вышел недолгим. Рауд мастерски владел арсеналом опытного дознавателя, и несовершенный уровень знания франкского, с лихвой перекрывался умениями пыточных дел мастера. Не прошло и пяти минут, как Луна получил ответы на большую часть своих вопросов.

К сожалению, пленённый боец не входил в офицерские ряды и не мог знать замыслов высших чинов. Что и говорить, франк не владел письмом и счётом, поэтому даже численности армии не назвал. Зато солдат знал главнокомандующих.

— Эх я удачно зашёл! Не иначе Боги за руку вели! И что, хочешь сказать, что Арнульф Ван Маас, это главнокомандующий всего вашего стада?! — последнюю часть хёвдинг продублировал на родном франку языке.

Пленный как мог быстро отвечал, зажимая окровавленное ухо, точнее его обрубок.

— Что он говорит? — нетерпеливо переминался с ноги на ногу дренг Хвати.

— Цыц! Говорит, что Арнульф был у них главным, это да, но помимо него есть и другие

ярлы... тьфу-ты! Графы! Граф Ген...кто?! Как ты его назвал?! — вслед вопросу прозвучал глухой подзатыльник, опрокинувший франка оземь. Пленный ещё быстрее заговорил, надеясь, что на этом его истязания закончатся. — Генрих, да! Сразу бы так! Но кроме воинов с ними ещё и какой-то важный жрец Сундерольд.

— Хёвдинг! Я слышу франков, они близко, — известил Легконогий.

— Мы уже узнали всё, что нужно. Выдвигаемся! — параллельно с приказом, завалилось тело франка с перерезанным горлом.

Полдень. Сменяя вахты, мы успели поспать часа два. Армия противника только сейчас начала своё ленивое шествие к реке Маас. Даже издали было видно, что во вражеском войске нет сплочённости. Под светом зенитного солнца франки то и дело оглядывались по сторонам, выискивая нас в глубоких тенях окружающего леса. Смерть графа сильно ударила по боевому духу противника и восстановить его не мог даже архиепископ, сверкающим пятном снующий в глубине войска.

— Если Гудфрид вернётся сегодня, то не раньше заката. И до этого нам нужно помешать франкам настигнуть конунга Сигфрида.

— Хёвдинг, как мы остановим тысячу франков? — задал очевидный вопрос Снорри.

— А кто сказал, что мы будем его останавливать? Кто у нас с луками? Эгиль, Глум, да, я вижу, Хвати, ты тоже. Ага, Эгиль, как быстро пускаешь стрелы?

— Один выстрел за четыре-пять удара сердца... — задумчиво ответил я.

Как такового понятия времени у викингов не было, и ориентировались они, в первую очередь, по солнцу или тени, отбрасываемой солнечными часами. Поэтому я не мог сказать, что моя максимальная скорострельность составляет около пятнадцать стрел в минуту. Конечно, стрелять я мог и быстрее, но тогда половина мишеней оставались целыми.

— Отлично! Сколько стрел в твоём колчане? — продолжил Рауд.

— В этот раз я набил его туго, в нём двадцать две стрелы.

— Я понял, тогда бери Глума и Хвати, видишь тот пригорок? Вы пойдёте туда, и когда услышите мой свист, то как можно быстрее опустошите свои колчаны в армию франков! — после слов вождя у дренга широко распахнулись глаза, но не от удивления, а от предвкушения. Реакция Легконового была спокойнее, он скупно кивнул, полностью доверяя Луне.

— Чего же вы не спрашиваете, что делать дальше? — ухмыльнулся в рыжую бороду хёвдинг.

— А чего тут думать. Бежать, конечно, — невесело выдохнул я.

— Верно! Одновременно с вашим залпом, мы покажем мирянам наши спины и рванём на север, так, чтобы они нас видели. Побежим россыпью у кромки леса, так будет казаться, что нас больше, чем два десятка. Всем всё понятно?! — в ответ хирдманы прорычали слитным потоком короткое «да!»

Напоследок Гери поднялся и хлопнул меня по плечу. Фреки же с земли махнул рукой и крикнул:

— Давай, нашигуй их как Боги — ежа!

Пригорок оказался отличной смотровой позицией. До ползущего строя франков было метров семьдесят, и противник отлично просматривался сквозь густой подлесок, чего нельзя было сказать о нас.

Я воткнул стрелы в землю перед собой и занял удобное положение. Аналогично поступили Глум и Хвати, что стояли по обе стороны от меня.

Тетива упруго легла на плечи лука. Лёгкими движениями я аккуратно натянул её и также медленно вернул в исходную точку. Повторил ещё несколько раз. Лук, также как и себя, нужно разогреть перед активной работой.

Пронзительный свист резанул уши и всполошил стайки мелких птиц, что дробью вспорхнули с деревьев, испуганные шумом.

Понеслась!

— Пли! — опытный хускарл и дренг не нуждались в моей команде, но в этой команде нуждался я сам.

Запела тетива. Стрелы врывались в тело франкской колонны артиллерийским залпом. Первые секунды враг не осознавал, что его убивают. Не прошло и двух минут, как от всех стрел остались лишь лунки в земле, а в разворачивающейся фаланге противника зияла внушительная прореха.

Полный масштаб нашей подрывной деятельности нам лицезреть не удалось, ведь с последней стрелой мы сорвались на бешенный спринт. Последнее, что я увидел перед ретировкой, так это то, как войско делится на две части. Первая, оцетинившись копьями и щитами, направляется в нашу сторону, а вторая, подобно чудовищной многоножке засемила своими лапами на север.

Дальше все мысли поглотил бег. Снова.

Потребовалось около часа, чтобы нагнать Рауда. Влившись в отряд, мы наконец сбавили темп. Преимуществом небольшого хирда является мобильность. В отличии от тысячного полчища, мы имели гораздо большую манёвренность и непредсказуемость в движении, нежели враг.

Подобно змее, мы то и дело показывали франкам изворотливый хвост из леса, заставляя их двигаться за нами.

Наш противник не был глупцом, и навряд ли стал бы наивно идти по следу провокаторов. Но так уж получилось, что Эльсло находится по другую сторону Маас, а переход через реку для такого большого войска занял бы целый сутки. Поэтому франкам нужен мост. Таких мостов в округе только два. Один мост располагался на юге, но сражение там для Сигфрида не повлекло бы за собой ничего хорошего их-за открытого пространства. Другой мост лежал недалеко от того резвого притока, что мы видели ранее. Когда-то существовал и третий мост, тянущейся напрямую к Эльсло, но его обломки были покрыты вековыми мхами.

Франки обезумели. Я видел, как из их строя вырывались вперёд многочисленные отряды в попытках настичь нас и первыми свершить суд. Их можно было понять. Для них наш хирд был отражением гнуса, чей мерзкий писк не даёт спать, чьи личинки отравляют еду, а особо омерзительные твари ещё и способны убить. Но сколько бы противник не пытался, всё не мог прихлопнуть надоедливых насекомых.

Наше положение было немногим лучше. Обессиленные, мы продолжали остервенелую гонку со смертью. Из еды я успел перехватить солонины, когда готовился к обстрелу. После неё ужасно хотелось пить, но бурдюк с водой уже давно показывал дно. Сколько же ещё нам бежать?!

Судя по солнцу, близится закат.

Мы достигли моста и наскоро его пересекли. Даже на таком расстоянии был слышен

смех врага, над нашим невеликим числом. Ничего, посмотрим ещё, как вы будете смеяться дальше...

А дальше мы нырнули к подножью холма. Вот они! Сигурд разворачивал строй острым клином. Закатные лучи скользили по умбонам круглых щитов, слепя глаза.

Но где же вся конница?! Где ярл Гудфрид?!

Сил не осталось.

Последние сотни метров мы тащили Халя под руки. Близнецы забрали ношу у Хвати и ещё одного дренга, но даже это не увеличило нашей скорости. Лишь на волевых усилиях мы дотянули до строя конунга Сигфрида и затерялись в глубине его арьергарда.

Франкам потребуется не больше часа, чтобы их стрелы коснулись наших рядов. Но команде Рауда был жизненно необходим любой, даже короткий отдых.

Конунг самолично поприветствовал и уделил время каждому бойцу нашего хирда, похвалив за отвагу и мужество. Затем Сигфрид помог подняться Рауду, чтобы их видели все собравшиеся воины и громко попросил поведать о приближающемся противнике, его численности и силе. Конунг вовсе не сомневался в победе, и несмотря на трёхкратный перевес врага не думал об отступлении.

— Как ты и говорил, конунг, на каждого сына Одина выйдет по три франкских смерда! — отдышавшись, начал Луна. — Увы, Сигфрид, наши бойцы заскучают в этом бою...

— От чего же, поведай мне, Рауд?

— Мы с парнями всю ночь пили их кровь, лишали сна и еды, убили полсотни этих землепашцев и их командира в придачу. Сейчас франков возглавляет жрец их белого бога, что ты думаешь он прикажет им — молиться?! Ахаха!

Рокочущий смех четырёх сотен воев прогремел по склонам холмов.

— Огорчил ты меня, Красная Луна! — утирая слёзы пробасил Сигфрид. — А может называть тебя впредь Кровавой Луной? Я надеялся на красивый бой, угодный Богам, а ты привёл жалкий скот на убой...даже не знаю, как наказать тебя! Пожалуй, что после этой скотобойни, я выделю тебе и твоим людям лучших земель. Чтобы вместо сражений с франками, впредь вы бились только с виноградом и пшеницей! — ответом конунгу был одобрительный гул хирдманов.

— Ты жесток, но справедлив как Тор, конунг, я принимаю твоё наказание! А где же Гудфрид?

— О, этот пройдоха как всегда опаздывает! Что ж, сам виноват, ему достанутся жалкие объедки с щедрого франкского стола! А вот и наш стол! — у моста появилось вражеское войско.

Разноцветные штандарты с именем Карла III рьяно развивались под порывами сильного ветра. Строй врага разворачивался во всю ширину, и острым потоком ринулся в нашу сторону.

Левый берег Маас был гораздо выше правого. И даже путь к подножью холма, где устроились мы, шёл в гору. Их продвижение замедлилось, но всё так же непреклонно продолжалось.

Наконец франки увидели нашу армию.

От построения свиньей она казалась ещё меньше, но это шло нам на руку.

Я же смотрел на полчища противника и ничего кроме бесконечной усталости не чувствовал. Никаких эмоций, ни страха, ни азарта не было. Только всепоглощающая усталость.

Но шлем привычно сел на голову, ворот кольчуги стянут ремешком, а руку всё также греет шершавая рукоять широкого копья.

Всё тусклее становилось вокруг и всё сильнее сгущались краски. Розовое солнце тонуло за горизонтом, не желая смотреть на предстоящее сражение.

Уже отчётливо читались гневные лица подступающих франков. Не на всех из них были шлемы и хороший доспех, но каждый владел копьем и намеривался погрузить его в наши тела. Конечно, им ещё далеко до рыцарей, но даже так наши шансы на победу не велики. Это я осознавал чётко и не верил браваде конунга.

Они подошли уже слишком близко. Думаю, я смог бы сделать прицельный выстрел, да вот только стрел не осталось.

Сейчас и противник решился на первые, робкие попытки обстрела. Недолёт. Но вот пять секунд и стрелы застучали о щиты, не в силах ещё увязнуть в них. А дальше события понеслись как на ускоренной плёнке.

Из глубины строя я увидел, как хирдману Скалласкальпа прилетела стрела в бедро. Кто-то сдавленно прорычал, с другой стороны завалилось чьё-то тело...

А стрелы летели и летели. В разнобой, не давая возможности опустить щиты. Всё больше снарядов находило бреши в нашей защите, и без того небольшое войско редело на глазах.

Но вот между нами осталось полсотни метров и наш клин, размыкая щиты, пошёл на разгон. Задние ряды метнули сулицы, обрушивая отмщение за погибших товарищей. В следующее мгновение мы глубоко погрузились в податливое тело франкского войска.

Но затем острие кабаньей головы было смято и крылья построения сравнялись с первыми рядами. Нас обхватили с трёх сторон. И как бы не был велик уровень воинских навыков отдельных бойцов нашего строя, под великим числом противника мастерство воев не помогало им против многочисленных копий недруга.

Волна франков захлестнула и задние ряды. Наш хирд погрузился в пучину сражения...

... древко копья пропорол по касательной мою кольчугу. Смотреть, прошло ли оно глубже не было времени. Даже если под кольчугой течёт кровь, в пылу сражения я не замечу её жар...

... взрыв по шлему обрушил меня на землю. Я уже видел, как разъярённый рыжий франк заносит окровавленный топор, чтобы добить меня. Но Ист успел подставить свой щит под его удар...

... близнецы где-то неподалёку, я не вижу братьев, но слышу, как воздух сотрясает их рёв. К ним присоединяется громогласный рык берсерков Сигфрида...

... кровь из глубокой раны на лице багровым потоком застилает глаза. Солнце скрылось. Правая рука свисает плетью, оружие выскальзывает из ослабевших пальцев...

... это конец. Копьё пробило левую сторону груди. Падение на землю смягчилось телом павшего товарища. Это же Ист! Кровавый кашель не даёт вдохнуть. Боли нет. Или это я утратил чувства? В последний миг под светом луны я увидел, что с вершины холма слетает чёрная лавина всадников. Люди валятся как домино, копыта стучат по тяжёлой земле и телам, что на ней. Но я этого не слышу. Где же луна, куда пропал свет?...

— Я, граф Викберт, есть глас самого Короля Восточной Франкии, Короля Швабии и

Ретии, Короля Италии и Лотарингии, Императора всея франков и приемник Людовика II, прозванного Немецким — Карла III! — помпезно возвестил, стоящий перед конунгом щёголь. — Пришёл для приветствия и аудиенции с Королём Северных Путей, Сигфридом!

— Если бы все эти корольки так хотели поболтать, то чего ж сами не пришли? Пусть бы один заявился, чего ради этого задохлика прислали? — повернувшись к Гудфриду, негромко бросил конунг.

— Думаю, все эти титулы принадлежат одному человеку, Сигфрид, — с улыбкой ответил фризский ярл.

— Ох, и любят эти франки выпендриваться! Тоже что ли именовать себя конунгом каждой кочки... Так, переведите ему! — взревел тучный конунг. — Коли ты представился и уже знаешь моё имя, то сотрясать лишний раз воздух смысла нет! А встречу со мной ты уже получил, вокруг только верные мне люди и скрывать что-то от них я не собираюсь! Говори!

— Кх-кх! — слегка поменялся в лице парламентёр, услышав перевод. — Мой Король по достоинству оценивает Вас, как равного себе, и считается с Вашей силой. Битва при Гьэле показала, что с Вами лучше дружить, чем быть врагами!

— Что ещё за битва при Гьелле? Когда это мы успели смотаться во владения Хель[1] и вернуться обратно, а Гудфрид? — усмехнувшись, спросил Сигфрид у ярла.

— Он говорит о том сражении, что было год назад, где небольшой приток Гьель впадает в Маас. Вы тогда могли бы и сами посечь всех франков, но мы успели немного урвать кусок вашей славы.

— Лесть тебе не к лицу, ярл. Не успеешь вы тогда прийти, не дожили бы мы до рассвета, — глубоко выдохнул конунг, отчего его живот ещё сильнее округлился, — переводить! Да, славная была битва! Где ещё увидишь, чтобы горстка пошла против войска?! Ныне же нас в разы больше, чем было тогда. У меня много друзей, и если твой король хочет к ним присоединиться, то у него должны быть добрые намерения! — Сигфрид обвёл руками полный зал своих хирдманов.

По сравнению с прошлым годом, бойцов у конунга действительно кратно прибавилось.

— Мой Король в знак добрых намерений отдаёт Вам Эльсло...

— Его я сам взял! — перебил посланца конунг.

— ... и руку своей племянницы Гизеллы, — сдерживая гнев, продолжил граф.

— И это всё? — поднял брови Сигфрид.

— И фризские земли, но...

— Ха-ха, Гудфрид, ты послушай его, он предлагает подарить мне и тебе — твои же земли! А теперь ты послушай, граф Викберт! Если ты не начнёшь серьёзный разговор, то дальше мы будем общаться на понятном для всех языке! — после угрозы конунга, граф заметно сдулся.

— Как я уже сказал, мой Король хочет дружбы с Вами, поэтому предлагает такие щедрые дары. Ко всему прочему, он готов даже отдать Фризию своему будущему вассалу, что, несомненно, принесёт конунгу Сигфриду много серебра. А также в знак доброй воли, Король готов породниться с Вами, отдав руку своей любимой племянницы! — закончил долгое выступление Викберт.

— Чую подвох в твоих словах, посланник, — подал голос ярл Гудфрид, — что входит в обязанности вассала короля?

— Защита подвластных ему владений, прежде всего.

— Так ведь на твоих землях одни северяне! — хлопнул по спине Гудфрида конунг, —

Умно, Карл! Этот король хочет, чтобы самая злая волчья стая прогнала остальные!

— Именно, конунг, и думается мне, что это ещё не все подводные камни. Что со свадьбой, граф Викберт? — ярл продолжил обсуждение.

— Как вы знаете, венчание, это христианское таинство брака. Чтобы будущие супруги вступили в брак, они оба должны принять Христа как Бога своего. Об этом подробнее расскажет архиепископ Луитвард. Он готов крестить Вас и Ваших людей!

Викберт указал на высокого служителя церкви в богатом красном палантине и медном кольчужном воротнике, поверх которого покоился тяжёлый крест. Архиепископ сдержанно кивнул и бесстрашно уставился на Сигфрида.

— Конунг, предложение Карла звучит неплохо, но к чему тебе предавать своих богов, ради франкской женщины? Если ты не против, я мог бы понести это бремя за тебя. Тем более, у меня всё ещё нет жены, хах!

— Я не против и второй жёнушки, если же Гизелла хороша собой. И мои боги не против Христа, если я продолжу возносить им дары и жертвы. Но Фрисланд, это твоя земля, так или иначе тебе придётся её защищать. И окажется совсем хорошо, если это будет на харчах франкского королька, ха-ха! Будь по твоему ярл, и вернее конунг Гудфрид! Ахаха! Но серебро от Карла мы поделим пополам!

— Сигфрид, не хватит слов, чтобы передать мою благодарность! Будь уверен, что я никогда не предаю тебя!

— Любо! Переведите! Даю своё согласие, но вассалом буду не я, а мой брат — конунг Гудфрид! И давайте обсудим, сколько серебра ваш король...

Всё больше сил стекалось к Сигфриду и Гудфриду. Наслышанные о богатстве франкских земель, драккары северян хищными змеями погружались в русло местных рек. И тут же их встречали люди двух знаменитых конунгов. Те, кто всё ещё намеривался испытать удачу — пополняли их ряды. Другие, что не хотели вставать под стяги конунгов, были вынуждены покинуть щедрое просторы Франкии. И лишь немногие смельчаки изредко пытались противостоять тандему великих вождей. Что, впрочем, не мешало этим самым вождям продолжать грабить здешние земли. Но теперь монополизировано.

Гудфрид, будучи конунгом, всё так же следовал обещанию Сигфриду и поддерживал его. Как герцога Фризии и будущего мужа Гизеллы, его крестили. Вот только Сигфриду показалось, что такого достойного человека нужно крестить не кому иному, как самому королю Карлу III. Ведь по словам тучного конунга: «Это ему надо, так пусть сам и крестит, а то послал хрен знает кого...»

Здесьняя аристократия двояко отнеслась к пополнению своих рядов Гудфридом. Один лагерь поддерживал его кандидатуру герцога, ссылаясь на то, что пусть лучше бешенный пёс отгоняет других, будучи на поводке, чем будет кусать кого попало.

Вторые скрипели эмалью зубов, доказывая, что во Франкии нет места северным варварам, и лучше воевать со всеми ними, чем сотрудничать. Возглавлял когорту воинствующих аристократов не кто иной, как граф Генрих. Точнее будет сказать маркграф Генрих, ведь несмотря на разгромное поражение, Карл III наградил его этим титулом за проявленную отвагу. Хотя Гудфрид при виде Генриха не отказывал себе в шутках о блеске пяток отважного маркграфа в тот знаменательный день.

В битве при Гьёле погибла большая часть войска Сигфрида и две трети от франкского. Гудфрид же сохранил почти всех своих людей. Вопреки номинальной победе в сражении, праздновать её было почти некому, ведь потери ужасали. Что и говорить, если сам конунг выжил лишь чудом, когда потерял сознание от удара по голове. Его не стали добивать, потому что сочли за мёртвого.

Большинству так не повезло...

Скалласкальп не дожил до появления всадников всего лишь пару минут. Его пронзили в три копья, но даже так, могучий хёвдинг сумел отправить одного из убийц в другой мир вместе с собой.

Удача же хёвдинга, а ныне ярла Рауда, была столь велика, что он отделался только парой царапин. Но говорят, что у вождей есть две удачи: одна их собственная, а вторая удача — хирдманов, что встали под их стяг. И если Фортуна берегла Луну изо всех сил, то на его команду их не хватило. Из всего хирда Рауда уцелело лишь семь человек, а те кто остался жив были сильно изранены.

В первые месяцы восстановления выжившие жалели, что не отправились в Вальгаллу. Но взамен травмам и увечьям они получили обещанные земли и богатство, что могло позволить и им самим стать хёвдингами. Потому как обрётённого серебра каждому хватало на постройку снекки. Или небольшого драккара.

Сейчас же хирд Рауда с лихвой восполнил потери и преумножил свою численность. Теперь Луна владел двумя кораблями и командой из шести десятков опытных воев.

Все ветераны битвы при Гьёле были поставлены ярлом при нём хольдами или форингами[2], и имели крайне высокий статус в его команде.

Луна частенько пренебрегал договорённостями конунгов с королём и аккуратно пощипывал местный люд в поисках ноживы. Сигфрид и Гудфрид на эти выходы закрывали глаза, да и сложно было винить во всём именно Рауда, когда и сам этим грешить. Тем более по руслу Рейна сейчас курсировало столько северных судов, что уличить в злодеяниях конкретно рыжего ярла не представлялось возможным.

"Наказание" Сигфрида было исполнено, поэтому Красная Луна и его хирд жили в небольшом римском каструме Новес, чьи стены возвышались в дне пешего пути от Кёльна. Почва Новеса не отличалась особой плодovitостью, но всё же дарила обильный урожай его жителям. Здешние франки сначала остро восприняли сожительство с кровожадными викингами. Но когда они поняли, что никто их без причины сжигать на костре и есть не будет, если исправно платить, то немного оттаяли. Как и аристократы, многие крестьяне придерживались мудрости, что лучше откупаться от своих головорезов, чем страдать от нападков полчищ других.

С момента переезда в Новес прошло ещё полгода.

Нынешняя зима стала на удивление морозной для умеренного климата Франкии. Снег валил бесконечной пеленой, застилая поля и леса белым пуховым покрывалом. Дошло до того, что к Рейну начал подступать лёд.

Безрезультатно, конечно, но в такую погоду хотелось лишь греться у жаркого очага в просторном зале претории[3] и вспоминать события минувших лет. Но не всем.

Хирдманы вели неторопливые беседы, вкушая молодые вина. В такой сонной истоме казалось, что даже воздух стал тягучим как мёд. В центре залы на широкой лавке сидела внушительная фигура и барабанила пальцами по столу. Соседи барабанщика слегка

сторонились своего товарища и располагались поодаль.

— Ярл! Вот скажи мне, где мы?! — фигура заёрзала за столом и зыркнула на Рауда.

Луна тяжело вздохнул, устало вперившись в нарушителя спокойствия. Это был уже не первый раз, но ярл терпеливо ответил:

— Мы на своей земле, в Новесе.

— Ошибаешься ярл, мы в Хельхейме! — злостно выкрикнул буйн.

Ответом послужила тишина. Рауд прильнул к кубку и с видом именитого сомелье продолжил цедить терпкий напиток.

— И что, даже не спросишь почему? — в голосе дебошира заискрились нотки недоумения.

— Нет.

— В любом случае я тебе отвечу, да и остальным интересно, да, парни? — он развёл руками в надежде хоть какой-то поддержки, но его товарищи только отвернулись. — Так вот, кх-м, мы в Хельхейме, потому что здесь холодно, и вокруг только безжизненные лица! Все кругом будто спят и бодрствуют одновременно! Пора проснуться!

— Да что ты, йотун тебя задери, такое несёшь, Фреки! — самообладание Рауда дало трещину.

— Говорю, пора нам в поход! Чего жопы отсиживать, чай не тюлени на лежбище!

— Брат, закрой свой рот уже! — перебил шумного младшего, старший близнец.

— Подожди, Гери, пусть продолжит, не даром он долю хольда получает. У тебя же есть какой-то план, и ты не просто так решил сотрясать воздух? — Луна подпёр огненно-рыжую бороду, испещрённым шрамами кулаком.

— Эм, конечно, предлагаю отправиться... в Бьярмаланд! Эгиль когда-то рассказывал, что отец его, Синдри Стейнсон, взял богатую добычу у бьярмов и воротился обратно знаменитым ярлом! — после небольшой заминки извещил Фреки.

— То есть ты предлагаешь отправиться зимой через страну вечных льдов за соболиными шкурками к бьярмам? — с каждым последующим словом Луна забивал новый гвоздь в гроб идеи младшего близнеца.

— Ну можно ведь доплыть туда по Вине?

— А разве эта северная река не замерзает зимой? Ты на плечах два драккара потащишь? — Снорри присоединился к разговору.

— Да не так важно куда мы поплывём или пойдём, главное на месте не сидеть, вот! — вывернулся полуликий Фреки.

— На данный момент, у нас есть всё, о чём мечтают все викинги: богатство, плодородные земли и великая слава! Ваши имена на устах каждого северного морехода, одно напоминание о вас пугает франков до полусмерти! Наши деяния потомки будут помнить веками! — Луна величественно поднялся с места. — Я не говорю тебе умерить свой пыл, сын Лейдольва, но зализать свои раны и укрепнуть к новым походам. И зима лучшее для этого время.

— Я здоров и крепок, а сил моих больше, чем у любого другого! — ударил себя в широкую грудь буйный близнец.

— Возможно, вы с Гери и правда быстро встали в строй, но подумал ли ты об Эгиле?

[1] Гьёлль (норв. Gjöll) — в германо-скандинавской мифологии такое название имеет река, что протекает ближе всего к воротам преисподней. Через неё перекинут тонкий

золотой мост, который охраняют верная служанка Хель — великанша Модгуд и пёс Гарм. Единственным, кто пересёк эту реку и вернулся обратно из Хельхейма был легендарный сын Одина — Хермонд. Однако посланцем Карла III упоминается другая река, что имеет созвучное название Geul и бежит на территории современных Нидерланд.

[2] Форинг (foring), заместитель вождя, его правая рука и опора. Именитые вожди, в чьих владениях было несколько судов, зачастую ставили форингов командующими над ними. Отсюда следует, что правых рук у вождя может быть больше, чем у Шивы.

[3] Претория — (здесь) главное административное здание римского каструма.

— Подумал ли ты об Эгиле? Давно ли он вернул себе руку? — Луна указал на меня. От его слов зубы закрипели сами собой.

Левая рука до хруста костей сдавила лавку, правая же лишь еле сомкнула в ладони воздух. Подвижность к ней стала возвращаться только спустя долгое время, когда я уже мысленно с ней попрощался. За полгода я смог сжать кулак, но даже удерживать в нём что-то тяжелее ложки не мог.

Возможно, стоило начать со слов благодарности богам, что они сохранили мне жизнь, но я же начну с проклятий...

Боль ворвалась тысячей раскалённых игл, раздирая мою плоть. Тело пылало огнём, я метался из стороны в сторону, пытаюсь потушить её пламя. Но оно лишь разгоралась сильнее.

Впервые я пришёл в себя много позднее прошедшей битвы. Эльсло развернул целый медицинский городок для сотен раненых северян за своими стенами. В нём нашлось место и для меня.

В короткие минуты просветления, которые наступали от конской дозы макового молока, я пытался осознать, что же произошло; почему я не могу двигать руками, и отчего дышать так тяжело.

Всё это мне доходчиво пытались объяснить близнецы, что сами выглядели немногим лучше оживших трупов. Однако удивительная способность берсерков не позволила вражеским клинкам глубоко погрузиться в тушки братьев. Но от количества мелких ран и порезов, их кожа теперь больше напоминала крокодилю шкуру. Самой серьёзной травмой у Фреки была отсечённая половина ушной раковины. Гери посекали франкским копьём сухожилия мизинца и безымянного пальца на правой руке, навсегда предав им скрюченное, подобное когтям орла положение. Старший же этому факту не слишком расстроился, потому как меч ему эти когти держать не мешали, и на повседневной жизни не сказывались. Про Фреки и говорить нечего. Ну а мне, в отличие от ульхендаров повезло меньше.

Дважды за бой мне попали по правой руке: глубоко ранили плечо и избородили изгиб локтя. Врачеватель Сигфрида сказал прямо, что валькирии забрали мою руку и она ко мне больше не вернётся.

Что означают эти слова для воина? Что они значат для кузнеца, для морехода, для стрелка?! Это означает, что у меня больше нет той жизни, которую я вёл до Гьель. И всё-то, чем я гордился — кануло в лету. Осознание жестокой реальности давило многотонный прессом, прижимало к кровати, выворачивало внутренности наружу. И если бы это была единственная проблема...

Каждый вздох еле насыщал тело кислородом. Лёгкие ощущались как прохудившиеся меха. А ведь так оно и было. Злополучное копьё пробило лёгкое и прошло в волоске от сердца. По уму я уже должен был восседать с героями Асгарда, но мой бранный организм всё ещё поддерживал жизнь, чем поражал средневекового эскулапа.

Топор франка тоже внёс свой вклад, когда напрочь сорвал шлем и по инерции рассёк лоб от брови до височной впадины. Размашистый подчёрк франциски я смог рассмотреть

уже позднее, когда рана на груди немного затянулась и левой рукой удалось удержать медный кубок, в полированной поверхности которого мне открылся вид на своё отражение. Стоит ли говорить, что в сравнении с остальным, шрам на лице меня совсем не беспокоил.

Со временем боль стала утихать, но мне ещё не хватало силы, чтобы подняться с койки. За окном проносилось лето, сияя зелёным водоворотом листвы и красок. До безумия хотелось откинуть шерстяное одеяло, влить в себя, как и прежде, кувшин морса и до одури рубиться с близнецами на мечах.

Но правая рука неподъёмными цепями покоилась поверх одеяла, замотанная в серый ткани подобно мумии. Под бинтами атели рваными росчерками два уродливых шрама, лишившие меня подвижности и будущего. Эта рука будто издевалась надо мной, глумилась над тем, что без неё я никто, и всем ей обязан. Я возненавидел её также, как и всех вокруг. Каждый день меня всё сильнее тянуло на дно, откуда не было видно и малейшего просвета.

До тех пор, пока из пучины отчаяния и жалости к самому себе меня не вырвал Гери:

— Брат, может хватит? — присел он на край моей кровати.

— Хватит что? Не имеет сил встать, нормально дышать или может хватит заставлять двигаться мёртвую руку?! — я зло выкрикнул ему.

Ничуть не изменившись в лице, он продолжил смотреть на меня. В его взгляде не было осуждение или тепла. Он просто твёрдо буравил меня своими стальными глазами.

— Всё это. Я вижу, что жить тебе не хочется. Но духа убить себя — тебе не хватает. Ты богат, чтобы трэли ещё десятилетия меняли тебе пелёнки. Не будь у тебя столько серебра, грядущей зимы — тебе не пережить, — его слова острыми камнями впились в ослабленное сердце.

— Скажу прямо. Ты обуза для нас.

Я не мог найти, что ему возразить. Слова застряли в горле.

— Было бы лучше, если бы ты покончил со всем сам, но, если не можешь, я сделаю это за тебя, — Гери поднялся, заслоня собой свет масляной лампы. Меч бесшумно скользнул из ножен и обжёг мою шею холодом узорной стали.

— Валькирии уже забрали твою руку. Значит Один рад приветствовать тебя в своих чертогах и без оружия в руке. Коли жить и бороться за свою жизнь ты не хочешь, то дай мне свои последние слова, и я передам всего тебя в руки крылатых дев! — в этот момент я видел перед собой не брата, а самого Одина. И образ Всеотца мне показался столь знаком, будто я уже встречался с ним прежде. Словно Фемида, беспринципно свершая свой суд, Гери терпеливо возвышался надо мной с клинком в руках.

И тогда во мне что-то щёлкнуло. Как будто сорвало платину и миллионы кубометров воды низринулись вниз, разрушая пересушенное плато и создавая новые русла для бесчисленных рек. Впервые меня обуял столь сильный страх. Никогда прежде, ни в этой жизни, ни в прошлой, я не чувствовал, что пропасть так близка. И только в шаге от неё, я осознал:

— Я хочу жить и буду бороться! — слёзы сами собой потекли по щекам. До ушей донёсся сдавленный всхлип. Иссушенная грудь заходила ходуном, сдерживая собственные рыдания.

— Рад это слышать, завтра ждём тебя на тренировке, — фигура брата покинула каменный дом, вернув в него свет, который разгорелся ярче прежнего.

До тренировки я скорее дополз, чем дошёл. Но так начался мой долгий и тяжёлый

период реабилитации и овладения левой рукой.

Со временем дышать стало легче; бег на дальние дистанции отлично укреплял здоровье. Вот только перед забегом или отработкой ударов приходилось приматывать правую руку к туловищу, чтобы она не мешалась. Иногда у меня вообще возникало желание её отрезать, но однажды, после того как я отцепил с неё ремень, внезапно почувствовал, как по застоявшимся сосудам расходитя покалывание от притока крови.

Сначала я этому не поверил, но потихоньку к руке начали возвращаться чувства! Боль, прежде всего, но даже этому я был безумно рад.

Жестокие слова брата окатили меня ледяной водой, заставив мыслить и воспринимать всё иначе. В глубине души я надеялся, что он бы не стал убивать меня, и это был всего лишь психологический ход, который всё равно поселил во мне небольшой комочек липкого беспокойства. Но, так или иначе, я был благодарен Гери, что он достал меня из этого болота апатии.

С тех пор я старался изо всех сил и заставлял своевольную левую руку проходить уроки послушания. С каждым днём моторика становилась более скоординированной, а движения точны. Конечно, мне уже никогда не стать великим дуэлянтом, даже уровня прежнего себя навряд ли достичь. Но трудиться менее упорно от этого факта я не намерен.

Больше всего мне не хватало лука, и, чтобы хоть как-то доказать себе, что я способен обойтись без него, начал упражняться с пращей и в метании ножей. Первые месяцы смотреть без слёз на мои потуги было сложно, но после сотен попыток, дверь к сложному навыку гостеприимно приоткрылась.

Моему счастью не было предела, когда весной к правой руке потихоньку начала возвращаться подвижность. Нет, кисть по-прежнему оставалась без движений, но теперь я мог немного поднимать руку и сгибать её в локте. Немного модернизировав щит, я добавил к нему несколько ремней. Это позволило зафиксировать его на руке и приемлемо блокировать удары. Значит настало время спаррингов!

Спустя год после ранения я впервые встал напротив настоящего оппонента, а не деревянной балды. В короткие промежутки боя, чувство неполноценности исчезало. И пусть любой дренг мог выбить из меня весь дух, втапывая остатки моего самолюбия ниже плинтуса, но я не отчаивался. Ведь это только начало, и владение левой рукой координально отличалось от привычного мне, открывая новые и неожиданные перспективы.

Взять того же Фреки, который является левшой с рождения. Зачастую его противник имеет противоположную ведущую руку, и не знает с какого бока подступить к ловкому близнецу. А вот Фреки знает, как действовать против правшей, потому что их среди воинов преобладающее большинство. Поэтому к кому как не к брату обратиться за советом.

— Ну вот смотри, оружие твоего врага будет почти всегда напротив твоего, так? Да! Вспомни, как обычно ты наносишь удар? Ага, справа налево. А как ты будешь сейчас его принимать, если щит у тебя на правой руке? Повернуться всем корпусом? Да уж, сильно тебя топором приложило... времени тебе не хватит! Увернуться говоришь, ну отличный способ, конечно, а твоему товарищу по строю тоже рука не нужна, да? Меч врага же её к хренам отсечёт! Зато ты целый, согласен, мы же в строю просто так стоим, чтоб теплее было! Да понял я, понял! Ладно, объясню... и ничего мне угрожать!

Спустя ещё пару минут пререкания он выдал:

— Ты должен всегда действовать раньше, всегда! Шанса на ошибку не бывает! Да не смотри ты на моё ухо! Почему как слизняк? Улитка без раковины...аааа! Боги, на свете

столько хороших шуток про такую рану, а ты выбрал про слизняка?! Ты безнадежен, вот слушай: знаешь сколько раз ты сможешь отжаться? В два раза меньше, чем я! Ахахаха!

В общем ещё спустя шуток пять мы наконец перешли от слов к делу.

Фреки начал представлять различные ситуации, с которых предполагаемый противник начинает движение, а затем показывал соответствующий движению врага контрвыпад. Для наглядности младший позвал Гери, и вместе они разобрали с пару десятков примеров, в которых Фреки выходил лидером.

Естественно, в жизни не всегда идёт всё гладко, и вступительный бой близнецов в хирдманы Рауда Луны это подтверждает. Но если твой враг не звериная машина-убийца, вполне возможно, что он не сможет ничего противопоставить такой тактике.

Близилась зима.

Братья как могли поддерживали меня и помогали в обучении. Но не только близнецы участвовали в тренировках, часто моим спарринг-партнёром становился Дир. После смерти брата он сильно закрылся в себе и только во время пляски мечей открывал все потаённые эмоции. Я же чувствовал себя обязанным ему, вернее сказать — Исту. Варяг закрыл меня своим щитом, вернув долг спасённой жизни. Ист показал себя настоящим героем и верным товарищем. Также как и Халь, Глум, Хвати...

Ребят очень не хватало. Мы были не просто друзьями, но настоящей слаженной командой. А с нынешней я был почти не знаком.

После тренировки я по обыкновению шёл домой и занимался резкой по дереву, удерживая заготовку между коленями, а потом и на сгибе локтя правой руки. Но сегодня я направился в преторию Рауда, ведь в Новес прибыл конунг Сигфрид, а с ним мой могучий друг Дарри.

Во время прошлогоднего сражения Наковальня почти не пострадал. Будучи кормчим одного из кораблей конунга, он отправился вместе с фризами, а вернувшись с ними, участвовал лишь в финальном этапе сражения. О чём сильно негодовал.

Однажды он даже навестил меня, когда я ещё был прикован к постели и подарил маленький молоточек Тора, в центре которого была выгравирована руна Дагаз. Её часто изображали, чтобы помочь человеку выйти из затяжной болезни или для сдвинуться с мёртвой точки.

Шутка или нет, но моя «мёртвая точка» уже неплохо гнулась, и в целом двигалась относительно хорошо, вот только пальцы ещё подводили и еле смыкались в кулак.

После того, как мы переехали в Новес, встречи со старыми друзьями стали редки из-за разных дислокации. Но ближе к зиме, когда викинги отдыхали и наедали жирок для предстоящих вигов, бывало, северные разбойники не отказывали себе и походами в гости. Даже если до гостей была сотня-другая километров, дальняя дорога помогала им скрасить скуку.

Так и сейчас.

Сигфрид приехал навестить своего родича Рауда в Новесе, а в сопровождении конунга был и знаменитый кузнец. А что любят кузнецы не меньше своих мечей, топоров и копий? Конечно же крепкое пиво и хмельной мёд! Прямо сейчас Наковальня держал по две пинты пенного в каждом из пудовых кулачищ, и на спор пытался их опорожнить. И совершенно не важно, что добрая часть напитка, текла по курчавой бороде богатыря на штаны. Спор ведь он заключил сам с собой.

— И-эх! Хорошо пошла! О, Эгиль! Я уж думал не встанешь боле с ложа своего! Давай, садись ко мне — дружище! Эй, Гнуп, а ну сдристни, дай место Синдрисону! — Наковальня сграбастал меня в охапку и усадил рядом с собой.

— Рад тебя видеть, Дарри! — я хлопнул его по необъятной спине.

— А я-то тебя как! Когда навестить тебя пришёл, ты был больше на друга[1] похож, чем на мужчину! — Наковальня протянул мне кружку, но с сожалением обнаружил, что она пустая. — Красавица! Принеси-ка нам ещё пива, мой друг потерял много крови, и ему жизненно необходимо восполнить её хмелем! Ахаха! — глаза кузнеца сверкали из-под курчавых бровей, и всё его лицо приобрело пунцовый цвет. То ли от смеха, то ли от браги.

Радужная служанка не заставила себя ждать и, призывно покачивая бёдрами, направилась к нам с большим пенным кувшином.

— Рассказывай, как ты тут?! Смотрю, лицо заколосилось, скоро борода как у меня уж будет! Только не расчёсывай да не мой её по первости. Пущай вши заведутся! — перебирая пятернёй свою густую растительность, известил он.

— Это ещё зачем?! — удивился я, наблюдая как в бездонной глотке Дарри теряется содержимое рога.

— К-хх! — Наковальня утёр рот всё той же бородой. — Шоб удачи много было! Вши, они же того, удачу приносят... — шёпотом поведал он, попутно сканируя стол в поисках понравившейся снеди.

Как только поиск завершился, кузнец довольно крикнул и сграбастал полную жменьку вяленых свиных ушей. Вот только пассаж Наковальни не прошёл незамеченным, и я сам того не замечая поскрёб щёку. Тьфу! Не нужна такая удача!

— Ну что, Дарри, когда мечи наши доделаем? — от моего вопроса кузнец явно растерялся и даже жевать перестал.

— Эгиль, ты чего, какие мечи? — он соловело уставился на меня.

— Рисунки которых я тебе показывал.

— Дык понял я... — он вытер намащенные пальцы о проходящего мимо пса. — Но зачем тебе?

— Как зачем? Зачем ещё нужен меч? — с улыбкой я задал ему очевидный вопрос.

— Ты не обижайся, друг, но твоя рука... Какой ж из тебя кузнец и воин? — Не находя ответа потупился он. — Ты не подумай, я могу и поковки тебе продать, даже мечи такие сотворить могу, да только тебе это зачем?...

— Взгляни! — я скинул шерстяной плащ с правой руки. — Силы возвращаются, я могу двигать ею и даже немного сжать кисть! — глаза Дарри буквально полезли на лоб. Он раскрыл варежку и пару раз перевёл взгляд с моего лица на руку и обратно. А потом так резко подскочил, что опрокинул лавку, за которую мы сидели. Вместе со мной.

— За Эгиля! Клянусь Богами, этот парень так красив, что влюбил в себя валькирий! Как иначе они могли вернуть ему руку?! — проревел на всю преторию Наковальня.

Его рёв был так громок, что прервал все разговоры в зале. Конунг Сигфрид удивленно отвлёкся от беседы с Раудом и отсалютовал мне золотым кубком, украшенным яркими камнями.

Все хирдманы одобрительно загомонили, и дальше было слышно только движение десятков литров хмельного за заросшими кадыками норманнов.

— Как только войдёшь во всю силу, Вёлунд мне свидетель, выкуем меч ему на зависть! — рыкнул Дарри, и запомитав, что ранее опрокинул скамью, тяжело шлёпнулся

на пол.

Полный веселья вечер продолжался. Мы пиروвали, вспоминая подвиги героев и неудачи врагов. Гэри и Фреки вскоре так наклюкались, что устроили настоящее представление, скинув со стола пустые тарелки и взобравшись на него с ногами. Засверкали клинки, слепя людей отражением пламени свечей и очага своими острыми гранями. Но бой был только подводкой к их выступлению, ведь в завершении, они зачитали драппу «о волках в овчарне», чем удостоились рога из рук конунга. Фреки хотел было повторить успех и продекламировать новый шедевр, однако его язык был против этого, и ничего, кроме невнятного бубнежа не выдал. Гери же, чтобы заткнуть брата просто дал ему кувшином по бестолковке, опрокинув буйную голову Фреки в заливную рыбу. Чем заслужил ещё один рог, но на этот раз от Рауда.

Вечер и последующая ночь прошли на славу.

Наутро Луна прислал Снорри и попросил его передать, чтобы я навестил своего ярла. Уж не знаю, почему он сам не пришёл, но, видимо, статус не позволил.

Как Рауду удаётся всегда выглядеть свежим — для меня загадка. Судя по его виду, складывалось ощущение, будто он не квасил всю ночь, а с месяц отдыхал в санатории на Карловых Варах.

— Я вижу, что ты чувствуешь себя всё лучше. Это радует моё сердце! — ярл слегка наиграно положил руку на левую сторону груди. — А если серьёзно, то я действительно очень рад за тебя. И за себя, не скрою, ведь потеря такого бойца и друга, дорого бы обошлась нашему хирду. Я видел твои тренировки, скоро левой будешь владеть как правой. Да и правая уже двигается не в пример лучше, чем год назад... — Луна немного задумался. — Если всё пойдёт так и дальше, то весной возьмём тебя вик. Ныне же, сам понимаешь, в строю пока тебе не стоять.

— Ярл, если ты позвал меня, чтобы просто говорить обидные вещи, то о какой дружбе может идти речь? — в шутку обиделся я.

— На правду не обижаются, хольд. И заметь, ты хольд, даже не участвуя в походах. Но получаешь, как и остальные свою долю. однако я позвал тебя не затем, чтобы растолковать и без того понятные истины, Эгиль, — рыжеволосый ярл мягко улыбнулся.

— Что же, я весь во внимании, — вернул ему улыбку я.

— Даже без возможности стрелять, пока! — он поднял палец. — В твоей голове хранится память и умение отличного лучника. Я бы даже сказал — лучшего! Нужно, чтобы эти знания из твоей головушки, ты как-то втемяшил в головушки наших новых дренгов.

— Искусству этому с рождения учат...

— Но ты ведь мастер, и я не сомневаюсь, что тебе удастся что-нибудь придумать! — перебил меня ярл. — А я в свою очередь, готов услышать твою просьбу!

Ого! Услуга за услугу... А мне есть что спросить с рыжеволосого ярла, и эту идею я вынашивал уже целый год.

— Я хочу, чтобы ты сделал меня форингом и выделил корабль с командой. Но форингом независимым. Чтобы я мог сам решать куда плыть и как действовать! — бесстрашно заявил я.

— Это называется не форинг, а хёвдинг, Эгиль, сын Синдри, — нахмурился Луна, — Ты просишь, чтобы я своими руками сделал тебя морским вождём. Не много ли ты хочешь?

— Я уже многое сделал для тебя и пожертвовал многим. Почему же я не могу попросить своего друга об одной маленькой услуге?

— Хах, а я говорил, что ты далеко пойдёшь! Молодец, дерзкий выюн! Добро! Но драккар ты покупаешь сам, а с командой, так и быть, я тебе помогу!

— Отлично, но ты оплатишь три четверти судна...

Спустя полчаса ожесточённого торга мы сошлись на половине суммы покупки снекки. До драккара, по словам Рауда, я ещё не дорос, да и команда для него должна быть немаленькой. Из минусов — придётся весь следующий тёплый сезон участвовать в походах Луны, дополняя его небольшую флотилию. Но это можно воспринимать и как плюс, ведь навыка командования у меня ещё не было, а в связке с кораблями Рауда, это умение наберётся быстрее.

Зачем же мне это нужно? Да потому что вокруг целый мир, и я не хочу ходить всю жизнь по чей-либо указке, даже если это удачливый и прогрессивный вождь. Тем более корабль, это только первая часть моего плана.

Так, помимо ежедневных тренировок, в мой распорядок дня втиснулась и тренерская деятельность. Которая, несомненно, выносила раздрай в моё душевное состояние.

Дренги сначала недоумевали тому, что их будет обучать почти однорукий хольд, который ещё и одного с ними возраста, или даже младше. Тут же начали доноситься первые смешки, но несколько тычков увесистым дрыном и ученики стали эталоном послушания.

Несмотря на то, что большинство из них владели охотничьим луком, всё же с воинским умением стрельбы это было связано слабо. Пришлось кого-то переучивать, а некоторых научить правильной стрельбе уже не представлялось возможным, в виду возраста. Спустя месяц, дренги уже сносно посылали стрелы, но не всегда точно. Однако, это дело наживное! И каждая наша тренировка обязательно начиналась со слов:

— Это мой лук! Таких луков много, но этот — мой. Мой лук — мой лучший друг! Он — моя жизнь. Я должен владеть им также, как я владею своей жизнью!... — слитным хором гремел отряд разномастных учеников.

Некоторые из них были сынами севера, кто-то был фризом, двое франков также украшали ряд дренгов. В первую очередь я старался оценивать их по заслугам, а не по нации. Тем более, когда границы этих наций были весьма размыты. И надо признать, франки лучше других осваивали науку стрельбы.

Со временем всё больше людей вступали под стяги Рауда. Вот и сегодня в промёрзлый зимний день к стенам Новеса подошли две рослые фигуры.

— Здесь ли ярлствует Рауд, прозванный Кровавой Луной?! — прокричал один из вопрошающих, сдвинув шлем на затылок.

— А кто спрашивает нашего ярла? — ответили ему со стены.

— Его будущее хирдманы, Илуги Эйтквейсон, и сын родного брата моего отца — Флуги Снаксон!

О скором пополнении хирда я не догадывался, занимаясь тренировкой заготовок викингов на стрельбище. Однако, как мне позднее сказали, Рауд решил проверить навыки соискателей, выставив против них Гери. Чтобы уравнивать шансы, он позволил двоюродным братьям выступить против ульфхендара вдвоём.

Поединок, по словам, получился красивым, и братья смогли составить конкуренцию Гери. Правды ради, всего на три минуты. При этом старший Лейдольвсон не входил в свой супер-режим. Но, тем не менее, Рауд признал Илуги и Флуги хорошими бойцами и сказал, что возьмёт их своими хирдманами. А обряд посвящения должен состояться послезавтра, потому что Луна решил совместить его с пиром в честь появления первого молочного зуба

своего полугодовалого сына.

С новоприбывшими братьями я познакомился лишь этим вечером. Гери представил меня им:

— Это мой младший брат, Эгиль, сын Синдри, — при упоминании моего имени глаза Илуги на миг вспыхнули, но я не особо придавал этому значение, потому как за моей спиной ярко пылала жаровня, — несмотря на возраст, он опытный хольд и берегитесь, если попросите его обучить вас стрельбе из лука, — усмехнулся Гери. В знак согласия с братом, удручённо покивали понурыми лбами несколько дренгов.

Илуги протянул мне руку, и я пожал её на спартанский манер. Для простых рукопожатий у меня ещё плохо слушалась кисть.

— Откуда вы родом? И почему решили прийти на службу именно к Рауду? — поинтересовался я.

— Мы из... Агдира, сын Синдри. А шли мы изначально к хёвдингу Скалласкальпу, но оказалось, что он уже как полтора года пируют с Богами, — после небольшой задержки начал Илуги.

— Сначала напросились к конунгу Сигфриду, но у него в дружине так много людей, что ему будет сложно выделить среди них даже таких лихих братьев как мы! Поэтому мы направились к не менее известному вождю. Вот мы с братом и здесь, — добавил Флути, поддёргнув щекой.

— С Раудом все, кто не обделён удачей, удваивает её! — прогудел Вивиль, на голове которого прибавилось седых волос, что лентами лились на его широкие плечи.

После морозного дня хотелось лишь погрузиться в тепло уютного вечера в приятной компании товарищей. Горячей морс, напоминающий по вкусу глинтвейн, слегка обжигал горло. И всё было хорошо, пока Фреки не начал терроризировать ярла своими дебильные вопросами. Шило в зад у младшего близнеца просто физически не позволяло ему вести себя адекватно. Но тут предмет их разговора коснулся и меня:

— Подумал ли ты об Эгиле? Давно ли он вернул себе руку?

От вопроса Рауда многие хирдманы невольно взглянули на меня.

— А что с его рукой? — услышал я еле различимый шёпот за дальней лавкой.

— Ярл, позволь Эгилю самому решать! Тем более он и левой уже получше управляется с мечом, чем многие правой. Да и необязательно прыгать в гущу сражения. Вивиль, как кормчий, нечасто покидает драккар!

— Здесь я с Фреки согласен, — стараясь не смотреть на близнеца подтвердил Снорри, — но только сейчас всё равно не время идти в вик!

— Вот моё слово, Лейдольвсон! До весны военных походов не будет. Но если тебе невмоготу помахать мечом, то иди на все четыре стороны и развлекайся. Но не на франкской земле! Иди на север, охладись! — вынес свой вердикт Рауд и опустил на обитое шёлком кресло.

Идея Луны всем понравилась, и хирдманы наперебой стали предлагать Фреки места, в которых ему точно стоит побывать. От предложений друзей, младшему оставалось лишь кисло кривить морду.

В этот момент я и подумать не мог, что слова ярла станут пророческими.

После посиделок в претории я направился домой. С близнецами мы жили втроём в

большом доме, но взбалмошные родичи посчитали вечер неоконченным. Фреки продолжил кутить в окружении пойма и девок, а Гери в окружении девок и пойма.

Поэтому, в гордом одиночестве я прошёл эти немыслимые полсотни метров до дома и завалился спать, предвкушая завтрашние истязания над дренгами.

Но не прошло и часа, как мой сон потревожили.

Скрывая свои шаги, две пары ног на пределе слышимости направлялись к дому. Дремоту как ветром сдуло, и я, подхватив меч, приготовился в тених. Специально на этот случай, несмазанная дверь издала свою скрипучую трель.

— Паскуда! Эти грёбаные ворота над-ыть! Смазать...

Близнецы завалились в проход, поддерживая друг друга под руки.

— Какого рожна вы тут? Ещё и крадётесь как мыши!

— Не ори, Эгил-ыть! — Фреки снова икнул. — Мы бы остались, да только эта тир вместо того, чтобы поиграть в зверя с двумя спинами... взяла и блеванула на меня! — он ошарашенно вытаращил глаза-блюдца.

— ... это он на неё, — поправил Гери.

— Не суть, Я спать! — промямлил младший и грохнулся на кровать. Мою кровать!

— Эй, какого?! Иди к себе! — но до Фреки было не дозваться. На расталкивание он отвечал рычанием, а всё остальное время пугал всю округу жутким храпом.

Гери пожал плечами и нетвердой походкой завалился к себе. Ну а я, понимая, что ночь, если не испорчена, то уж точно не даст умиротворения из-за храпа Фреки. Поэтому решил немного подышать свежим воздухом и прогуляться.

Однако, сделав шаг за входную дверь, я подумал, что храп брата не так суров, как колючий зимний холод. Вот только одна деталь заставила меня насторожиться. Следы!

Три вереницы.

Кривые отпечатки ног близнецов петляли ломаной кривой по запорошенной снегом дороге. А вот мои шли ровно, но только их размеры были гораздо больше обычного. Будто кто-то старался наступать на них след в след, и слегка расширил отпечатки.

— Ге!... — в спину упёрся острый предмет.

— Не шуми, дай братьям поспать, — негромко прозвучал вкрадчивый голос.

— Я так и знал, что с вами что-то не так... — к шее приставили топор, лезвие которого слегка оцарапало горло. — Если я всё равно умру, то могу узнать за что?

— Пожалуй. Если того, что ты убил нашего брата, Вигфуса Ормсона — недостаточно, то как насчёт того, что твой отец утопил Торира Длиннолицего, единственного сына нашего деда Кьётви? А?! — сдавленно прорычал Флуги.

— Знаешь как Кьётви горюет? Он только отошёл от смерти дяди, а недавно узнал и о смерти любимого внука! — рядом зашипел Илуги. — Ваша семья принесла нам слишком много горя. Как там говорил тот христианский жрец, Флуги?

— За грехи отцов приходится расплачиваться детям, но и у детей грехов не меньше. Пусть старик хоть чем-то обрадуется на старости лет. Мы принесём ему твою голову!

[1] Драуг (от древнеисл. *draugr*, мн. ч. *draugar*, норв. *draug*) — в скандинавской мифологии оживший мертвец. Однако в сборнике *Draugasögur* (Сказки о мёртвых) нередко упоминаются люди, в которых вселили злой дух и они также стали драугами, например в *Draugur deyr* (Смерть драуга).

— Аааа-ррр! — с диким рёвом из дверного проёма вылетел Гери. Но литры выжранного алкоголя сделали своё грязное дело. Вместо того, чтобы раскидать убийц парой быстрых ударов, брат лишь неловко покачнулся и грохнулся на покрытый ледяной коркой снег.

Однако секундной паузы недоумения хватило, чтобы я успел развернуться к злоумышленникам, попутно выхватывая из ножен меч. От столь быстрого разворота, топор полоснул меня по шее. Которая тут же стала истоком кровавого водопада, окрасив ворот рубахи багровым.

Плохо! Боли я пока не чувствовал. Сейчас на кону каждая секунда, ведь против меня уже три противника: два агдирских брата и обильное кровотечение. И все трое остро мечтают о моей смерти.

И как только я их проشياпил?! Злость прибавила скорости и клинок с хрустом врубился в тело Флуги как колун в промёрзшее полено. От неожиданности противник даже топор выронил. Или из-за прорубленной ключицы? Вот только меня это совсем не волнует, потому что Илуги оказался быстрее брата и без намёка на замах послал нож мне в корпус.

Я попытался увернуться, но сакс прошёл по касательной, врываясь яркой вспышкой боли где-то у рёбер. Под плащом тут же набухло второе кровавое пятно, уродуя прекрасную синюю тунику в сизо-фиолетовый цвет.

Увеличить дистанцию! Нож, пусть и длинный — не соперник мечу на средней дистанции. Вот только это знал не только я. Илуги, глубоко пригнувшись, перескочил через Гери и с низкого положения запустил сакс вновь мне в брюшину.

Сталь столкнулась со сталью, издавая противный скрежет. Агдирец неистово колот и резал в попытках достать моё многострадальное тело. И он даже не думал сбавлять темп, а меж тем я всё больше терял кровь и силы.

Уцелевший убийца растянулся в широком выпаде, почти опускаясь на снег, и едва ли не вонзил мне в бедро своё оружие. Удар я отбил, и тут же пнул его под выставленное колено. Илуги картинно взмахнул руками, но всё же успел сгруппироваться, обратив падение в мягкий перекат.

И кто знает как дальше окончился бы поединок, если бы я не успел вбить в его затылок тяжёлое навершие меча. Так агдирец осел на белый снежный покров, но в этот раз как куль с известной субстанцией.

Я глубоко вздохнул и медленно, сквозь зубы, выпустил воздух из лёгких. В голову тут же ворвался рой мыслей, но сознание уже не отвечало за действия тела. В режиме автопилота я начал вязать нокаутированного Илуги его же поясом. Правая рука на удивление неплохо справлялась с этим нехитрым действием. Флуги умер почти мгновенно, и уже перестал пускать кровавые пузыри, и остекленевшими глазами уставился в звёздное небо. Мёртвую тишину прерывал диким храпом Гери, наплевав на стылую землю и рядом лежащий труп. Ох, как же ярко сегодня светили звёзды...

Слабость никуда не делась, поэтому я срезал длинный кусок ткани с одежды Флуги и перевязал шею. Бок тоже кровоточил, но его я просто забил мазью и перетянул поясом. Не теряя больше времени я побежал к дому ярла.

К моему удивлению праздник не спешил заканчиваться и только набирал обороты. В просторных палатах Рауда во всю ширину скандинавской души продолжалась гулянка. Даже за несколько метров от входа в резиденцию Луны, гостя напрочь сшибал тяжкий дух разгульного кутежа.

В бытность студентом мне иногда попадались кассеты с американскими вестернами, где главный герой с острым прищуром из под кустистых бровей окидывает помещение салуна, где тут же стихает музыка и разговоры завсегдаев. Далее звучала очередная эпичная фраза, и, конечно, начиналась перестрелка.

К чему это я? Да к тому, что как только хирдманы обратили на окровавленного гостя внимание, какофония стихла и градус хмеля в глазах гуляк знатно приблизился к значению "трезвость".

Без лишних разговоров Рауд лично, в сопровождении наиболее трезвых хольдов, направился со мной к месту происшествия, чтобы засвидетельствовать преступное нападение и подтвердить его факт. А увиденное ему, мягко говоря, не понравилось.

— Этого ко мне! — Луна указал на связанного Илуги. — Если не помер, то устроим допрос. А вот этого раздеть и сложить как-то ровно, а то околет в такой форме — не закопать потом, не перенести... Гери ещё положите в дом, а то как бы рядом складывать не пришлось. Фроди займись ранами Эгиля! А ты давай, отдохни хольд! До твоего пробуждения этого змеёныша не удавим, отдыхай! — это было сказано уже мне.

Затем врачеватель пошаманил над моими порезами, обнадёжил в том, что от них я не умру и удалился. Рассказать в подробностях о произошедшем я ещё успел на подходах к дому, благо история получилась коротенькой. Поэтому сейчас я остался один на один с храпом в сотню децибел. Впрочем, даже шум взлетающего самолёта не помешал мне крепко заснуть.

— Тот самый Кьётви?! Ну всё, Эгиль, сами норны ведут тебя! Кстати, чего не разбудил-то, опять всю славу себе решил захватить? — с самого утра Фреки решил забить мне голову своими бреднями.

— Да, а ведь Харальд так его и не нашёл. Считаю уж лет десять Богатый хорониться на землях Прекрасноволосого и никто про то не знает, — подключился старший.

— Это ж сколько ему лет? Брат, тебе нужно спешить! А то этот хрен скоро к Праотцу отправится, а надо, чтоб к Хель!

Вот же насели... Отмщение Кьётви, это та дорога на которой я стою многие годы. Стою, но не иду. Мне придётся сделать шаг в одну из сторон, хочу я этого или нет. Если не стану мстить, то потеряю уважение всех товарищей, а значит потеряю всё. Если пойду по этому пути, то встречу с дряхлым стариком, жизнь которого мне предстоит оборвать.

Только две стороны. И чтобы начать новую жизнь, то нужно сделать выбор.

Слишком много новых жизней на моём веку, не так ли? Но пора уже сбросить кандалы обязательств и справиться с призраками прошлого. Маховик мести уже запущен, и не мне его останавливать. Отец, Кьётви, я... мы только звенья в его цепочке. Решено!

— Пойду проведать нашего бывшего товарища по команде, — я поднялся из-за стола и двинулся к выходу из дома. Бок нещадно болел, а шеей я старался лишней раз не крутить. Но не сказать, что это так уж сильно мешало передвижению.

— Давай, мы позавтракаем, да тоже присоединимся к вашей дружеской "беседе", — ухмыльнулся Фреки и с жадностью накинулся на горячую кашу.

Если близнецы утро встречали пусть и с жесточайшем похмельем, но в целом без особого ущерба здоровью, то пробуждение Илуги сопровождалось мучительными позывами тошноты и дикой головной болью. Об этом говорили обширная лужа рвотных масс перед его телом и разумеется огромная шишка, которая выпирала даже из под кудрявых волос на затылке. На лицо все признаки сотрясения мозга. Однако это была не главная его проблема.

— Доброе утро! — сопроводив приветствие звонкой пощёчиной я вырвал внука Къётви из беспамятства. Стараясь не вляпаться в его несостоявшийся ужин я переместился за спину Илуги.

Судя по сменившимся ремням на руках агдирца, первичный допрос уже был проведён. И распухшие сизые кисти говорили о том, что их обладатель навряд ли ещё ими воспользуется. А тем временем узкие щёлочки глаз, окружённые чернильными гематомами, еле как разлепились. Я встал перед ним и его неуверенный взгляд не сразу, но сконцентрировался на мне.

— А... это ты, Синдрисон... — с противным щелчком рот пленника исказила улыбка.

— Ты скажешь мне, где находится Къётви.

— С чего ты взял, что я скажу? — сплюнул мерзкий комок Илуги.

Никогда прежде я не допрашивал и уж тем более не пытал людей. Не сказать, что это противоречило моей тонкой натуре, хорошим человеком в этом мире я отнюдь не был. А вот достойным представителем викингов вполне.

— Я не стану говорить тебе, что ты останешься жив. Ты, сын собаки, сегодня умрёшь в любом случае. Единственный выбор, который у тебя есть, это с какой болью ты загнёшься, — заезженный оборот? Вполне, но звучит хорошо. Весомо.

— Щенок, ты слишком молод, чтобы говорить со мной. Иди, позови своего папашу! Аха-ха-ха! — его хриплый смех перешёл в кашель.

— Смешная шутка, умник! А как тебе то, что поговорить ты с ним сможешь только в Чертогах Всеотца. И клянусь, ты окажешься совсем в другом месте...

Кажется, что после временной потери руки и того памятного разговора с Гери, меня сильно это надломило. Я и сам чувствовал, что стал другим человеком. Но я и подумать не мог, что смогу кого-то пытать. А сейчас, залитый кровью, я стою перед человеком, изувеченным до неузнаваемости кривым ножом в моей руке. Изувеченным моей рукой. Изувеченным мной.

И ничего. Пусто. Ни жалости, ни сострадания, только удовлетворение от хорошо проделанной работы.

Илуги рассказал всё, что знал. Наверное даже больше. Это я понял по лицам товарищей, что молча наблюдали за моими действиями.

В среде викингов пытки являются искусством. Причём вершиной мастерства экзекутора является время, в течение которого его "холст" остаётся живым. А задача "холста" хранить молчание и с достоинством принимать работу художника. Если мученик выстоит и вынесет все пытки не проронив звука, то будет достоин Вальгаллы, если же нет, то владения Хель станут его домом навсегда.

Илуги на счастливое посмертие надеяться уже не приходилось, поэтому после всех экзекуций он не сдерживаясь скулил в углу. В застенке стоял горький смрад железа, горелой плоти и продуктов жизнедеятельности. Пугало ли это кого-то? Совершенно нет, народу в

коридоре только прибавлялось.

— Эх, надо было на перекрёстке...

— Да ты чё, змеёныш бы сразу окочурился от холода.

— Какой тут холод, когда кочергой пятки жгут?

Кто это говорил, я не разбирал. Да и не до того мне было. А сейчас, когда я узнал всё, что хотел осталось сыграть последний аккорд.

— Этот клинок мне подарил отец. Ты не встретишься с ним, но умрёшь от его наследия.

На этом всё закончилось. Для Илуги. Для меня же наоборот.

Теперь я знал, где искать Богатого. Сколько людей в его хирде, кого он грабит, кого называет другом и какие секреты хранит. Теперь я знаю всё, и то, что один я не смогу справиться с этой задачей и мне нужны люди. Мои люди. Предстоит ещё не мало сделать, чтобы добраться до него. Как минимум провести ещё один сезон под стягом Рауда и только после я смогу отправиться вершить свою судьбу.

Ведь, чтобы начать сагу об Эгиле, предстоит поставить точку в саге о Кьётви!

Уважаемые читатели. Пауза с выкладкой глав затянулась, тому был ряд причин. Но эта книга будет завершена. Впереди ещё несколько глав и я надеюсь, что они вас не разочаруют. Спасибо, что всё это время оставались с Эгилем. Его история ещё не завершилась.

ZaNo

— Ну и потеху ты устроил, братец! Молодец! — ободряюще заявил Фреки, когда я наконец отмыл руки и очистил отцовский клинок.

— Что мы пропустили? — добавил Гери, облокотившись на деревянный сруб.

Близнецы опоздали минут на пятнадцать и почти ничего не потеряли. Но как раз в эти минуты Илуги выдал местоположение Кьётви. Как сказал агдирец, Богатый находился недалеко от одного высокого водопада, где в реку Отра впадает медный ручей. И если пойдём вверх к устью медного ручья, то мы увидим вотчину Богатого.

Однако, чем занимался всё это время Кьётви, для меня так и осталось загадкой. Понятное дело, что он грабил дикие горные фюльки, что не давали присяги ни Харальду, ни его отцу, но сложно поверить, что этот гнилой старик лишился всех амбиций, и на протяжении долгих лет довольствуется крохами былой мощи. И в двойне странно, что он выбрал играть в прядки с Прекрасноволосым, чем одним из первых освоить Исландию. Ведь именно туда поплыли все недовольные властью норегского конунга.

Обрадовало и то, что от трёх сотен хирдманов и пяти драккаров, ныне осталось лишь четыре десятка бойцов и лишь один корабль. Да и тот уже несколько лет не спускался на воду.

Итак, что же мы имеем по итогу? Знание, где укрылся враг и вёрткая снечка, хозяином которой я стану в скором времени.

И казалось бы — бери и кушай! Но сейчас я не гожусь для ведения серьёзных боевых действий. Прошлая стычка не в счёт. Для сорока человек трое сумасшедших юнцов покажутся не более, чем шуткой. А значит нужна команда, чтобы оснастить мой небольшой кораблик и поднять шансы на успех предприятия.

Вот только, чтобы получить этот кораблик нужно попыхтеть весь сезон под стягом Рауда. А с командой, надеюсь, он поможет...

Доски снечки натужно скрипели от буйства водной стихии. Волны захлёстывали через борт узкого судна, норовя унести в сети великанши Ран хмурых гребцов. Стена ливня уже давно сбила корабль с курса. Скользкое кормило то и дело пыталось вырваться из рук. Да и руки я уже давно перестал чувствовать от порывов бесконечного ветра и холодной солёной воды. Но если хоть одна из этих гигантских волн ударит в борт, нашему приключению придёт конец. А заодно и новоиспечённому хёвдингу и всей его команде.

— Хёвдинг! Вода в трюме на пол локтя! — пытаюсь перекрычать шторм воскликнул Сэфинн, по колено скрытый досками палубы.

— Олави, помоги ему! — широкоплечий парень с веснушками и непослушными даже в сплошной ливень вихрами волос натужно поднялся с лавки. Олави аккуратно вытянул весло из уключины и спешно подхватил кожаное ведро, поспешив к Сэфинну черпать воду.

— Левая! Навались! — по моей команде снечку слегка развернуло в сторону надвигающейся волны. Будь у меня побольше времени, я бы подумал, что её лучше назвать цунами.

Словно маяк, объятый яростным океаном, так и наша снечка прорезала толщу свирепого чёрного вала. Судно подпрыгнуло и тяжело погрузилось до самых уключин в пучину. От

удара о воду Веторма выбросило за борт, и если бы хирдманы заранее не подвязали себя к лавкам, смерти хускарлу было бы не избежать.

— Брат, если Богам суждено оставить нас в Мидгарде, то клянусь их же именами, что посвящу им отличную драппу! — проревел мне Фреки.

— Тогда можешь уже начать сочинять её, потому что сегодня я оставлю Ран без улова!

С лёгким шелестом корма снечки прошуршала по песчаному берегу неведомой земли. Остановившись непонятно где — не лучшая затея. Но продолжить движение в столь плотном тумане вблизи неизвестных берегов опаснее стократно. Ещё и доски разошлись после шторма, вои несколько часов в три пары рук выгребали воду из трюма.

— Вздеть бронь и приготовиться, — будто с задержкой я услышал собственный голос. Вторые сутки без сна и этот йотунов шторм выжали нас как лимон.

Молочная пелена была столь плотной, что стоя у кормила, я едва ли мог видеть носовую фигуру снечки. Резной деревянный волк, казалось принюхивается, стараясь понять куда заплыл его хозяин.

— Шпангоуты местами разошлись, потребуется несколько дней, чтобы снова сойти на воду, — голос Гери вырвал из задумчивости.

— Да, заодно и отдохнуть нам не помешает. Но перед этим стоит понять, куда же выплюнуло нас море?

Я первый сошёл на берег и команда последовала за мной. Хирдманам тяжело дался последний заплыв. Глубокие синяки под глазами даже молодых дренгов старили их осунувшиеся лица. Их старшие товарищи выглядели не лучше и все мы нуждались в передышке.

— Дир, возьми с собой Эфрона и Аскаррика. Осмотритесь вокруг, — положив руку на плечо варяга сказал я. — Только тихо. Почуешь опасность, то бегом сюда или подай знак.

Мы могли оказаться где угодно. Хоть на земле данов, хоть свеев. И если с первыми нам делить нечего, то вторые могли с лёгкостью поделить на ноль нас. Чего только стоил сожжённый Осло... Однако и в моей команде нашлось место свею. Невысокий, почти квадратный крепыш Веторм деловито собирал валежник, щедро подаренный нам ураганом. Ему помогали молодые дренги — Трасти и Иво тащили пару пудовых валунов для очага. Все были заняты делами. Несмотря на то, что хирд по большей части состоял из зелёных юнцов, каждый знал своё место и лагерь буквально вырос на глазах. Вот и первый робкий огонёк затанцевал в своде костра.

Совсем немного нас. И как же так получилось, что команда из тринадцати воев оказалось на неведомом клочке земли среди молочной пелены тумана?

К весне я уже был готов к вику. Рука с каждым днём слушалась всё лучше. А когда среди подтаявших островков снега начала зеленеть первая поросль, я уже почти не ощущал бывшего ранения.

К сожалению, из лука как раньше я стрелять всё же не мог, да и меч иногда норовил выскользнуть из ладони. Но с щитом всё обстояло куда лучше, и управлял я им без проблем. Да и вообще чувствую себя левшой, потому как с оружием в левой полностью сроднился. И стал наконец полноценной боевой единицей.

Поэтому, когда Рауд вознамерился спустить корабли на воду, как и договаривались, он выделил мне снекку из своей флотилии. Волк Ньёрда оказался узким и вёртким судном с шестью парами вёсел и бешено оскаленной мордой волка на носу. Кораблик был сложен не так давно, но уже успел побывать в бою и неплохо себя показал в прошлом сезоне.

Небольшой, но с горделиво поднятой носовой фигурой он степенно покачивался на речных волнах, ожидая своей команды.

А что это была за команда. Команда мечты! Грозный форинг почти семнадцати лет отроду и по совместительству ваш покорный слуга, два периодами неменяемых ульфхендара, варяг Дир, который сам напросился перейти от Рауда под мою руку. Ярл был не против, но с одним условием, чтобы я в нагрузку взял его троюродного младшего брата по линии матери. Этого братца он представил как Рэв, и им оказался парнишка моего возраста с длинными пламенными волосами и неугомонным нравом. Видимо цвет волос, это у них семейное. Он тут же сошёлся с Фреки, чем заставил меня пожалеть о решении взять Дира. Вслед за Рэвом из дружины ярла перешли и его друзья Алёв и Барди.

Кроме того, в мой хирд решили вступить два дренга, которых я обучал стрельбе из лука. Уж не знаю, почему они вознамерились присоединиться ко мне, но я был этому только рад. Потому как франк Аскаррик и англ Эфрон оказались настоящими самородками и отлично впитали в себя науку стрельбы.

Вообще хирд получился мультинациональным. В нём оказались swei Веторм и Дагбьярк, и жилистый норег Олейв, и вечно хмурый дан Трасти. Место на палубе нашлось и высокому, прямому как копьё фризу Иво и умудрённому опытом эсту Лембиту. Но самыми экзотичными членами экипажа стали фины Олави и Сэфинн. Строго говоря фином, а точнее суоми был только Олави, а вот Сэфинн был представителем другой народности, которую сам он назвал "таваст". Оба товарища плохо говорили на нашем языке, поэтому чаще общались с эстом Лембитом, который их и привёл под мой стяг. Видимо эст чаще контактировал с жителями финских земель и лучше их понимал.

Как я уже упоминал, большая часть команды была дренгами. Из новеньких разве что братец Рауда да Веторм с Лембитом уже ходили по лебединой дороге, для остальных же предстоящий вик являлся первым в их профессиональной разбойничьей карьере. И я очень надеюсь, что он пройдёт удачно и не станет для них последним. Иначе и с моей должностью форинга можно будет попрощаться.

Кстати, на саму эту должность близнецы отреагировали весьма противоречиво. Гери спокойно выслушал и согласился идти под моим командованием, а вот младший закатил настоящую истерику и запротестовал.

— Это я должен быть форингом! Я старше и во мне мудрости больше. Ну и девок у меня

больше было, само собой! — вскинул подбородок Фреки, но тут же схлопотал звонкий подзатыльник от старшего. — Или на крайний случай Гери, да брат?

— Если форингом станешь ты, то корабль потонет не отходя от причала.

— Ну и иди тогда сам в форинги, всяко лучше, чем Эгиль. А то с нами совсем считаться не будут... — потирая затылок пробубнил Фреки.

— Вождь в первую очередь должен вызывать уважение, а не страх. А нас с тобой, братец, скорее боятся, нежели уважают... — усмехнулся старший. А может и не усмехался. Я и сам не всегда понимал, это он улыбается или просто шрам на губе натягивается сильнее обычного.

— Это стороны одной монеты, но может ты и прав. Ладно, как нагребим-навоюем, так у каждого свой драккар будет! Да поболе твоего волчонка Ньёрда! — оптимистично заявил младший.

Своей целью ярл Рауд выбрал небольшое королевство близ вотчины уже знакомого нам Карла. Прованс.

Император имел некоторые политические трения с местным представителем власти — Бозоном, и был не против бесчинств северных варваров на территории недруга. Хотя мнение и уж тем более разрешение Карла III по этому поводу никто и не спрашивал.

Сборы пронесли в мгновение ока. Северные флибустьеры всю зиму ждали похода и полгода как "сидели на чемоданах".

Путь на родину розовых вин не показался будничной прогулкой. Если корабли достаточно легко проходили фарватер, то рано или поздно русло могло обмелеть или река делала резкий поворот, и приходилось подрабатывать бурлаками. А тягать многотонные корабли, скажу я, то ещё удовольствие.

С продвижением на юг открывающиеся виды всё больше раскрывали красоту расцветающей весны. Складывалось ощущение, что зимы в этих землях вовсе не было. Это подтверждалось обилием свежесезонных полей и упитанностью скотины. Коровки флегматично щипали свежую травку, зная, что находятся под охраной многочисленных каструмов, тут и там возвышающихся вблизи рек. Можно сказать, что каждое из этих каменных укреплений представляло из себя замок барона или даже графа. Однако дружины прованских барончиков не могли напугать хирдманов рыжего ярла. Но вот штандарты графского войска мелькающие вдалеке немного напрягали.

Пять кораблей и почти две сотни северян представляли серьёзную угрозу, с которой стоит считаться даже Императору. И всю эту силу Красная Луна умудрился собрать всего лишь за неполный год ярлства.

Управлять своим кораблём оказалось немного волнительно, но Волк Ньёрда благодушно отнёсся к новичку. После нескольких часов на воде я уже привык к "габаритам" снекки, и почти не задумываясь правил кормилом её курс. Глубина большинства рек позволяла не задумываясь идти по фарватеру, но изредка я всё равно бросал камень на верёвке, измеряя глубину на сомнительных участках. Как тут у нас говорят: «Бережёного Тор бережёт!»

Если коротко, то снекка шла ходко и без эксцессов. Небольшой опыт в управлении кораблём у меня уже был и судно уверенно рассекало водную гладь чуть поодаль драккара Луны.

Так, не спеша, но и не задерживаясь на одном месте, мы прорывались вглубь Прованса и

отягощали рундуки добром. Мелкие стычки только раззадоривали нас, впрыскивая в кровь азарт и адреналин. С каждым новым поселением и схваткой наши карманы всё сильнее оттягивали тяжёлые суммы с богатством.

Полноценных сражений почти не случалось, Рауд будто чувствовал, когда нужно делать ноги. Но однажды нас всё-таки перехватил большой вражеский отряд. Кто это был непонятно, возможно граф или объединённые усилия пары баронов. Главное, что в этот раз мы прошли по краю пропасти и лишь чудом не упали с обрыва. Но повезло не всем.

Мы только заканчивали грабёж средней руки деревеньки, когда из-за холма появились всадники. В тот момент я впервые увидел мощь кавалерии. Побросав чужое имущество из рук, хирдманы кое как успели собраться для противостояния надвигающейся угрозе.

Летучий отряд в шесть десятков всадников железным кулаком прошёлся по нашему строю. Глубоко конница пройти не смогла, сражение проходило среди домов и узких тропинок между ними. Но даже так лошади легко сминали людей, их выставленные щиты и копьё. Боевые кони не боялись острого железа, подгоняемые тычками седоков. И умирали.

Копья норманнов собирали щедрую дань, и первый удачный прорыв конников захлебнулся, не имея возможности для дальнейшего продвижения. Однако всадники сделали своё дело, и развернулись, открывая возможность для подступающей вражеской пехоты.

Улицы деревни пропитались кровью. Жалобное ржание умирающих лошадей и крики людей смешались в один безумный коктейль. Противостояние перешло в свалку.

Потерь было много.

Говорят, что вождь должен видеть бой целиком. Грамотно управлять своими людьми, закрывать прорези в шеренге... Даже стоя на передовой, если ты форинг или ярл, ты обязан видеть своих бойцов и координировать их действия. У Рауда это получалось, у меня не совсем.

Из шестнадцати хирдманов моей команды осталась дюжина человек. Друзья Рэва погибли, когда в нашу спину ударили стрелы. Опытный Лембит не пережил атаки кавалерии, а Дагбьярт пал от удара топором. Он был ещё жив, когда сражение окончилось, но мы не могли остановить кровь из прорубленной артерии. Дренг попросил вложить в его руку копьё. Когда ладонь молодого норегга нащупала шершавое древко взгляд его ярких глаз потух.

Я так и не успел привязаться к погибшим, но принимая их в хирдманы, я взял ответственность за них и их жизни. Смерть в вике дело обыденное, но в глубине души я надеялся, что она не коснётся моего хирда. Наивно.

Свою смерть нашёл и седовласый Вигфус. Для него этот вик также был первым в качестве форинга.

В этот раз не смог избежать ран даже везучий ярл. После смерти Вигфуса, Рауд впал в яростное исступление, набросившись на толпу франков и внося опустошение в их ряды. К нему смогли прорваться и остальные бойцы, но мгновения были утеряны, и когда хирдманы прорвали обступающий ярла строй, Луна уже был изранен с головы до ног. Шлем Рауда слетел с головы и его волосы, как пламенные лоскуты взлетали и опадали от порывов ветра и взмахов меча.

Что же, сражение мы выиграли, но малой кровью не обошлись...

В последний путь павшие товарищи отправились со всеми почастями. Их тела сложили на крыше самого высокого дома, а в его основании сложили трупы поверженных врагов и лошадей, чтобы те всегда смогли прислуживать истинным воинам в посмертии.

Свод дома подпалили сухим сеном, и скоро могучая стена огня взвилась высоко над всей деревней. Этим прощальным аккордом ознаменовалось завершение вика в Провансе и начало долгого пути в Новес.

Против движения полноводной реки Родан, как назвал её франк Аскаррик, наша снелка шла медленно, но упрямо поднималась вверх по течению. Дорога обратно заняла в три раза больше времени. Экипаж в тринадцать человек не без труда справлялся с судном, поэтому к Новесу мы прибыли лишь бледной тенью самих себя. Однако мысли о новообретённом богатстве зажигали огонь даже в самых блёклых глазах.

Каждый хирдман что-то потерял в этом походе, но приобрёл ещё больше. Моя рука ощутимо окрепла, настолько, что я даже попытался натянуть боевой лук. Однако пальцы выдержали только середину пути тетивы. Этот факт поселил в голове мысль, что возможно моё время ещё не прошло, а только впереди.

И тем не менее лето уже перевалило за экватор. Сезон ещё не был закончен, но награбленного было так много, что Рауд решил подвести черту. Именно это он объявил на пиру в честь прибытия домой. С глазами сытого кота, Луна лениво подмигнула мне:

— Как тебе, форинг Эгиль, плоды заботливых франкских рук? — он передал мне резной рог с зрелым вином сливового цвета. Я с благодарностью его принял и, как принято у франков, пригубил небольшим глотком.

Летнее солнце накидывало удавку каждому, стоило только выйти под его палящие лучи, но внутри каменного зала стояла прохлада и лёгкий сквозняк гулял по углям просторного помещения.

— Из твоих рук, ярл, и морская вода покажется мёдом! Хах, однако вино и правда прекрасно. Ещё мой дед Хакон нахваливал невероятный вкус здешних вин, и я с ним полностью согласен. Но знаешь, с чем эти вина никогда не сравнятся? — Рауд поднял медную бровь.

Хирдманы во всю веселились потрясая руками и хвастаясь собственными подвигами, помножая те в десятки раз. Собаки призывно смотрели на обилие еды, виляя хвостами в ожидании угощений. Тир-подавальщицы ловко сновали вдоль лавок меняя пустые кувшины на полные и для приличия визжали после каждого шлепка по задку. Сегодня никто из хирдманов не будет спать в одиночестве. Всё шло своим чередом, как и должно идти.

— С нашим северным мёдом и пивом! — на что ярл благосклонно кивнул.

— И знаешь где, как говорят, мёд слаще всего?

— Думается мне, что в Агдире, — ухмыльнулся он. Проницательный вождь читал меня как открытую книгу. — И обсудим это позже. Оставь думы на завтра, сегодня мы отдыхаем!

И мы отдыхали. Ещё как! А когда моё тело упало на мягкую кровать я мгновенно уснул от блаженства. Хотя после долгих месяцев похода мне и деревянная палуба казалась не жёстче объятий матери.

На утро я позвал Рауда в баню, чтобы мы в более закрытой от чужих ушей обстановке обсудили дальнейший путь.

На территории Новеса сохранились римские термы, одну из комнат которых переделали в более привычную северянам баню. Приятный хвойный аромат свежего полога и цветочных масел приятно окутывал парилку. Слабый свет масляной лампы тускло освещал наши силуэты. Это уже был второй заход, во время первого мы преимущественно молчали лишь изредка перебрасываясь фразами. Но после прохладной купели все мысли куда-то делись и наступило полное расслабление. Мышцы стали мягкими, будто лощёный волшебник с

золотыми волосами наколдовал пропажу костей из тела. Столько времени прошло, а я до сих пор помню эту противную сцену из любимого многими фильма...

— Второй день подряд баня... уххх, старики говорят, что от этого и коней двинуть можно. Не этого ли ты хочешь своему ярлу, форинг? — Рауд с ухмылкой утёр пот со лба.

— Я надеюсь ты доживёшь до старости и уйдешь, когда сам того захочешь, — а температура уже заметно за сотку перевалила, уже хотелось прикрыть лицо руками, чтобы не вдыхать обжигающий воздух. — Кстати об этом...

— Ты собираешься в Агдир, — не дал мне договорить он.

— Ты как всегда проницателен. Я пойду туда, нужно успеть до холодов.

— Конечно ты пойдешь. Но вернёшься ли?

— Я не собираюсь там умирать, мой ярл!

— В этом я не сомневаюсь, но сомневаюсь в том, вернёшься ли ты в Новес. Ещё тогда, когда ты спросил про корабль, я понял, что ты хочешь стать не форингом, а вольным хёвдингом, — спокойно сказал это Рауд, облокотившись спиной на стену. — Уххх, хорошо!

— Ты прав. Я хочу осесть на другом месте. Жирная франкская земля прекрасна, но слишком многие хотят брать с неё урожай.

— Если бы я не знал тебя, то подумал, что ты испугался, — прикрыл глаза ярл. Потом отхлебнул из кружки пиво, и плеснул им на печь.

В парилке пахло жжённым сахаром и пивным суслom. Плотный пар поднялся над печью и нагнал температуру ещё выше. Я сдвинул войлочную шапку ниже к носу и сам пригубил из кружки. Но в моей был морс из недавно собранной лесной земляники.

— Мне не в первой терять дом. У меня нет желания подчинить себе все земли. Как это сделал Харальд, — из-за горячего воздуха говорить приходилось рваными предложениями. Возможно затея с баней была напрасной. Однако непрошибаемому ярлу всё было нипочём.

— И чего же ты хочешь, Эгиль?

— Найти своё место. И избавиться от бремени за плечами.

— Ты можешь потратить на поиски всё жизнь. Да и что за бремя убить старика. Ты ему одолжение этим сделаешь! — засмеялся Рауд, обдав меня волной жара, затем продолжил. — Выбор всегда за тобой, если не найдешь своё место, то всегда можешь занять его подле меня.

— Я благодарен тебе за всё, Рауд! Для меня честь быть твоим форингом, пусть и недолго. И я готов выкупить Волка Ньёрда.

— Ха-ха, выкупить?! Кто же тебе сказал, что я его продам?

В парилке повисла тишина, прерываемая только гудением раскалённых камней и треском поленьев.

— Шучу! Видел бы ты свою рожу! Ха-ха-ха! Конечно, выкупишь, но за треть добычи с последнего вика! — а дальше начались беспощадные, убийственные торги. И дело было даже не в том, что рыжий ярл торговался как цверг. И не в том, что на кону огромная сумма серебра. Тут главное было в том, кто-кого пересидит в этом раскалённом аду, попутно выколачивая каждую монетку из бедного судёнышка. — Чего?! Конечно он вырос в цене, сейчас большой спрос! Во мне кровь Локи?! Да это в тебе его кровь раз так бранишься со своим ярлом! Ладно, за одну пятую так и быть, можешь носовую фигуру себе оставить. Какое по рукам?! Я сказал оставляй себе носовую фигуру за эти гроши, а снечку я себе заберу...

Туман начал рассеиваться лишь к вечеру. Танцующий огонёк костра приятно согревал натруженные руки. Даже дубовые ладони опытных мореплавателей горели от проделанной за день работы.

Кострище расположили недалеко от берега в небольшом естественном углублении, скрытом от глаз. Снежка стояла здесь же, опираясь на катки из бревен и подпоры. Крутой бок Волка Ньёрда поблёскивал жирным слоем берёзового вара, отражая оранжевые блики костра.

Обычно мореходами этого времени использовалась сосновая смола для просмаливания, но по словам Рауда берёзовый вар надёжнее, особенно его "фирменный"... Бочек с ярловым дёгтем у нас были избыток, чем мы и воспользовались.

Несмотря на то, что борта судна уже блестели свежей смолой, работы на снежке ещё не окончились. Поганый шторм попортил нам мачту, несколько вёсел и часть такелажа. Удивительно, что в буйстве стихии никто не погиб и наш кораблик смог уткнуться носом к суше, а не к морскому дну.

Разведгруппа во главе с Диром осмотрела окрестности и варяг доложил, что мы находимся на крупном острове, а не на материке. Непроглядный кисель тумана не дал увидеть большую землю, но позволил разглядеть, что остров разделён неглубоким росчерком пролива на две части. Вторая часть находилась в метрах пятидесяти, и при желании на некоторых участках до неё можно дойти вброд.

Разведка показала, что на противоположной стороне пролива ютятся пара рыбацких лачуг и вынесенная на берег долблёнка.

— Утром поспрашаем рыбаков, что за это за остров, — выслушав доклад, сказал я.

— В этом нет нужды, я знаю где мы... — оторвал усталый взгляд от огня Веторм, — Туман сошёл, и кажется я узнаю этот остров.

Он нехотя поднялся на ноги и указал широкой ладонью куда-то за гряды острова.

— Вон там до большой земли будет рукой подать. А здесь мы с отцом ловили треску. Хорошее место. Там, куда я показываю, будут древние курганы. Отец мне рассказывал, что проплывая это место нужно поделиться добычей с конунгами прошлого.

— А кто там лежит? — округлил глаза Иво.

— Да кто знает уже... Там много курганов. Последним предали земле Эйрика, сына Бьёрна Железнобокого. Я сам не видел, но под землёй целый драккар стоит!

— Это ж сколько там серебра зарыто?! Парни, представьте сколько у них там конунгов захоронено там? Копать надо, надо копать! — азартно заявил Фреки, усталость которого как ветром сдуло.

— Негоже сон упокоённых тревожить. Драуги жизни не дадут потом, изведут или отберут её вовсе, — подал голос немногословный дан Трасти.

— Точно, слышал я байку как один глупец решил пожить среди камней каэрн...

— Ну! Олейв, не томи! Продолжай! — с блеском в глазах придвинулся к костру Рэв.

Олейв затянул с театральной паузой, но вскоре низким голосом продолжил.

— Поживился среди камней, да разбудил Торкеля, прозванного Тоштим! Говорят, безумец ноги до колен стёр пока драпал от конунга из кургана, — поведал норег. — Не знаю как вам, а мне мои ноги ещё дороги.

Все дренги кроме Дира были совсем ещё молодыми парнями. История о богатствах беспокойных жителей курганов, несомненно, нашла отголосок в юных сердцах каждого. Что там говорить, даже я почувствовал зов чего-то мистического. Ступающиеся сумерки и бледные лоскуты тумана в низинах только множили витающий дух тайн в атмосфере.

— Не дело ульфхендарам бояться прихвостней Хель... — как-то не слишком уверенно пробормотал младший близнец.

— Какая чушь! Они лежат там хреновы сотни лет. Кроме пролежней на синих телах и ногтей длиной в сажень, ничего у драугов быть не может. Посмотрел бы я как эти иссохшие могильцы с такими лыжами на ногах бегать будут.

Пожалуй Гери был единственным человеком у костра, кого страшилки не трогали ни с какого бока. Сидел себе как раньше да пятку только почёсывал. А после последнего спича так вообще на мешок откинулся и тут же засопел.

— Да им и не надо, — после пяти минут тишины продолжил разговор Рэв. — Слышал я от родича, что на курганах иногда чёрная трава растёт. Сильное ведовство с неё вэльвы сотворить могут. Только не трава это вовсе, а когти драугские. И руками их голыми трогать никак нельзя! А коли тронешь, так обязательно кровь себе пустишь. А как кровь прольётся, так и проклятье сильное на весь род свой наложишь. И покоя ни тебе, ни семье твоей не будет боле...

— В штаны главное не наложить! — нашёлся Фреки. Его неловкую шутку поддержали товарищи и слова богам, а то парни совсем скисли.

Однако смех недолго гулял среди хирда, и как только с глубины острова пронзительно закричала ночная птица, взрослые, крепкие бойцы, что без страха встают против превосходящего войска, улыбаются в лицо шторму, сейчас съёжились и стали напоминать детей. Они робко тянулись ближе к костру и растирали взмокшие ладони.

Удивительно насколько сильна вера людей этого времени во всё потустороннее. Ещё немного и от боевого духа хирдманов не останется и следа. Так, с этим надо что-то делать!

— Хирд, мы прошли бескрайние моря и выскользнули из сетей Ран. Даже великанша не справилась с такими воями! Так как справятся ветхие костяки с нестриженными ногтями? Наша снелка сохнет и встать на воду мы сможем с рассветом. А дальше сходим на этот курган, ведь днём даже самые злостные драуги силы не имеют. К тому же древние мечи порой даже лучше наших, и не дело, чтобы они гнили в земле! — всего пара слов о наживе и страх бойцов меняется на воодушевление, — А сейчас нужно восстановить силы и отдохнуть. Первая смена Фреки и Аскаррика, остальные — спать!

Смола успела набрать нужную твёрдость за ночь и кораблик легко скатился по брёвнам в родную стихию. Рассвет мазками художника окрасил всё вокруг в розовые оттенки. Лёгкий ветерок шумно трепал ванты поднятой мачты.

— Показывай, где там ваш курган, — бросил я Олейву и Волк Ньёрда мягко тронулся от синхронной работы вёсел.

Когда корабль отделился от берега мы подняли парус и снелка лихо заскользила по водной глади. Остров оказался больше, чем казалось на первый взгляд, и напоминал раскрытую раковину. Быстро обогнув его, судно двинулось на северо-восток мимо других островов и плеяды островков поменьше. Вскоре показался континент и я направил корабль в узкую горловину фьорда.

За селением в дюжину домиков открылся вид на пологие курганы и каменные каэрны

поддёрнутые странной тёмной дымкой.

— Хёвдинг, что это? — изумлённо спросил Эфрон.

— Похоже на торф...

— Не, я знаю как горят торфяники, и как тлеют тоже, не похожи в общем! — уверенно заявил Олави. Уж кто-кто, а суоми на этом собаку съел, ведь на его землях из торфа даже дома клепают.

Чем ближе мы подплывали, тем очевиднее становилась странность этого явления. Из узких расколов в земле вырывались тонкие колоски пламени окрашенные в тёмные тона.

— Зато я знаю! Это курганный огонь! Его ещё мерцающим пламенем называют. Он горит только там, где серебро зарыто! — заорал Рэв.

— А чего же оно чёрное тогда?

— Дык Хель проделки это, кого же ещё...

— А жратву на нём жарить можно?

— На завтрак только, ведь ужинать ты точно будешь уже в Хельхейме! Ахаха!

— Если это огонь Хель, то он холодный вестимо...

— Ну иди проверь!

— Хёвдинг, нельзя туда, помрём в бесчестье на огне этом! — не выпуская весла из рук заявил Веторм.

— Смотрю, ты теперь хёвдинг, раз решаешь куда можно, а куда нет?! Молчишь?! Вот и думай прежде, что говорить. И без тебя знаю, что пока пламя там горит, нам на курганы не попасть. Правый борт — табань!

Снежка резко развернулась и корабль направился дальше, прочь от странных огней. Уверен, что всё это можно как-то объяснить, но на это нужно время и желание. А так горит и горит, пусть хоть чёрным цветом, хоть белым. Жутко только это всё... Но вернуться сюда нужно обязательно. В другой раз.

Живописные пейзажи изрезанной фьордами земли смотрели вслед правого борта судна. Гроздя островов тут и там вырастали сталагмитами из морского дна, окружённые роем чаек. Ближе к ним мы не подплывали, но даже издали нас оглушал яростный шум птичьего базара.

Совсем скоро не только Олейв, но и я стал узнавать острые берега мелькающей земли. Ещё немного и мы прибудем в Осло. Или в то, что от него осталось.

Знакомый залив.

Иссохшая пристань.

Доски так истрепались от времени, что угрожающе трещали под ногами.

Некогда могучие бревенчатые стены крепости лишь сожжёнными пеньками напоминали о былом присутствии.

Даже вал от дождей и оползней почти сравнялся с уровнем земли, только ручей, скрытый дикими кустами очерчивал круглую крепость.

Все уцелевшие строения уже давно разобрали на доски. Сейчас от Осло остались только угольки да заросший овраг. А сколько прошло, всего лет десять? Поверить сложно, что этот пустырь пусть и недолго, но был столь уютным домом...

— Хёвдинг, воспоминания не могут вернуть потерянное, — приглушённо сказал подошедший Дир. — Я точно знаю...

— Ты прав, друг. Хирд! Берём воду и продовольствие у старосты селения за этим пустырём. Но не бесчинствуем, эта земля ещё вернётся под мою руку.

Как оказалось прошлый староста, тот шепелявый дед уже давно умер, и главным на хуторе стал его сын. Ирония в том, что этот бородатый детина сильно картавил. Интересно, как будет говорить следующее поколение этой семьи... Меня, староста, естественно не признал. Прочем, удивляться в этом нечему. Я уже ничем не напоминал сына ярла, которого селяне видели.

Естественно мы не заплатили. Селяне были рады и тому, что их в рабство не взяли. А ведь могли.

Когда свежая пресная вода снова вернулась в бочки, а еда поселилась в трюме мы отчалили. Не сказать, что мы чувствовали острую нужду в провизии, тем более, когда до Тёнсберга осталось пол дня пути, но пусть лучше будет.

Пришло время, когда плыть уже можно было не таясь. Лишь редкие безумцы могли позволить себе разбой во владениях конунга Норвегии, тем более вблизи его столицы. Каждый встреченный на пути хёвдинг уважительно кивал и интересовался торговлей, делами и погодой в море. Один из вождей, чей путь с нами пересёкся, оповестил, что Харальда нынче нет в Тёнсберге. Конунг собирает дань с северных фюльков. Что же, я и не рассчитывал на его помощь в походе на Кьётви.

Раз Прекрасноволосого нет в городе, значит и заходить в него нет сейчас смысла. Однако многие морские вожди ещё не подвели итог своим походам в этом сезоне, и цена на товары других берегов высока. Нужно успеть продать вино, ткани и железо франков, пока цены не опустились из-за избытка. Ладно, сделаем небольшой крюк...

Как и ожидалось, торговля шла бойко, мы ещё и предложить ничего не успели, как все товары смели. Вспоминая наставления Стенульфа, я и братья выбрали отличную цену, так, что алчный хомяк удовлетворённо заурчал на задворках души. Осталось привести себя в полный порядок перед встречей с семьёй. Белых коней у нас не нашлось, да и для рыцарей рожи у нас слишком разбойничьи, зато шёлковые ткани и золото с серебром на могучих телесах дали бы фору любой цыганке.

От Тёнсберга до фюлька Легенды совсем рукой подать, поэтому плыли недолго. Поначалу на снечку не обращали внимание: носовая фигура снята, щиты по бортам стоят белой стороной. И только когда киль Волка Ньёрда притёрся вплотную к причалу, из ворот наконец высыпали люди.

Скорее из приличия, чем для обороны, домочадцы нацепили оружие на пояса и гордо встретили нас на подступах.

А мы и не торопились.

Не скрою, в этот момент мне исключительно хотелось покрасоваться. И кораблём, и лощённой командой, и собственной статью.

Залихватски спрыгнув с борта, я сдвинул серебрёный шлем на затылок и с улыбкой двинулся по утоптанной тропинке к воротам.

— Один Всеотец, неужто ты, Эгиль?! Или зрение моё забрали небесные девы? — скрученный дед в неприкрытом удивлении раззявил рот.

— Валькирии ещё обходят тебя стороной, старик. И я им благодарен!

— Ты никак ещё вырос? А ну! Оглобля, ух, полегче! Совсем старика сломать хочешь?! А ну отпусти на землю! Она мне сил даёт, а то давно уже бы помер. Всё-всё, орясина! — как бы Закон не возмущался я видел слёзы радости в уголках его серых глаз. Я и сам был безмерно рад встрече, — Вон, мать лучше носи, она-то тебя, лося, девять месяцев под сердцем носила!

Всё та же прекрасная женщина. Лишь тень седины тронула её белокурые пряди, но не смогла умалить красоты и стати. Гладкая кожа вокруг ярких зелёных глаз собралась в лёгкую паутинку при взгляде на меня. Асвейг улыбалась.

— Как же я счастлива, что слухи о тебе врали, и ты в здравии, сын мой! — сложив руки у сердца, сказала она.

— Здравствуй, матушка! Ещё совсем недавно это были не слухи. Но теперь я вновь здоров и полон сил! — я легко подхватил её на руки и лихо закрутил, отчего мама звонко рассмеялась. — Встречай же своего сына и его храбрых хирдманов!

Команда встала за моей спиной и синхронно стянула шлемы. Этот момент они репетировали ещё на корабле. Уж очень молодцам хотелось понтануться. И ведь был чем: каждый при добром клинке или топоре, на статях ладная бронь, а на наборных поясах звенит достаток. И не скажешь, что половина отряда зелёные дренги. Но, правды ради, не такие и зелёные, после всех наших передраг.

— Ба, да ты никак в отца уродился! От горшка два вершка, а уже хёвдингом заделался! — дед показал рукой на уровне своего пояса, — А чего у волчат такие морды холёные? Всё, похвалились и будет, у меня самого в семнадцать годков уже два драккара было, или три... да кто же упомнит? Айда пировать, молодёжь! Ради такого дела я свою ставленную медовуху из ледника достану!

— Я привёз тебе кое-что получше, уважаемый! — показал на ящики я.

— Не могёт того быть, лучше моей медовухи только мёд поэзии да винцо одно... — я подмигнул старику. — Боги! Доставай его и поторапливайся, по соседям ещё сходить надо!

В зале длинного дома места хватило всем. Даже тем, кого по своему обыкновению позвал Легенда. Тосты текли рекой, как и горячительные напитки в бездонные глотки хирдманов.

Наблюдательный дед заметил, что сейчас я в основном пользуюсь левой рукой. Пришлось рассказывать всю подноготную наших приключений. Естественно роль рассказчика досталась не мне. Точнее я знал, кто с этим справится лучше и делегировал обязанности. Поэтому Фреки пел соловьём тысячекратно приумножая "великие" подвиги.

Он пел о Богах и пел о героях, о звоне клинков и кровавых битвах... или как в той песне было? В общем выдал несколько новых драп, а сколько вис он сочинил, я даже со счёта сбился. Последнюю он, кстати, как и намеревался посвятил Богам, что сохранили снекку и уберегли от чёрного пламени кургана.

Если коротко, то всё прошло как и всегда. Шумно, тепло и весело. Уют стен медового зала укрыл сердце от холодных лишений последних лет и прочих неприятных событий. Видеть сияющую улыбку матери, хохочущего старика и загадочную вельву, было настоящим счастьем для меня.

— Так ты прибыл, чтобы убить Кьётви?! Я с тобой! — брызжа слюной проорал на весь зал Хакон.

— Дедуля, угомонись, куда тебе? — беззлобно осадил его Фреки.

— А ну цыц, щенок! Синдри был мне как сын, я отомщу за него и мнения твоего не спрашиваю! — потрянул бородой Легенда.

— Дед, ты ведь понимаешь, что это будет твой последний вик? — поднял бровь Гери.

— Конечно! Куда же я ещё попрусь йотунам на смех? Кьётви убьём, да домой, а дальше буду себе мёд варить да овец стричь.

— Хакон, брат имеет в виду, что скорее всего ты умрёшь в этом походе, — вкрадчиво сказал я. Весь зал соглашаясь покивал.

— Да так ещё лучше! Небось валькирии уже заждались, а таких девок я не могу расстроить. Если ты понимаешь, о чём я, хе-хе-хе! — старик мерзко посмеялся, — Решено, плыву с вами!

Хакон кряхтя поднялся и залпом осушил кубок вина. Утерев рубиновые капли с бороды он призывно огляделся, заглядывая каждому в глаза. Я хотел было сказать, что не возьму его с собой, но увидел как Асвейг украдкой покачала мне головой.

Сколько лет живу в этом мире, но так и не могу привыкнуть к такому наплевательскому отношению к собственной жизни. Хотя в данном случае, это скорее проявление чести.

Пир прошёл и оставил после себя головную боль и слабость в теле. Но кроме попойки мы определились с датой выхода, а именно через пять дней. К этому времени планируется успеть провести полный техосмотр нашего плавсредства, произвести набор желающих отличиться в Агдире, ну и, конечно, отдохнуть.

А какой отдых без целительного массажа?

Первый же осмотр у Сигрун показал неоднозначную ситуацию моего здоровья.

— Раздевайся, хёвдинг, — в своём доме вёльва скорее отдавала приказы, чем просила.

— Так хочешь поглядеть на тело молодого вождя? — смеясь я стянул обе рубашки и цепь с шеи. Оставшись только в штанах я шагнул к очагу. Даже летом в хижине вёльвы было холодно. Будто снежная королева, Сигрун тряхнула серебряной косой.

— Конечно, юный хёвдинг, этого момента я ждала с тех пор, как ты впервые поклялся мне в любви!

— Когда это я тебе в любви клялся?.. — только начал возмущаться я, как Сигрун прервала меня жестом и ледяными ладонями притронулась к плечу.

Словно играя на флейте, она ловко перебирала пальцами вдоль руки, останавливаясь на каждом шраме. Когда её острые ногти коснулись моей татуировки она сказала:

— Жизнь твоя, сын ярла, была прервана... — зловеще прошептала она. С этой мистической аурой молодая ведьма была как никогда привлекательна. Хотя сколько ей нынче лет? Около сорока должно быть, и пусть волосы покрыли иней, вёльва всё равно выглядела не старше тридцати. Помнится девушки и в моё время любили краситься в платиновых блондинок.

— Как-то не чувствую себя трупом, — усмехнулся я.

— Сильное колдовство сотворил Стенульф, не ожидала от него... Он связал твою душу со змеем. И змей принял удар на себя... — чем больше говорила вёльва, тем сильнее её глаза завлакивало бледной дымкой. — Жизнь не оканчивается Мидгардом, душа и дальше продолжает свой бессмертный путь на ветвях Иггдрасиля, чтобы завершить его в огне Великой Битвы. Твоя же душа была на волосок от забвения...

— И как ты это поняла?

— Твой змей, что кусает себя за хвост. Он весь покрыт шрамами. Почти все раны на твоём теле принял на себя змей. Твои плечи, грудь, спина... его шея, брюхо и хвост. Чешуя вспучилась рубцами, но выдержала. Твоё сердце пробили, теперь его бьётся за двоих.

— Занятно...

— И будь это простое железо, оно бы отскочило от шкуры зверя, но тебя кололи не им...

— Дорогая вёльва, я уже не помню, кто и чем пытался меня зарубить. Да и разве это важно Ты мне лучше скажи, как мне подвижность в руке вернуть, чтобы было как раньше?

Сигрун водила рукой по змеиному телу, щупая розовые рубцы, пересечённые синими и зелёными росчерками чернил и что-то шептала. Видимо она даже не слышала моего вопроса. От студёного воздуха в доме всё тело покрылось мурашками.

— Ложись! — Сигрун властно подтолкнула меня к лавке.

— Штаны снимать? — попытался было пошутить я, но натолкнулся на выбеленные глаза ведьмы. Боги, она вообще в сознании?

А дальше началось типичное изгнание бесов из провинциальной пенсионерки. Окуривание дурнопахнущими травами, пение низким голосом и танцы с бубном. Бубна, правда, не было, но когда Сигрун достала нож мне стало не по себе. В тот момент, когда она начала тыкать финкой мне руку, я хотел начать возмущаться, но меня раскумарило так крепко, что смотрел на ведьмину акупунктуру будто со стороны.

Всё больше ранок покрывало мою тушку, отчего она стала похожа на белую землянику. Вот только кровь из них не вытекала. Ещё мне показалось, что татуировки от каменного мастера берсерков стали подсвечиваться. Не то что я не верю в народную медицину, но методы Сигрун как минимум кажутся странными. Однако кроме народных, здесь нет иных методов лечения. Альтернатив нет.

По итогу штаны она стянула с меня сама, но не для того, о чём многие могли бы подумать. Просто она решила истыкать ещё и ноги. Это продолжалось долго, но когда я подумал, что всё кончено, молодая ведьма достала ту самую мазь.

Даже сквозь дурман я чувствовал, как нещадно щиплют раны.

Мазь схватилась и стянула кожу. И всё бы было бы прекрасно, но Сигрун стала переворачивать меня на живот. Откуда только силы столько в её хрупком теле. И снова ножеукалывание...

Сколько я провалялся в домике вельвы я не знаю, но когда проснулся, чувствовал себя выспавшимся и полным сил. Под кучей одеял было тепло и уютно, но спать уже не хотелось. Широкая лавка позволяла поместиться вдвоём на ней, но я лежал вплотную к стене и пространства на спальнике оставалось предостаточно. Хम्म...

— Ты грела меня всю ночь? — Сигрун стояла спиной ко мне и что-то помешивала в котелке. Даже простая готовка в её исполнении была похожа на ритуальный обряд. Из рукавов зелёного платья летели приправы, соль, попадая на пламя костра окрашивала его в яркий жёлтый цвет. Когда она повернулась, её бледное лицо украсила хитрая ухмылка.

— Тебя только колдовством в постель можно загнать, сын ярла. А колдовать я умею, — она игриво скрестила руки на груди, натянув блестящие серебром черепаховые брошки на ремешках хангерка.

— Я чувствую себя прекрасно, спасибо тебе! — я поднялся и поклонился ей.

— Ты бы портки надел, прохладно у меня, хёвдинг. А то скажешь потом, что это всё от холода, хах!

Скрипнув челюстью, я в спешке стал искать исподнее. Несмотря на мой, отнюдь, не юношеский реальный возраст, ведьма умела задеть самолюбие любого мужчины. При свете дня флёр её хижины мало чем отличался от жилья любого другого человека.

— Отобедай со мной, Эгиль, сын Синдри.

— Чем нынче кормят в доме великой вельвы?

— Варёными детьми, чем же ещё?

— Обожаю! — чувство юмора Сигрун было под стать её профессии. Первая ложка густого кулеша по правилам досталась мне. Немного волнительно, но, — Безумно вкусно!

— Годовасики... — вельва развела руками, а я чуть не поперхнулся. Всё таки иногда она перебарщивает.

Сигрун тоже наложила себе миску наваристой мясной каши. Подцепив кулеш с края деревянной пиалы, она легонько подула на ложку. Изящная прядь выбилась из копны серебристых волос и она аккуратным движением спрятала её за ухо.

— Слушай, а вот вчера, все эти обряды твои... Это для чего было? — я посмотрел на покрытую розовыми чёрточками руку.

— Чтобы от глаз злопыхателя тебя скрыть. Тебя изжить кто-то хочет, вот и убирали сглаз его.

— А сила к руке моей вернётся?

— Откуда же мне знать. Это ваши мальчишеские занятия: топорами махать да "мышцами" меряться. Сам лучше меня знаешь, как силу увеличить. Я лечу не последствия, а причину убираю.

— Спасибо тебе, Сигрун! — пусть я и не совсем понял, зачем меня превратили в крокодила, но прекрасного самочувствия было достаточно для благодарности за её труды. Спohватившись, я достал из кошелька две массивные серебряные серьги с узорными прожилками в голубых камнях. — Франки называли эти камни Пьер д'Эзур[1], я думаю, что они отлично тебе подойдут.

[1] *Pierre d'Azur*, именно такое название имел лазурит во Франции.

Конечно я не мог обойтись без подарков для всех дорогих мне людей. Хакону я привёз целый ящик бургундского вина, для Асвейг выкупил у Рауда две прекрасные броши на хангерок с самоцветами, а Сигрун привёз серёжки. Они нашлись у жены барона. К счастью та сама их сняла, а то зная нашего брата, осталась бы без мочек.

— Юный хёвдинг, если это свадебный дар, то я всегда готова выйти за тебя, ты же знаешь! — шутки-шутками, а глазки-то у ведьмочки зажглись огоньком от новых цацок. Кстати, золотой браслетик со змейками, который я подарил ей в прошлый раз и сегодня был на ней. Приятно.

— Это моя благодарность тебе, а не свадебный дар. Но чистая и незамутнённая!

— Эх, уже дважды ты разбиваешь мне сердце! — ничуть не расстроившись сказала она. — Что же, твои воины ждут тебя, их вождь уже слишком задерживается в доме скромной вельвы. Но ты всегда найдёшь в нём уход и тёплую постель, — с лукавым смешком она забрала у меня пустую миску и подала пояс с мечом.

Работы по снелке уже подходили к концу. Один из шпангоутов треснул и его пришлось заменять, заодно и пересобрать обшивку борта. Зато теперь никто не имел и малейшего сомнения в плавучести нашего судна. Это подкреплялось и тем, что корабль отлично зарекомендовал себя в вике и сумел с гордостью выдержать все нападки стихии. Сейчас же его носовую фигуру окрасила свежая кровь жертвы, и Волк Ньёрда свирепо скалился, предвкушая скорую охоту. Под тент-палаткой плотно уложили провиант и пресную воду, доски благородно оттеняли солнечный свет матовой поверхностью воска. Корабль ожидал только своих хозяев, готовый вот-вот сорваться с цепи.

Кроме самого Хакона, поучаствовать в рейде на Кьётви заявили ещё несколько мужиков. Их истории также были полны неприязни и даже ненависти к агдирскому вождю, и теперь, когда появилась информация о местоположении Богатого, их месть стала возможной. Против крепких бондов я ничего против не имел, лишних рук на снелке точно не будет, тем более, что по прикидкам хирд Кьётви в два раз больше нашего.

Вся подготовка сделана. Осталось только попрощаться...

По-осеннему холодный ветер выбил из платка Асвейг её светлые пряди. Золотыми лентами они развевались за её спиной. Глаза матери были ясными, а взгляд твёрдым.

Никаких слёз и смятения, только спокойствие и непоколебимая уверенность.

— Эгиль, пришло время доказать, что твой путь был не напрасным. Ты никогда не был ребёнком, но это не значит, что ты зрел. Только повзрослев ты получишь свободу. Пора.

— Пора, матушка. Я позабочусь о Хаконе и вернусь, отомстив за отца.

— Твой дед сам хозяин своей судьбы, и я думаю, он слишком горд, чтобы принять помощь... просто дай ему сделать то, чего он так желает, — Асвейг тяжело вздохнула. — Настоящими легендами можно стать только после смерти.

Горькая улыбка матери сковала её лицо. Асвейг старалась это скрыть, но я знал, как сильно она боролась сама с собой. Желание уберечь престарелого отца и любовь к нему шли вразрез с бесконечном уважением к его выбору и чести. Сокрытое, гнетущее будущее единственного ребёнка, который ходит на волосок от смерти, необдуманные выходы Хакона, и потеря любимого мужа. Как много пришлось пройти ей, чтобы произнести эти слова? Как много пришлось вынести ей на своих хрупких плечах, чтобы иметь силы улыбнуться? Порой мальчишки боготворят своих отцов, наслаждаясь их ярким, обжигающим светом, но на фоне ослепительных лучей не замечают кроткого материнского тепла. Асвейг всегда была и останется той тлеющей лучиной, которая в любой момент сможет развеять тьму в сердце и обогреть его даже в самый лютой холод.

Чем дальше мы отплывали от Тёнсберга, тем холоднее становился ветер. Каждый час погода всё приближала нас к скорой осени. Свирепые порывы били по парусу с разных сторон, скоро сменяя направления. В какой-то момент резкий шквал раздул полотнище паруса в обратную сторону, гулко ударив по мачте. Дальнейший путь пришлось идти на вёслах.

Вместе с ветром поднялись и волны. Я не рискнул вести корабль вблизи береговой линии, но даже далеко от неё стоило остерегаться коварного и переменчивого дна. Порой сильные волны скрывали за своей чернотой острые копыя скал. Одна такая едва ли не пропорола корпус, хотя от берега было не меньше двух полётов стрелы.

При подобной погоде проводить ночь в море не хотелось никому, поэтому до темноты Волк Ньёрда нашёл свой ночлег в узком разломе утёса. В этом месте волны разбивались о высокий мыс, наверху которого произрастал куцый хвойный лес. Лучшего места для ночёвки нам было не найти.

По итогу даже сходить с борта не стали, заночевав на палубе. А как только солнечный диск едва показался на горизонте, вновь отправились в путь.

Утро началось с дождя.

Крупные капли мерно стучали по палубе, скатывались с лиц хмурых хирдманов, хлюпали в ботинках, холодили руки. Затем дождь перерос в ливень и движение судна замедлилось ещё больше. То-ли колдунство Сигрун не сработало со мной, то-ли кунг-фу шаманов Кьётви сильнее кунг-фу вельвы, но кто-то явно не хочет, чтобы мы достигли цели.

Планируемый путь в двое суток до Агдир-фьорда превратился в три дня изматывающего испытания нашего терпения. И в тот миг, когда мы наконец вступили из моря в реку ударили заморозки. Как будто дождя и ветра мало было... Температура опустилась до некомфортной. Каждый выдох стал сопровождаться облаком белого пара. Такими темпами до обители Богатого мы дойдём по пояс в снегу.

От нескончаемого ливня река наполнилась мощью, сопротивляясь ветвистыми потоками движению нашего корабля. Тут и там в неё впадали буйные ручьи ливневых водопадов, так,

что найти искомую отворотку оказалось крайне непросто. Даже знаковый водопад, о котором говорил Илуги терялся на фоне других. Только по наитию мы вошли в один из ручьёв, напоминающий сейчас полноводную реку. Если я сделал правильный выбор, то сейчас нам нужно приготовиться и быть во всеоружии.

Подходил к концу седьмой день похода. Неделя потребовалась для того, чтобы достичь владений Кьётви. Всё больше признаков говорило нам, что мы на верном пути. Чуйка это, интуиция, но что-то во весь голос кричало мне, что мы вот-вот придём к цели. Своим чувствам я привык доверять, поэтому мы нашли укромное местечко, схоронили снечку и аккуратно стали пробираться по дремучим горным чащобам.

Иногда на пути попадались просеки, поросшие юным полеском; кто рубил здесь, а главное зачем это делать в глубине леса? Вопросы возникали в голове, но ответить на них никто не спешил. Дважды на глаза нам попались охотничьи силки. В петле одного из них слабо трепыхалась куница. Поставили недавно.

— Не позднее, чем вчера поставили, — сказал самый авторитетный охотник хирда. Олави чутко повел носом у примятой дождём травы и легонько коснулся почвы. Что суоми видел, мне знать не дано, но финский охотник с рождения читает лес и явно знает больше моего. — Я выйду след. Тяжёлый и хромьей. Плохой охотник.

Олави уже сносно говорил на нашем, но делал это с ярким акцентом, ровно как и его друг. Пока суоми изучал следы, таваст призраком скользил по кромке тропинки. У полянки Сэфинн задержался, что-то внимательно изучая, затем подскочил к Олави и вместе они двинулись к находке таваста. Тихий спор зашуршал среди листвы, пока Гери не прервал их.

— Чего ждём, не ты ли сказал, что вчера тут были люди?

— Да, это сказал я. Мы с Сэфинном спорили, кто ставил силки. Старый или слабый желудком мужчина, — медленно проговаривая слова ответил Олави.

— И как вы это поняли? — спросил Рэв.

— Он навалил под дерево. Жидько, — поделился Сэфинн.

— Прекрасно, ну раз говнознатцы здесь закончили, предлагаю идти дальше! — внёс свою лепту Фреки и, в ожидании моего решения, встал на тропинку.

— Идём по обе стороны от тропы, на неё не ступаем, держим друг друга в видимости. Двинулись!

Вопреки ожиданиям, никто нам так и не встретился, однако мы наконец вышли из леса и нашему взору предстал хутор.

С первого взгляда он показался полным достатка: россыпь домиков и плотный тын, чёрные идолица на отшибе, колодец, прополотые грядки и сытые белые овцы. С первого взгляда. А со второго: ветхие ставни и покосившиеся стены землянок, прорехи среди жердей забора, пустующие блюда деревянных болванов, скудность культур и голов скота. Даже главный длинный дом выглядел убого. Величие этого места кануло в лету, оставив после себя изношенность и запустение.

Свора детишек носилась по дворам собирая пыль и грязь на видавшие виды наряды. Старики вполглаза поглядывали за вознёй малышни. Скотина паслась... где всё боееспособное население? Даже если Кьётви покинули самые молодые хирдманы, у него всё равно должны были остаться нормальные бойцы? Значит, они ещё не вернулись с похода. Мы успели вовремя!

Ещё понаблюдав немного за хутором, мы пришли к выводу, что его нынешнее население

не превышает и дюжины, не считая детей. И трэлей, этих вообще никто не считает. Значит и таиться смысла нет.

Ни от кого не скрываясь мы твёрдо направились к центру обители. Дети, едва завидев нас тут же прыснули в противоположный лес, старики как могли поспешили обороняться, видимо военное прошлое дало о себе знать. Но что они могли противопоставить нам? Мне не нужны жизни детей и престарелых воев, мне нужна смерть одного конкретного человека.

— Кьётви! — что было мочи проорал я.

Облик хозяина дома полностью соответствовал этому месту: большой и величественный, но при этом старый и ветхий. Его белёсые глаза покрывала пелена равнодушия. Голова, что больше напоминала страусиное яйцо, окружённое седым гнездом редких волос, была глубоко утоплена в покатые плечи. Толстые пальцы сияли переливом драгоценных камней, которые так диссонировали с окружающим запустением и бедностью. Даже дневной свет не мог придать яркости выцветшим от времени гобеленам за его спиной.

Я не торопился. Медовый зал, который видывал и несколько сотен дружинников в своих стенах покорно принял двенадцать непрошенных гостей. Ещё пятеро ожидали снаружи, чтобы никто не потревожил беседу уважаемых людей. В молчании проходили минуты. Кьётви собирался что-то сказать, но слова так и не покидали рта. А я всё смотрел на человека, от действий которого погиб отец, но так и не мог заставить себя возненавидеть его.

— Ты знаешь, кто я?

— *Даже если бы знал... разве это важно? Ты пришёл в мой дом и хочешь убить меня.*

— Хочу.

— *Тебя можно понять. Ты молод и за тобой идут люди. Но в этом доме больше нет богатств для тебя и твоих людей. Мой корабль забрали мои же хирдманы, у меня не осталось наследника, а жёны умерли от старости.*

— Мне не нужны твои богатства, корабль или жёны.

— *Чего же тогда ты хочешь от старика?*

— Твоей смерти.

— *Кажется я знаю, кто ты. Да, ты похож на него... Я потерял сына, ты потерял отца. Мой путь подходит к концу, а твой только начинается...*

— Где твои люди?

— *Уже не мои. Забрали драккар и сбежали в Исландию.*

— Чьи это дети?

— *Дети трэлей, но с ними есть внук и пара внучек моих хирдманов. Тех, кто слишком стар для долгих переходов и тех, кто верен мне до конца.*

— У тебя есть желание перед смертью?

— *Одно. Завтра будет десять лет как погиб Торир, мой сын. Я хочу встретиться с ним в этот же день.*

— Я исполню твоё желание.

Также без спешки я покинул покои Кьётви, а за мной вышли и остальные хирдманы.

День или два не играли существенной роли. Сбежать он не сможет, другие старики связаны и загнаны в сарай. Дети прячутся в лесу. Нужно только немного подождать...

— Почему ты не убил его? — первым делом спросил Фреки.

— Убью завтра, к чему спешка?

— Мутный он, не верю я ему!

— Я тоже, брат. Этот старый змей не просто так время тянет, — поделился Гери.

Меня тоже напрягала просьба Богатого. Да и по рассказу Илуги людей у Кьётви было четыре десятка. Могли ли они действительно сбежать в Исландию? Очень даже могли. Но сбежали ли?

Ближайшие к длинному дому лачуги благополучно сменили жильцов. Обычно время в ожидании течёт медленно, но после долгого и тяжёлого перехода оно пролетает незаметно. Так оно и было, пока Аскаррик не прибежал к моей землянке со свёртком в руке.

— Хёвдинг, я нашёл в сундуке моего дома эти шаровары. Тебе не кажется, что они слишком модные для седых старцев? — франк развернул яркие штаны глубокого бордового цвета. У викингов действительно в зависимости от региона были разные предпочтения в моде, но такие шаровары я стал замечать среди людей конунга Сигфрида не больше года назад. Сомневаюсь, что предавшие Кьётви хирдманы решили сбежать без модных портков. — В доме остальных тоже несколько новых вещей.

— Ясно. Что же, значит для Богатого "завтра" уже наступило. Зови остальных. Вздеть бронь!

Но мы всё равно опоздали...

Как только я выбил запертую дверь длинного дома в меня тут же полетело копьё. Благо дверь открывалась наружу и на его пути был мой щит в правой руке. Такой бросок не ожидаешь увидеть от дряхлого, тучного старика. Тут же с лёгким шелестом промасленных ножен его меч увидел свет. Не теряя ни секунды Кьётви ринулся в мою сторону, заноса клинок для удара. Могуч дед! Каким же он был в молодости?

Возможно сил Кьётви до сих пор хватало для боя, опыта и мудрости было хоть отбавляй, но, как он сам и сказал, его путь подошёл к концу. Никто не вмешивался в бой, и в этом не было необходимости.

Мой щит как таран врезался в лицо Богатого. Металлическая окантовка ребра со звенящим хрустом выбила пеньки его зубов. Удар был так силён, что тушу Кьётви развернуло в воздухе и старый вождь пробил затылком иссохший деревянный настил. Мгновения растянулись в часы, я не мог поверить, но Богатый тяжело развернулся, опираясь дрожащими руками о пол. Его залитые кровью глаза и дикая усмешка исказили остатки лица.

— Думаешь... это мой конец?! Ты... глупый малец... — кровь безостановочно текла из его рта. — Мы умрём вместе!

Как только его предсмертный крик затих в зале, со двора прибежал Веторм: "Люди, четыре десятка!"

Лучники успели дать лишь по два залпа, прежде чем в воздух помимо стрел полетели и копья. Среди врагов я увидел несколько молодых лиц, но большинство хранило на них не только шрамы, но и глубокие морщины. Хирдманы Богатого бежали слаженно и умело прикрывались щитами. Плотный строй не размыкался даже после выбитых звеньев цепи. В момент столкновения за спинами агдирцев уже лежали трупы их товарищей. А дальше прозвучал долгий волчий рёв...

Горы порубленных искалеченных тел, предсмертные хрипы и стоны стали наградой победителям. Наградой нам. На площади перед длинным домом было трудно найти чистый от крови участок земли.

— Къётви нет, и нет больше никого, кто связан с ним родством. Круг замкнулся, змея укусила хвост. Мы отомстили, дед...

— Да, внук... Я так корил себя все эти годы... что не был с твоим отцом в тот день. Прости меня...

— Норны сами решают, когда оборвать нить жизни, значит тебе незачем винить себя, а мне не за что тебя прощать. Ты сделал, всё, что смог, Хакон.

— Что смог... я наконец вижу их, Эгиль. Ох, как же они прекрасны...

На губах Хакона сияла фирменная улыбка, но глаза его уже не видели свет. Последний вздох покинул его иссохшее тело. Я накрыл деда собой, лишь бы не потерять это тёплое дыхание, но его было уже не вернуть.

— Прощай, Легенда...

Наконец небо прояснилось. Природа вспомнила, что ещё идёт лето и решила напоследок подарить тёплый солнечный свет.

Волк Ньёрда скалился на открытое море, полосатый парус запряг ветер в свою узду, и снелка ловко скользила по морской глади.

Руки привычно удерживали кормило, глотка орала песни, а ноги сами по себе отбивали ритм. Хирдманы во всю голосили, пытаясь перекричать друг друга, чайки вторили им с неба, и даже сам корабль поскрипывал в такт. А когда песня завершилась Гери спросил:

— Брат, куда дальше?

— Дальше... а дальше мы пойдём на Запад!

— Слышали все, хёвдинг сказал, что дальше плывём на запад! — прерывая следующую песни выкрикнул Рэв.

— Это куда?

— Исландия?

— Да не, Согне!

— Согне? Тогда уж Рогаланд!

— А плевать, с нашим хёвдингом хоть куда! Фреки, давай вашу драппу про волков в овчарне споём!

Хирдманы наперебой стали просить братьев зачитать любимые висы. Голоса далеко разносились по морю, может даже доставали до дома в Тёнсберге, землянки Лейдольва, старого мастера Стенульфа, рыжего ярла и даже Богов. В этом мире может быть всё.

— Ну нет, это уже было. Я начал новую сагу!

Больше книг на сайте - Knigoed.net